

Владимир Масляев

ОЖИДАНИЕ МАРГАРИТЫ

Повести и рассказы

**Курган
2011**

ББК 84Р7
М 31

Масляев Владимир Борисович.
Ожидание Маргариты. Повести и рассказы.
– Курган: Центр «Отклик». – 2011. – 124 с.

Небольшие прозаические произведения, представленные в данной книге, отличает творческий вымысел, при котором фантастике можно верить, а правде жизни – удивиться.

© В. Б. Масляев, 2011.

Заказ № 1145. Подписано в печать 16.11.2011.
Изготовлено и отпечатано в центре «Отклик».
Курган, ул. 4-я Больничная 8-16, тел. 54-20-53.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Ожидание Маргариты	1
Условный бой	2

РАССКАЗЫ

Сапоги, ремень, бритва	3
Алина	3
«Ах, Америка!»	3
Дружили кошка с собакой... ..	3

ОЖИДАНИЕ МАРГАРИТЫ

1

С утра до вечера накрапывал дождь. Матово блестела мокрая брусчатка перед дворцом, терялись в тумане высокие шпили кирх. Взбивая брызги, прошел караул гвардейцев. Начало смеркаться. Дождь моросил, и это было скверно.

Сложив на груди руки, принц Христиан стоял у окна. Тишина растворялась в сумраке кабинета. Переминаясь, принц поскрипывал крагами, кусал ноготь. Все знали, что он не в духе, и уединение его не нарушалось.

Уже почти стемнело, когда распахнулись бронзовые половинки массивной двери, и в кабинет, мягко ступая, вошел Артур Книппенбах – рослый, с зеленовато-янтарными глазами молодой человек, друг детства принца. Уже с порога он намеревался что-то сказать, но, увидя, как нервно вздрогнули плечи Христиана, прислонился к камину, достал пилку и молча занялся своими ногтями.

Кабинет, обставленный в стиле ампир, напоминал штаб-квартиру завоевателя. В углу, против камина, висели шпаги, алебарды, мушкеты, разнокалиберные пистолеты с драгоценной отделкой; еще выше помещались кабаньи головы, олени рога; в простенках стояли барабаны, боевые знамена, чернели бюсты Александра Великого и Густава Адольфа. Стену над письменным столом украшали оправленные в простые деревянные рамы снимки потешных баталей: большеглазый подросток в ботфортах и треуголке кричит перекошенным ртом, увлекая мальчишечье войско на вал игрушечной крепостцы; он же, только постарше, расставив ноги, стоит на мостике барка: – за спиной видны буйные балтийские волны. В другом углу висели небольшие фотографии юного Христиана: принц с дельтапланом у отвесной скалы (внизу, в тумане, река и ущелье), принц и друг Книппенбах на катамаране переплывают стиснутый угрюмыми скалами фиорд.

Полируя ногти, Книппенбах с легкой улыбкой размышлял о своем. Принц зажег от огня зажигалки пару свечей, спросил хрипло:

– Тебе весело?

– Да, ваше высочество, – Книппенбах спрятал пилку в футляр,

отошел от камина. – Жизнь порой представляется веселой штукой!

Принц криво усмехнулся. Не спеша переместился к камину, положил ладони на теплые изразцы.

– Мне всегда было жаль тех, кому вздумалось прожить жизнь шута. По-настоящему жил тот, кто страдал. Плох тот шут, у которого губы смеются, а сердце не плачет.

Книппенбах скроил постную мину, заморгал скорбно. Ему захотелось рассеять дурное настроение принца, он перешел на дружеское «ты».

– Я всегда говорил: для тебя нет ничего вреднее одиночества. Если тебя оставить одного на неделю, следующая наша встреча наверняка состоится в монастыре.

– Не дури! – принц смаху шлепнул ладонью по каминной доске. – Я с тобой не шучу.

Книппенбах вздрогнул. Застегнул пиджак, подобрался.

– Затворничество мне надоело, – принц принялся нервно вышагивать по кабинету. – Да, затворничество надоело... Заменить нечем!

– Может, есть смысл навестить очаровательных птичек из драматического театра? – поспешил предложить Книппенбах.

– Опять развлечения? К черту, к черту! – Христиан в гневе пнул барабан, бледное подвижное лицо его исказилось. – Я развлекаюсь уже двадцать лет, я устал развлекаться. Дела не вижу! – Христиан отвернулся к окну, прильнул лицом к стеклу, остужая горячий лоб. – Каждый рожден для какого-то дела, каждому уготовано оставить след или отметину на земле. Я же до сих пор только развлекался...

– Но ведь все не так плохо, мой принц! – Книппенбах вскочил как ужаленный, заговорил убежденно. – В былые времена ваши августейшие предки в борьбе за власть рубили головушки, сыпали яд в бокалы. Брат шел на брата, сын на отца. Рождались королями, ниспровергались порой в пеленках и умирали в темницах, так и не сведав о своем королевском происхождении. Ужасные времена! А ныне...

– Вздор! Это было прекрасное время. На каждом, в ком текла королевская кровь, лежало бремя ответственности за свою страну, свой народ... За корону, черт побери! Судьбы стран и народов вершили короли и потому заговор против короля являлся заговором против народа. Что было бы, если б стрельцы убили

царя Петра Великого?

– Мне кажется, не состоялась бы династия Бернадоттов, – смеясь, заметил Книппенбах.

– Ты прав. И потому королям и царям с пеленок не приходилось скучать. Надо было заставить друзей трудиться, врагов – трепетать. Хотя бы для того, чтобы выжить!

Принц расхаживал по кабинету, потряхивая длинными волосами, не пытаясь скрыть задорного блеска глаз. Он не раз признавался другу, что разговор об истории вызывает перед его внутренним взором «красочные, будто бы осязаемые видения». Но обыденность происходящего гасила искру фантазии. Замедлив шаги, Христиан сжал ладонью виски, заговорил горько:

– Что за век! Вместо того, чтобы, нацепив шпагу, подняться на мостик стопушечного корабля, я обречен торчать здесь, в ожидании занять никчемный трон, не годящийся даже на растопку камина.

Книппенбах спохватился: зажег свечи в шандалах, быстро приготовил и разлил в специальные стаканы грог – создал обстановку, любимую принцем.

– Конституционная монархия, – продолжал принц, – это уже не монархия. Это недоразумение. Король у нас не король, а кукла. Мы даром едим свой хлеб.

– Утешьтесь, мой принц, – подав Христиану стакан, проговорил Книппенбах. – Королей, что даром ели свой хлеб, было немало.

– Да, но они, – принц указал на бронзовые бюсты царственных полководцев, – отвоевали это право для многих последующих поколений принцев и королей. – Пригубил грог, уселся в кресло – плечистый, кудрявый, с неукротимым блеском в расширенных страстно глазах. – Что за век! Ни турниров, ни обетов, ни кодексов чести – ничего не осталось. Как ошиблось время! Мне бы родиться три-четыре столетия назад. У королей нет будущего. Полжизни за машину времени, коль не могу расплатиться полцарством!

Грог подействовал и на более практичную натуру Книппенбаха. Сама обстановка – скалящиеся со стен медвежьи, кабаньи морды, искрящаяся в свете свечей сталь алебард и клинков – располагала к мечтательности.

– Четыре столетия назад творил великий Шекспир.

– Быть может, мне суждено было встретиться с принцем датским.

– Гамлет? О, да! Лет десять назад, в Москве, я видел его на сцене... Это был он – беспощадный, жестокий мститель за смерть и поруганную честь отца, за...

– Ты не мог видеть Гамлета на сцене, – губы принца скривила усмешка. – Гамлет был и умер, а творение Шекспира – лишь гимн его великому подвигу, который так же возможно представить на сцене, как ощутить вкус плода, что хранится в закрытой стеклянной вазе. Подвиг во имя чести так же невозможен в наше время, как и подвиг во имя любви. Мир усложнился – нравы расковались, чувства упростились настолько, что стало трудно дышать.

Книппенбах покачал головой.

– Когда-то ты говорил, что раскованность нравов – это хорошо, что каждому времени присущи свои проявления любви, что наше время столь же прекрасно, как времена Паоло и Франчески.

– Бредни юнца! То, что в юности влечет и манит, в зрелости отталкивает уродством и омерзительной наготой. Не будем осуждать юность за тягу к запретному, но ведь юность давно прошла... Чем дольше живу, тем больше думаю о времени, в котором имел несчастье родиться. Миром правят бургеры, шоумены, киноартисты. На место флибустьеров, конкистадоров, ландскнехтов пришли «солдаты удачи». Женщины продажны и сластолюбивы... Помнишь, как в детстве мы среди ночи покидали теплые постели и ложились на пол, закаляя тело и волю? Как замирало сердце, когда прикасались к латам, клинкам? Бредили подвигами рыцарей, мушкетеров. Сейчас, говорят, в почете каскадеры, спасатели... И я все думаю: уж если мне не суждено получить шестифунтовое ядро в голову, так хоть досталось бы полюбить!

Книппенбах встрепенулся, хлопнул себя по коленям:

– И я говорю: поедем к актрисам. К чему сидеть взаперти?

Принц бросил быстрый взгляд исподлобья, проворно спрыгнул с подлокотника массивного кресла. Книппенбах инстинктивно зажмурился, опасаясь новой вспышки гнева своенравного друга. Христиан резко нажал кнопку звонка на столе.

– Одеваться! Быстрее! Едем.

2

Усадьбу Книппенбаха, что прилепилась на берегу моря у обрыва скалы, принц полюбил еще с детства. Это был настоящий рыцарский замок, на который за его шестивековую историю ни

разу не покусились враги: настолько высоки, крепки были сложенные из грубо отесанного камня стены и башни, да и подступ представлялся возможным лишь с одной стороны. Замок сторожил вход в узкий пролив. Пролив соединял море с глубокой бухтой, где частенько бросала якорь королевская яхта. Маленький Христиан часами пропадал на верхней площадке южной башни замка, разглядывая в подзорную трубу флаги и мачты проходящих мимо больших кораблей. Наделенный мечтательным умом и пылким воображением, мальчик все ждал появления на горизонте вымпелов неприятельской эскадры. Любил он и шторм, когда гривастые волны в бешенстве разбивались о гранитную твердь скалы, и мельчайшие соленые брызги оседали на щеках и губах.

Затем облик замка начал меняться. Книппенбах-старший распорядился устроить на наружных стенах висячие сады, разбить во дворе парк в английском стиле, засыпать ров... Верхние комнаты расписали на китайские сюжеты либо отделали мореным дубом и янтарем, — словом, во всем сквозило похвальное желание переоборудовать мрачную берлогу феодала в приют интимности и отдохновения. Лишь вмешательство принца спасло от переделок оружейную и трапезную, где в счастливую пору юности Христиана пировали «сугубо мужские» компании. На лужайке перед замком раз в год устраивались ристалища. Сверстники принца стреляли по мишеням из луков и арбалетов, в легких доспехах, с тупыми мечами выходили на «рыцарские поединки». А по вечерам при свечах в трапезной разгорались споры о силе и доблести, о дружбе, чести, любви...

Со временем компания стала редеть: кое-кто отправился в Штаты, Южную Европу — путешествовать либо «продолжить образование», тот получил наследство и пустился в коммерческие обороты... Девятнадцатилетие принца отмечали лишь вчетвером, двадцатую годовщину Христиан справлял вдвоем с «любезным другом» Книппенбахом.

На сей раз друзья поломали последнюю традицию встреч: легкий вертолет, приземлившийся на лужайке перед замком, доставил не только принца и Книппенбаха, но также два легкомысленных создания из драматического театра. Принц, провожаемый поклонами управляющего, по винтовой лестнице взбежал наверх, повернул ключ в замке. Заскрипел кроватью; долго сидел — без движения, без мыслей... Потом шевельнулся, скро-

готнул зубами. Со злостью сорвал накладные усы, бакенбарды.

– Все! К черту, к черту!

В дверь постучали. Принц встал, звякнул ключом. Книппенбах зажег свет, посмотрел принцу в глаза.

– Вам плохо, ваше высочество? Вы нездоровы?

В его глазах было столько неподдельного беспокойства, что Христиан невольно потупился, помотал головой. «Стыдно, принц, – проговорил внутренний голос. – Это уже нитье». Вскинул глаза, улыбнулся через силу.

– Нет, ничего.

Книппенбах склонил голову набок, сощурился недоверчиво.

– Пойдемте в столовую?

– Да, – сквозь стиснутые зубы проговорил принц. – Помогите наклеить усы.

Уже спускаясь по лестнице, сказал жестко:

– К следующему приезду уберите отсюда трюмо. Сам знаешь, зеркала не люблю.

Книппенбах уже засыпал, как вдруг неведомая сила подбросила его над постелью. Он вскочил, включил ночник. Был глухой предрассветный час. За стеной, на десятисаженной глубине, глухо шумел прибор. В коридоре часы неспешно пробили три раза. Артистка безмятежно спала, подложив под голову кулачок. На ее лице Книппенбах разглядел веснушки и складки у рта – следы житейских тревог и забот. Чуть припухшие губы шевелились беззвучно. Книппенбах молча сидел в кровати, тарачился в темноту. Поняв, что уже не уснет, чертыхнулся и стал натягивать брюки. Девушка перевернулась на бок, открыла глаза. Спросила испуганно:

– Куда ты? Уже утро?

– Спи, – грубо пробурчал Книппенбах. – Я скоро вернусь.

В коридоре Книппенбах, наконец, осознал, что в такую рань подняло его с постели. Это была гнетущая тревога за принца. Спускаясь по винтовой лестнице, он перебрал в памяти события последних часов. Все было как обычно, как в четко отрепетированном сценарии. Девчонки сначала молчали, переглядывались; потом, захмелев, завертели головами, разговорились.

– Ваш друг, – сказала блондинка, садясь на колени Книппенбаху, – похож на нашего затворника-принца. – И, запустив

длинные пальцы в шевелюру возлюбленного, задышливо проговорила: – Ах, я завидую Кларе! Впервые жалею, что я не брюнетка, хотя хорошо, что ваш друг не принц, потому что принц – сумасшедший и вдобавок еще женоненавистник.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что он, говорят, помешан на Гамлете, а для Гамлета нужна Офелия. Офелии же, – она вдруг зло рассмеялась, – сейчас во всем белом свете не сыщешь.

– Вот как? – приподняв красивую бровь, спросил принц. – С чего ты это взяла?

Ее голубоватые глаза заблестели задорно.

– Не с неба, конечно. Из грешной жизни нашей матушки-Земли, на которой да-авно уже перевелись НАСТОЯЩИЕ короли, графы, презиравшие некогда тех, кто нынче с подмостков их прославляет. А мы, актеры, сейчас переживаем свой золотой век: публика нас вознесла на Олимп. Не встретив в жизни благородных героев и до гроба преданных дев, обыватель идет в театр – смотреть, как на сцене умираем и любим мы. И мы не играем на сцене – живем! Вне сцены же нас ожидает иная жизнь, которая кажется тем краше, чем больше думаешь о жизни средневековых красавиц. Они ведь были упакованы в парчу, шелка и не каждый день брали ванну. Что ни говори, сейчас прекрасное время! Не то что раньше. Бр-р! – Окинула хмурым взглядом мрачную обстановку столовой. – Я бы не хотела родиться лет триста назад.

– А я бы хотел, – раздумчиво проговорил Христиан, поглаживая ножку драгоценного кубка.

– Взгляните на «АВВА»: чем не короли? – воскликнул Книппенбах, стремясь замять нехоти сорвавшиеся с уст принца слова. – А как знаменит был Ричард Бартон, покуда его не дернул черт развестись с Элизабет Тейлор!

– Тогда тебе, парень, больше подходит Клара, – с грубоватым сарказмом заявила блондинка. – Она – натура поистине романтическая. Бог свидетель, ее прабабкой не иначе была Кармен!

Весь вечер принц угрюмо цедил вино и молчал, щурясь на потухавший камин.

Книппенбах выкурил во внутреннем дворике трубку и уже возвращался к себе, когда заметил полоску света из щели под

дверью в библиотеку. Переступив порог, он столкнулся со взглядом принца. Тот сидел в кресле, вытянув длинные ноги. На шахматном столике стоял пустой кубок, на ковре валялась какая-то книга, – сквозняком шевелило страницы.

– Садись, – медленно произнес Христиан, и Книппенбаху стало не по себе от его неподвижного взгляда, который напоминал невидящий взгляд слепых. – Я знал, что ты тоже не спишь.

Они долго молчали. За окном занимался рассвет; ускользали в вечность мгновения. Наконец, принц глубоко вздохнул, будто пробуждаясь от гипнотического сна.

– Я ходил по крепостной стене, потом спустился сюда, взял первую попавшуюся книгу, открыл наугад. И вот что прочел. Это Дюма, слушай.

«Время идет, – крикнул тюремщик. – Скорее торопитесь».

В это время Маргарита с распущенными волосами стояла на коленях около Ла Моля и плакала горячими слезами, похожая на кающуюся Магдалину, а Анриетта втихомолку старалась увести пьемонтца. «Беги, Аннибал, – повторил Ла Моль, – не давай нашим врагам радоваться, глядя, как два ни в чем не повинных дворянина будут умирать позорной смертью».

Коконнас нежно отстранил Анриетту, тянувшую его к двери, и, сделав в сторону тюремщика торжественный и, в данных обстоятельствах величественный жест, произнес: «Мадам, прежде всего отдайте этому человеку пятьсот экю, которые ему обещаны». – «Вот они», – достала кошелек Анриетта. Затем, грустно покачав головой, он обратился к Ла Молю.

«Милый мой Ла Моль, ты оскорбил меня если мог подумать хотя на минуту, что я способен тебя бросить. Разве я не поклялся и жить и умереть с тобой? Но ты так мучишься, мой бедный друг, что я тебе прощаю».

Он решительно лег рядом с ним, наклонил к нему голову и коснулся губами его лба...»

Книппенбах поднял глаза. Принц весь подался вперед, твердо глядя ему в зрачки.

– Каково? Ты помнишь сюжет?

Книппенбах кивнул. С современной точки зрения они оба – и Коконнас, и Ла Моль – сумасшедшие. А для тех времен? Герои – для королевы Наваррской, преступники – для народа и короля. Что это? Трагедия, суровая и неизбежная. Человек становился преступником, отдавая жизнь ради одного только взгляда люби-

мой женщины, которая – и это вполне вероятно – могла впоследствии его просто забыть. Что это? Канувшая в Лету, отшумевшая, но некогда реальная жизнь? Или изощренный вымысел романиста? Я думаю об этом все время.

Вид погруженного в мучительные раздумья принца подобно кинжалу полоснул Книппенбаха по сердцу. Он вскочил, заговорил возбужденно:

– О Боже! Конечно же вымысел! Мало ли что могло взбрести в башку этому Дюма? Какая-то сентиментальная чушь. Мой дорогой принц, вы нездоровы. Пора бы нам прошвырнуться в Италию!

Христиан ожег его взглядом – осекся.

– Говоришь – взбрело в башку? То, чего не было в жизни, в голову не взбредет. – Приподнял за подбородок голову Книппенбаха, глянул в глаза. – Не так ли? Это МОГЛО быть, значит, БЫЛО. Не в тот, так в другой раз. Не с этими людьми, так с другими. Так? Так, я тебя спрашиваю?!

Книппенбах вздрогнул.

– Так, мой принц.

– То-то.

Плечи принца обмякли, он без сил повалился а кресло. Бесконечной чередой потянулись секунды. Постепенно принц начал оживать; в доселе отрешенном его взгляде появилось какое-то беспокойство. Книппенбах склонился к полу, сжав руками виски.

– «Разве я не поклялся и жить и умереть с тобой?..» Каково, а?! – Христиан хлопнул друга по плечу. – А ты бы мог дать подобную клятву и исполнить ее?

Книппенбах поежился, протер глаза.

– Чего молчишь? Отвечай!

Книппенбах медленно поднял голову, отвел взгляд.

– Н-не знаю.

Принц вдруг засмеялся своим обыкновенным невеселым смехом. Книппенбаху стало как-то легче, тревога его улеглась.

– Не врешь. Это хорошо. Зачем похваться тем, что нельзя проверить, что изжило себя, умерло три века назад: кодекс чести, святая верность дружбе, безумно-страстная преданность любви...

Он замолчал, но как только успокоенный Книппенбах вновь встретился с его взглядом – морозом продрало по коже, обдало

холодной испариной лоб. Принц горделиво вскинул голову, в прищуренных черных глазах читалась несокрушимая уверенность в собственных силах.

– А Я БЫ МОГ.

Опять тишина поглотила секунды; скрипнуло кресло, заскрипел крагами принц.

– Знаю, о чем думаешь. Хорошо говорить тому, кого не притянешь к ответу. Но это – моя внутренняя убежденность. И она не обманет. Я верю: я бы мог!

Книппенбах поднял глаза, покивал, стремясь всем своим видом изобразить полное согласие с другом, прервать измучивший его диалог. Эффект получился обратный. Лицо принца сделалось каменным, взгляд – ледяным.

– Не веришь... – пнул лежавшую на полу книгу, выкатил на Книппенбаха бешеные глаза. – Я не верю в оккультную чертовщину, но – Боже мой! – как же еще доказать? – Тяжело дыша, схватил друга за плечи, тряхнул: – Найди какого-нибудь мага, Артур! Найди! Пусть он сотворит чудо. И я докажу! – Сильные пальцы Христиана впились в плечи Христиана железной хваткой, лицо расплылось в полутьме бледным пятном. – Обещай, что найдешь!

– Обещаю... – глухо и с дрожью, будто давая страшную клятву, прохрипел Книппенбах. – Я обещаю, принц.

3

Книппенбах сдержал обещание: через неделю глазам принца предстал крюконосый дородный мужчина, назвавшийся Джеймсом Вудом, гипнотизером и доктором медицины.

За окном влажно дышала скандинавская осень, чуть слышался шум прибоа, а в кабинете Христиана всю гудел камин и камердинер разносил грог в серебряных кубках. Христиан был в отличном расположении духа и насмешливо разглядывал мага. Вуд, пятидесятилетний мужчина, был весьма смугл и лыс. Его близко посаженные, напоминавшие две крупных маслины глаза, смотрели пронзительно и вместе с тем настороженно. Взгляд Вуда никак не вязался с манерами провинциала и простодушной улыбкой.

– Судя по вашей визитной карточке, вы – врач, – после длительного молчания заговорил принц. – Какой областью медици-

ны занимаетесь?

– Я психиатр, ваше высочество.

Принц поправил широкие рукава белоснежной рубашки, опустился на низкую, с резной спинкой софу.

По его знаку Книппенбах и Вуд уселись на стулья.

– Прекрасное сочетание, – принц поджал губы, с трудом пряча усмешку. – Я говорю, чудесно, когда в одном лице уживаются отмеченный высшей силой магнетизер и серьезный ученый.

Вуд, не опуская выкаченных глаз, утопил в пышном жабо подбородок, легонько постукивал кулаком по колену. На указательном пальце его левой руки красовался великолепный сердолик.

– На мой взгляд это так же возможно, как и наличие в природе животно-магнетической жидкости, которую так долго искали Франклин и Лавуазье.

Книппенбах отвернулся, приснул со смеху. Вуд, не меняясь в лице, проскрипел:

– Я прожил нелегкую жизнь, и потому ваш нелестный отзыв, ваше высочество, мало обидел меня.

Принц мягко, поощряюще улыбнулся.

– Направляясь сюда, я не исключал возможность того, что нужен вам как врач. Если это так, могу сказать следующее. На данный момент у вас, ваше высочество, нет существенных изменений в психическом состоянии.

– Ну, это не новость. Хотя то, что вы пришли к этому заключению, не обследовав объект, говорит о выдающихся способностях. Мы же, пригласив вас сюда, хотели, так сказать, взглянуть на обратную сторону медали, а именно иметь удовольствие оценить во всей полноте ваши возможности как мага. Могу добавить, что нами движет отнюдь не праздное любопытство, а ... интересы дела.

– Чем могу быть полезен?

– Прочтите эту страницу.

Книппенбах передал Вуду раскрытый том «Королевы Марго».

– Вы знаете французский?

Вуд кивнул, углубляясь в текст.

– Нам с Книппенбахом хотелось бы испытать то же самое, что пережили Ла Моль и Кокконас, когда плелись описываемые

интриги, когда они были раскрыты и когда, наконец, их вели на казнь.

Вуд оживился.

– Если я вас правильно понял, ваше высочество, вам хотелось бы перенестись в шестнадцатый век и, так сказать, временно влезть в шкуры этих несчастных?

Принц – заблестев глазами:

– Вы нас правильно поняли.

Вуд прикрыл глаза тяжелыми веками, наощупь соединил кончики пальцев.

– И вам бы хотелось, чтобы, временно перевоплотившись, вы начисто забыли о своем нынешнем состоянии и жили лишь мыслями и чувствами этих людей? – Он потряс книгой.

Принц едва не поперхнулся грогом.

– Вы правильно поняли, черт подери!

Вуд легко поднялся, вскинул тяжелый, до синевы выбритый подбородок.

– Понять нетрудно, ваше высочество. Труднее будет решить задачу. Но я попробую. Если, конечно, вы действительно этого хотите.

Принц и Книппенбах на минуту будто проглотили языки.

– Ваши условия? – спросил, наконец, Христиан, сверля взглядом неподвижную фигуру магнетизера.

– Двести тысяч долларов и две недели срока. В день встречи с королевой Наваррской вы должны выполнять все мои условия. Половину денег – сейчас.

Принц нервно мерил шагами иранский ковер.

– Только не вздумайте закатить что-нибудь вроде спиритического сеанса или задурить нас гипнозом: ему, как известно, подвержены натуры, не склонные к анализу собственных переживаний. Хорошенько подумайте!

– Ваше высочество, я все обдумал и взвесил, – решительно заявил Вуд. – Рискую показаться смешным, могу заверить: перед вами не шарлатан вроде Арча Кроуфорда или Лауры Кабот, а опытный психиатр, который давно в совершенстве освоил телепатию и ясновидение. Выполнять поставленную задачу я берусь абсолютно научными методами. В конце концов, вы можете навести обо мне справки.

Принц, с трудом сохраняя серьезный вид, оборвал доктора медицины.

– Хорошо. В случае успешного результата получите еще двадцать тысяч. Я больше вас не задерживаю, аванс получите в канцелярии.

Как только за Вудом закрылась дверь, принц залиvisto рас- смеялся.

– «Перед вами не шарлатан»! Ха-ха! Он, наверно, опустил слово «простой». Как ты думаешь, Артур, зачем ему две неде- ли?.. А справки ты наводил?

– Да. Живет в Италии, занимается частной практикой. Защи- тил диссертацию в Вене.

– На англичанина не похож. Какая-то полутурецкая образи- на. Намазать ваксой – от мавра не отличишь. Где ты его откопал? Сейчас только в Штатах полмиллиона телепатов, вампирологов и прочих прохвостов. У этого, по крайней мере, диплом. Инте- ресно, во что он обошелся ему?..

4

Получив деньги, Вуд исчез и дал знать о себе лишь на тринад- цатый день.

– А я, признаться, подумал – надул, проклятый колдун, – прочитав вслед за принцем короткое письмо мага, невесело рассмеялся Книппенбах. – Ох, не нравится мне эта затея.

Принц придавил письмо малахитовым пресс-папье, потрепал друга по плечу.

– Завтра ты должен быть здесь в шесть утра. Это письмо я оставлю в столе, чтобы в случае чего знали, как нас искать.

Текст письма Вуда гласил:

Ваше Высочество!

Я жду Вас завтра в восемь ноль-ноль на двенадцатом километре Г...боргского шоссе. Путешествие займет не более полутора суток, и вечером следующего дня Вы будете уже во дворце.

Преданный Вам Дж. Вуд.

Отель «Олимпик», 14 сентября ... года.

Принц запечатал этот листок, на конверте начертил своим крупным размашистым почерком:

«Вскрыть 16 сентября в 20 часов».

... На двенадцатом километре шоссе возле небольшого трей- лера принца и Книппенбаха ждал Вуд в компании двух пожилых угрюмых мужчин. Один тут же пересел в книппенбаховский

«линкольн», другой, в темных очках, повел трейлер. Вскоре машины свернули с шоссе, за окнами замелькали деревья – углублялись в лес. Книппенбах мысленно ругал принца, который сурово отверг его предложение – установить наблюдение за Вудом. После доброго часа езды водители заглушили моторы. Вуд разложил перед друзьями колеты, шпаги, шляпы и сапоги, передал два мешочка с золотыми экю. Принц и Книппенбах переоделись. Взболтав содержимое небольшого термоса, Вуд посмотрел в глаза принцу, сказал твердо:

– Вам нужно еще выпить этот бальзам.

Книппенбах испуганно оттолкнул протянутый стакан, жидкость пролилась.

– Чтобы рассеять подозрения, я выпью его вместе с вами!

Вуд наполнил напитком пластмассовый стаканчик, сделал два хороших глотка. Друзья, шутливо чокнувшись, выпили. «Бальзам» был едва ли не горше полыни, от него вязало во рту.

– Гнусное пойло, – пробурчал Книппенбах, пробуя отточенность шпаги. Подумал: раз выдали оружие, на жизнь покушаться вроде бы не должны.

– Пойдемте на воздух, – голос Вуда оглушал, будто громом отдаваясь в ушах. – Идите прямо по этой тропинке.

Друзья, не жалея плащей и шляп, продрались сквозь колючий кустарник, миновали неглубокий овраг. Расступились деревья, глазам открылась всхолмленная равнина: пожелтевшие поля и лощины, свинцовое хмурое небо, мощеная влажно блестящим булыжником дорога. Дорога вела к незнакомому замку, мрачно громоздившемуся на одном из холмов.

– В этом замке остановилась королева Наваррская!

Друзья вздрогнули от громоподобного голоса за спиной. Оглянулись – никого, только глухо шумели деревья, да раскаркался ворон на поваленном пне.

– Что ж, идем, – блестя глазами, криво усмехнулся принц, – поглядим на наваррскую королеву.

Придерживая тяжелые шпаги и неловко ступая в длинноносых сапогах, они быстро пошли к подвесному мосту. У моста в начищенных до блеска кирасах стояла охрана.

Мост был опущен. Перейдя его, молодые люди оказались в обществе солдат с алебардами и гиганта-блондина в берете с плюмажем, по-видимому, офицера. Опираясь огромной рукой в перчатке на драгоценный эфес, офицер почти торжественно

произнес:

– Граф де Ла Марш, – царапнул небольшой острой бородкой нагрудник, – барон де Сен-Вери, – та же исполненная почтительного достоинства процедура, – от имени ее величества королевы я рад приветствовать вас здесь, в замке Сабле.

Неспешно развернул могучий торс, посторонился, давая дорогу:

– Попрошу следовать за мной в отведенные вам покои.

Офицер говорил по-французски.

Друзья шагнули было вперед, как вдруг офицер, глядя поверх их голов, восхищенно воскликнул:

– У вас отличные лошади, господа!

Стук подков о дощатый настил моста заставил друзей обернуться. Два дюжих конюха вели под узцы лошадей. Каракowego жеребца под усыпанным рубинами чепраком и гнедого иноходца с челкой следовало считать собственностью графа де Ла Марш и барона де Сен-Вери. Но кто же эти пресловутые граф и барон? Поспешая за офицером, принц пытался связать обрывки мыслей. В голове, казалось, была необычайная ясность, но мысли летели с лихорадочной быстротой; зрение и слух были обострены до предела: слепили лучи неяркого солнца, оглушал звон подков о булыжник.

И тут Христиан вспомнил: граф де Ла Марш – шурин короля Людовика!..

Миновали каменную ловушку, в конце которой возвышались вторые замковые ворота. Лошадей повели направо – к конюшне; офицер ввел друзей в жилые покои, зазвенел шпорами, взбираясь по винтовой лестнице. Втроем миновали мрачную галерею, долго шли коридором. Офицер отворил небольшую дверцу в нише, отступил вбок:

– Ваша комната, господа. Прошу никуда не отлучаться: я немедленно доложу о вашем прибытии королеве. Вы голодны, вы устали с дороги – обед и вино вам сейчас подадут.

Друзья, недоуменно переглянувшись, протиснулись в комнату. Там стояли две деревянных с резными спинками кровати, пол устилал испанский ковер, на голой серой стене висело распятие. Окно с мелкими окончинами в свинцовом переплете пропускало так мало света, что даже в полдень здесь царил полумрак. Книппенбах прошел к окну, принц опустился на стул.

– Что ты на это скажешь?

Книппенбах пожал плечами.

– Посмотрим, что будет дальше.

В дверь поскреблись. Вошел мальчик-слуга, молча поставил на ночной столик холодную телятину, фрукты, две бутылки с вином. Поклонившись, бесшумно исчез за дверью.

– Мне как-то необычайно легко сегодня, – сказал Книппенбах, разливая золотистое испанское вино по стаканам. – Хочется скакать, рубить и буянить. Кровь так и бурлит!

Принц скосил в его сторону взгляд.

– Представь, я испытываю то же самое, – спохватился, вскочил, едва не опрокинув поднос с едой. – Что ж мы сидим? Надо немедленно осмотреть этот замок!

В коридоре слышались шаги нескольких человек, зазвенели шпory. Уставя вперед плюмаж, в комнату протиснулся уже знакомый друзьям офицер.

– Граф, барон. Королева ждет вас!

Принц и Книппенбах молча последовали за офицером. Пройдя галерею, повернули в другое крыло. У тяжелой дубовой двери стояли охранники с алебардами. Миновав переднюю, молодые люди очутились в затянутом синим бархатом зале и, будто слепимые ярким полуденным солнцем, замерли на пороге.

Посреди комнаты, у большого резного стола, разговаривали две отчаянно прекрасные женщины. Их вид – гордые профили, фантастическая белизна кожи, блеск драгоценных камней – поистине ослеплял. Друзья, остолбенев, упивались видом этих прелестных созданий... В молчании пролетела минута.

Первым опомнился Христиан: его будто током ударил гневный взгляд Маргариты. Вспомнив, что здесь он всего лишь граф, а не принц, поспешно сорвал шляпу и отдал поклон. Книппенбах тотчас последовал примеру друга. Дамы быстро переглянулись; королева на миг уронила ресницы, усмехнулась краешком рта. Христиан готов был провалиться на месте. Он бешено стиснул зубы, боясь совершить вторую оплошность – заговорить первым.

5

– Господа, – молвила Маргарита, и от мелодии ее голоса у Христиана тревожно и сладостно сжалось сердце. – Вы проделали долгий путь и наконец вы здесь. Вчера мы получили письмо от виконта де Тюрена, где он дает вам прекрасные рекомендации.

Вы храбры, вы преданы религии и королю. С вами мы можем чувствовать себя в безопасности.

– Пусть сатана сотрет меня в порошок, мадам, если это не так, – поклонившись королеве, почти весело заговорил Книппенбах.

Маргарита, прикрыв роскошными ресницами агатовую черноту своих глаз, благосклонно кивнула. И этот взгляд, и улыбающиеся прекрасные губы, и маленькая атласная туфелька на почти детской ноге, – все восхищало в ней Христиана, наполняя трепетом все его существо.

Другая дама, золотоволосая, повыше ростом, улыбаясь, постукивала по мраморному столику розовым ноготком. В ее прическе горело три рубина – один на лбу, два у висков, а надменно-зовущий взгляд и резкий и хищный вырез ноздрей делали ее похожей на Клеопатру. «Герцогиня Невэрская, – догадался Книппенбах. – И будь я проклят, если пламя страсти ее не подобно вулкану». Рассудив так про себя, новоявленный барон де Сен-Вери не без удивления заключил, что начинает проникаться стилем далекой и теперь уже такой близкой эпохи. Принц не спускал глаз с королевы, упиваясь минутой приобщения к чуду – минутой, которую денно и ночью он призывал. Подобный взгляд не мог не смутить даже королев и принцесс. Маргарита и Анриетта переглянулись.

– Пока вы находились в пути, – отбросив раздумье, продолжала Маргарита, – от короля пришло известие из Парижа. Он пишет, что герцог Гиз готовит заговор против моего брата, короля Генриха, что в Париже и вокруг него собраны верные королю Наваррскому гугеноты, что резня между гизовцами и королем Генрихом может открыть королю Наваррскому дорогу к трону Франции.

– Уж не думает ли король Наваррский поддержать в этом деле герцога Гиза? – хрипло, с тревогой в голосе спросил Христиан.

– Нет. Гиз – главный из наших врагов, с ним невозможен союз или даже временное перемирие. Когда королю станут видны нити заговора, он примет решение: воспользовавшись схваткой колоссов, захватить власть или использовать голову Гиза как плату за право наследовать французский престол. Поэтому он выжидает. Да и что он может сейчас предпринять?! – Королева гордо вскинула подбородок. – В письме короля сказано и о вас, господа. А поскольку вы облечены доверием его величества, мы, надеюсь, можем рассчитывать на ваши прославленные клинки?

Мы живем в этом замке уже несколько дней, а охрана наша малочисленна.

– Ваше величество может располагать нами всецело, – с дрожью в голосе, явно волнуясь, проговорил Христиан. – Мы преданны делу короля душою и телом.

Королева ласково улыбнулась.

– Спасибо, господа. У вас будет возможность это не раз доказать.

Молодые люди, откланявшись, вышли.

– Отныне я для тебя – граф де Ла Марш, – негромко, но властно сказал Христиан Книппенбаху. – Уразумел?

Разговаривая, они подошли к небольшой площадке перед конюшней, где конюхи прогуливали лошадей. Цокот подков о булыжник будто молоточками бил в виски.

– Не знаю, как вам, граф, а мне эти звуки весьма неприятны, – указывая на лошадь выезжавшего из ворот мушкетера, заметил Книппенбах, – будто кто-то палкой стучит у меня в голове.

– Здесь как в колодце, – слегка прищурясь, ответил Христиан, – звуки не разлетятся в эфире, покуда многократно не отразятся от стен. – В задумчивости потер лоб, спросил: – Никак не пойму, где мы: в начале правления Генриха Третьего или в канун восстания городов? Все говорит за то, что на носу «День баррикад», но не кажется ли тебе, мой друг, что для своих тридцати пяти королева чересчур молода?

Книппенбах, не очень хорошо понимавший, о чем идет речь, промолчал.

– Сколько ей лет, на твой взгляд?

– Я думаю, никак не больше двадцати пяти, – уверенно ответил Книппенбах.

С крыльца сошел офицер, изящным жестом пригласил друзей в замок. По винтовой лестнице спустились в подвал, где жарились куры, шипела на медной сковородке яичница. Втроем уселись за стол.

– Я знаю вас, господа, как верных и отчаянно храбрых слуг его величества короля, – пристраивая между колен свою огромную шпагу, проговорил офицер. – Вы, надеюсь, тоже кое-что слышали о капитане де Руа, не так ли? Вот я и подумал: нам с вами не помешает пропустить по стаканчику за знакомство. Эй, мэтр Бине!

Друзья уселись за стол и сбросили шляпы.

Тот, кого капитан де Руа назвал мэтром Бине, хлопотал у плиты и обликом весьма смахивал на пирата. Он имел большое туловище и косолапые короткие ноги; коротко постриженные волосы выдавали его большие петлистые уши; цепкие волосатые руки проворно смахивали со стола сор, расставляли кружки, стаканы. Обветренное, с перебитым носом лицо Бине улыбалось всеми многочисленными морщинами.

– Твой кувшин слишком мал, – прорычал капитан. – Принеси посудину побольше или наполни его снова!

Бине молча поклонился и поспешно вышел. Капитан проводил его пристальным взглядом и, будто разговаривая сам с собой, произнес:

– Прошли времена... и нет уж тех, кому внушала смертный ужас улыбка Бине.

Как только мэтр Бине внес новый кувшин, капитан заторопился наверх – «по весьма неотложному делу». Подавая на стол, трактирщик беспрестанно ухмылялся, его бегающие кофейные глазки колюче поглядывали на друзей. Захмелевший принц пробурчал:

– Не знаю, что имел ввиду де Руа, но рожа этого Бине отнюдь не благообразна.

– Завидя этакую образину, поневоле утратишь весь аппетит, – поддакнул Книппенбах.

Христиан швырнул на стол экую, и друзья поспешили на воздух. Бине проводил их той же циклопией улыбкой.

* * *

Часы пробили полдень, когда на верхней площадке воротной башни встретились Маргарита и Христиан. «Граф де Ла Марш» застыл пред королевой в почтительной позе с непокрытой головой. На другом конце площадки вели беседу герцогиня Невэрская и «барон де Сен-Вери»; оттуда слышны были шутки и смех.

Маргарита выглядела усталой и грустной. Взор ее, устремленный куда-то вдаль, то и дело туманила дымка печали. Это усиливало нерешительность Христиана; он не знал, с чего начать разговор.

– Скажите, граф, – молвила королева, – вы служите королю Наваррскому почти год, вашей шпаги боятся враги, ее остроту славят друзья. Де Тюрен отзывался о вас с восхищением.

Христиан поклонился, польщенный.

– И я все думаю, – прижав к груди руки в перстнях, взволнованно продолжала королева, – если уж такие дворяне, как де Муи, де Тюрен, как вы и ваш друг служите наваррскому королю, то, наверное, вами движет вера в успех нашего дела, в великую будущность короля. И дело здесь не только в гороскопе Рене...

Христиан упал на колено, загремел ножами о булыжник.

– О, ваше величество! Я могу сказать вам больше Рене, а сделать не меньше Ла Моля.

Глаза королевы подернулись влагой.

– Ла Моль! Он погиб по моей вине. Сколько храбрых дворян сложило головы на плахе, погибло от рук католиков в одну страшную ночь! Неужели предсказания гороскопа ошибочны и кровь, пролитая ими, напрасна! Все верят в счастливую звезду короля, сражаются, гибнут, а Генрих все так же далек от французской короны, как год или три года назад. Или ему суждено взойти на трон Франции стариком?.. Встаньте же, граф!

Христиан вскочил, заговорил возбужденно:

– Он будет, будет властелином Франции! Он будет великим королем! И не стариком он взойдет на престол. Это случится, когда ему исполнится ... тридцать пять лет!

Во взоре ее читалось смятение.

– С чего вы взяли?!

Христиан опять упал на колено, конец ножен зацепился за шпору.

– Это так же верно, мадам, как и то, что меня зовут граф... О, Боже, что я говорю?! Судьба короля известна мне до самой его кончины; мне неведома лишь собственная судьба...

Он отшвырнул шляпу, протянул руки, будто слепой.

– Мадам, скажите одно только слово! Жизнь моя и смерть в ваших руках. Ради вашей улыбки, одного только взгляда я согласен быть разрезанным на куски, четвертованным или распятым. Я пойду на все, но дайте надежду стать вашим другом, слугой. Полно скорбеть о казненном, я способен любить и умереть не хуже его. Вы созданы не для печали, а для любви... Я люблю вас!

– Вы с ума сошли! Встаньте, месье. Вы говорите такие слова королеве.

По-королевски властный голос ее зазвенел как сталь. Эти слова потрясли Христиана, и он, боясь столкнуться с гневным взглядом любимой, попятился к лестнице. Поклонился, сбежал

вниз и опомнился только во дворе, у ворот. Ударив по нервам, накатила волна бешенства; закипала неистовая королевская кровь. Ноздри Христиана раздулись, он задышался.

– Королеве!.. Я тоже почти король!

Слава Богу, в эти минуты никто не попался ему на глаза.

* * *

Между тем Книппенбах не терял времени даром: теребя наклеенные усы, он бойко обхаживал герцогиню. При упоминании имен герцога Анжуйского и герцога Гиза он хватался за эфес тяжелой рапиры, грозно блестел глазами и чертыхался. Словом, перед прекрасной Анриеттой предстал удалой рубака, второй Коконнас, и потому ее изумрудные очи дивно блестели, прекрасные губы слегка приоткрылись.

– Месье, вы – гугенот?

– Что вы, мадам, я добрый католик и, клянусь бородой адмирала, кое-кто имел честь в этом не раз убедиться! Теперь же, когда король Наваррский вернулся в лоно истинной церкви, я с не меньшим рвением, чем Карлу Девятому, служу ему.

– Вы верите в судьбу короля?

– Гром и молния! Так же как в то, что вы – прекраснейшая из всех звезд на небе. Беседа с вами подобна цветению лотоса или...

Герцогиня едва заметно усмехнулась, не сумев скрыть, что она польщена.

Месье, у вас верная рука и честное сердце. Бог послал королю Наваррскому надежных и преданных слуг.

– Клянусь Богом, для нас с графом де Ла Марш имя короля свято. Граф и я спаяны такой дружбой, как клинок и гарда этой рапиры!

– И тем не менее, кончик клинка обломился, – смеясь глазами, молвила герцогиня. – Посмотрите на своего Пилада. Он ретируется как убоявшийся трубящего рога олень.

– Он бледен как полотно! Я должен ободрить его.

Герцогиня скривила губы в усмешке.

– Я думаю, в таких случаях полезнее побыть одному. Проводите нас с ее величеством в замок. И подберите шляпу с этим чудным

В своей комнате молодые люди повели себя по-разному: истощенный недавно вспышкой гнева принц без сил повалился на стул, а Книппенбах принялся возбужденно ходить взад-вперед, царапая ногами мебель. Он бормотал что-то себе под нос. Христиан уловил восклицание:

– Хороша, чертовка!

– Кто?

– Герцогиня. Вы бы видели, мой друг, как благосклонно она мне кивнула, когда я провожал их до покоев! Пламя, не женщина!

– Побереги эпитеты до лучших времен и перестань маячить.

– Граф! Вы огорчаете меня, не разделяя мое ликование...

Лицо Христиана потемнело от гнева.

– Кто – «граф»?! Это я там – граф. Ты понял, черт тебя подери?!

Когда Книппенбах находился в хорошем расположении духа, его трудно было смутить. Он уселся за стол, разлил в стаканы вино. Не допив, отставил стакан, призадумался.

– И все-таки чертовщина! Замок, охрана, королева и герцогиня... Откуда это взялось? Ваше высочество, быть может, наши души переселялись на четыре века вперед, чтобы в нужный час возвратиться? Вспомните индусские штучки! – Оттолкнул кувшин, меняясь в лице. – Что-то я не испытываю блаженства при мысли, что мы пожаловали в этот век навсегда. – Встрепенулся; озираясь, проговорил громким шепотом: – Мы совсем забыли о Вуде, мой принц. Он должен быть где-то рядом. Он переправит нас в привычную обстановку и все будет о'кей.

Принц, пригубив вино, скрестил руки, устало закрыл глаза. И в то же мгновение опять застучала в висках кровь, а воспаленный свет ночной лампы проник сквозь опущенные веки ярким пятном.

– Можешь отправляться на поиски Вуда. Я остаюсь здесь.

Книппенбах помолчал, смакуя вино. Шумно вздохнув, бесшабашно тряхнул кудрями:

– Разве я могу вас покинуть? Мне больно это слышать, мой принц. – Теребя темляк, спросил хрипло: – Раз уж нам суждено здесь надолго застрять, то хотя бы ответьте мне, за кого мы обнажим свои грозные шпаги?

– Уж конечно не ляжем костями за покинутую Богом династию Валуа. Поможем Бурбонам! Им назначено царствовать еще два с лишним века.

Книппенбах предложил еще выпить – «за дерзкий выбор». Наполняя стаканы, он бормотал:

– Вы не находите, ваше высочество, что аликантское вино как-то странно бодрит? Голова вроде соображает, но порой возникают такие желания – сомневаюсь, не вселился ли в меня бес?

Христиан не успел ответить. Со двора послышались крики, топот ног и копыт, лошадиное ржанье. Подбежав к окну, принц увидел: по влажной от дождя брусчатке двора быстро шел рослый худой человек в черной одежде; за ним, придерживая шпагу, еле поспевал капитан де Руа; бородатый конюх с трудом удерживал на поводу крупного вороного жеребца. Человек в черном размахивал правой рукой при ходьбе и громко ругался, топорща усы. Когда он замолчал, слушая слова офицера, на костистых скулах его напряглись острые желваки. Поминая черта, оба взошли на крыльцо. Спустя четверть часа в комнату друзей ворвался запыхавшийся де Руа – на лице красные пятна, губы прыгали:

– Граф, королева послала меня за вами! Ради всего святого, быстрее!

– А в чем дело? – поспешно накинув свой черный, с алым подкладом плащ, спросил принц.

– Не спрашивайте ничего! Время дорого!

* * *

Королева была одна. В прохладной комнате ее царил полумрак.

Маргарита что-то торопливо писала. Вот она подбежала к окну, вчиталась в написанное; затем вернулась к столу, схватила перо, прибавила несколько слов, рвя бумагу. Превратившийся в изваяние Христиан отметил, что Маргарита настолько спешит, что у нее даже нет времени приказать зажечь несколько свечей в канделябре.

Королева позвонила в серебряный колокольчик. Вошла камеристка.

– Жийона! Пусть капитан де Руа немедленно отправит это в Беарн!

– Вот так, граф, – с ледяною улыбкой, негромко произнесла королева, когда камеристка ушла, – несмотря на блестящие

предсказания, мы вновь терпим поражение, которое грозит стать началом конца. – Она притопнула каблучком, в глазах зажглось холодное пламя ненависти. – Герцог Гиз пронюхал, что король Наваррский в Париже. Он решил купить безграничное доверие при дворе его головой! Королева-мать раззвонила, что Генрих готовит мятеж и что якобы с этой целью он тайно прибыл в Париж. О, как бы возликовала она, увидя пойманного короля Наваррского в Лувре! Только что из столицы прискакал де Муи. Королю удалось ускользнуть, но погоня наступает ему на пятки. Что скажете вы теперь, месье прорицатель? Не поколебалась ли ваша вера в великую будущность моего супруга и вашего короля?

– Нет, мадам, – с достоинством поклонившись, вскричал Христиан. – Я готов каждый день повторять раз уже мною сказанное как молитву вплоть до того дня, когда королю исполнится тридцать шесть!

Королева бросила быстрый и, как показалось Христиану, исполненный нежной признательности взгляд. Этот взгляд наряду с осознанием, что на дворе 1575 год, подняли дух Христиана, пробудили в нем веру в успех. Маргарита указала Христиану на стул и села сама, облокотившись на подлокотник. В полутьме огромные зрачки ее расширились во все глаза, и блестящая чернота их завораживала, восхищала. Длинные прозрачные пальцы стиснули полированный подлокотник, грудь высоко вздымалась под платьем, и Христиану казалось, что он ощущает на своем челе ее благоухающее дыхание.

– Вы говорили, что любите меня? – вдруг спросила она.

– Да, – хрипло ответил Христиан и встал на колени. – Да, я люблю вас.

Ее белеющая во тьме рука метнулась по полировке, и он припал к ней, затрепетав.

– Встаньте, – ласково шепнула она, но он не шелохнулся, придерживая неистово трепетавшее сердце.

– Вы несносный юноша, – сказала Маргарита, поднимаясь. По голосу было ясно, что губы ее улыбались. Он же, будто свалив с груди пудовую ношу, с облегчением вздохнул и поцеловал подол ее платья. Она мягко взяла его ладонь и подняла его с пола. Он схватил ее маленькую в перстнях руку и стал целовать, поднимаясь все выше...

– Вы в самом деле несносны, – заслонившись душистой ладо-

нюю, прошептала она. – Я не требую от вас клятв и признаний. Мне, как и каждому, ясно, что вы до последнего вздоха преданы нашему делу. Теперь же я убедилась, что вы обладаете даром любить, а это значит, можете быть любимы.

Христиан с великим трудом подавил в себе неистовое желание прижать ее к себе так, чтобы со стоном сомкнулись уста...

– Вот медальон с рубином, залог любви. Вы будете сопровождать нас в Беарн. Идите же, в полночь мы тронемся в путь.

Христиан жадно припал сухими губами к подарку любимой и, шатаясь, вышел из комнаты.

* * *

В помещении, куда вернулся после свидания с королевой Христиан, раздавался серебряный звон шпор и звучала песня:

У вашей двери сплел бы я шалаш,
К моей душе взывал бы...

Христиан как вкопанный застыл на пороге, наблюдая, как друг Книппенбах мечется по проходу, совершая немислимые прыжки.

– Она прекрасна как Виола, мой принц! – вскричал «барон де Сен-Вери». – Это ангел во плоти с темпераментом язычницы Таис.

– Ты наверно успел оценить ее темперамент, если тебя повлекло на столь нелепые сравнения? – бросаясь в одежде на постель, лениво спросил принц. – Что же касается Виолы, я представлял ее черноволосой.

– Зачем непременно измерять то, что и так ясно как Божий день по одному ее взору?

Принц криво усмехнулся. Книппенбах спохватился:

– А как ваша Оливия?

Принц нахмурился, приподнялся на локте:

– Не твоего ума дело.

Книппенбах еще повертелся перед зеркалом, любуясь своим жемчужно-серым колетом, привел в порядок «усы». Видя, что принц задремал, он потихоньку выскользнул из комнаты и помчался к своей Анриетте. Но герцогиня находилась у королевы, и он, удрученный, поплелся на двор – к лошадям.

Принц, измученный фантастически бурным днем, смежил будто свинцом налитые веки. В голове звенело. Тело жаждало

покоя и отдыха, но сон не шел: сердце гулко билось, отдавая в виски и затылок, мозг раздирали вереницы мыслей и образов. Не раз в холодном поту Христиан садился в постели, невидяще уставясь в вечерний сумрак комнаты, и вновь без сил ронял голову на подушку. Наконец, он забылся и услышал во сне зовущий на помощь крик Маргариты.

Он выскочил с обнаженною шпагою в коридор. Далеко, в самом конце погруженной во мрак галереи, подобно мерцающему светильнику в алтаре, поблескивал огонек, и Христиан побежал к нему, обливаясь холодным потом. Он делал нечеловеческие усилия, чтобы бежать быстрее, но не бежал, а лишь подпрыгивал высоко к потолку, опускаясь на почти то же место. Одежда его взмокла от пота, а спереди и с боков прохватывало сквозняком и руку оттягивала холодная как лед шпажная рукоять. Из-за колонны, загораживая дорогу, вышли два рыцаря в шлемах с забралами. Задохнувшись беззвучным криком, Христиан ударил одного шпагой – по полу покатился, брэнча, пустой шлем: под латами никого не было. Христиан с омерзением пнул грудю железа, побежал в конец галереи – туда, где маячил, грозя погаснуть, его огонек. Мелькали, выплывая из мрака, колонны, обдувал лицо могильным холодом ветер, гулко отдавался под сводами стук каблуков.

Большая свеча горит в маленькой комнате, и Христиан делает шаг к ней с порога. За газовой прозрачностью ширмы он видит точеный профиль женщины. Женщина сидит на стуле, откинувшись и покачивая туфелькой на ноге. «Маргарита!» – он с силой отбрасывает занавеску – и цепенеет от ужаса, чувствуя, как ухнуло в пропасть сердце. Перед ним – мэтр Бине, ощерившийся мерзкой улыбкой: торчащие вкривь и вкось желтые зубы, глубокие морщины, вздрагивающий кадык и – безжизненно-неподвижный взгляд маленьких глаз. В руках Бине – поднос, накрытый черной салфеткой. «Маргарита? Вот Маргарита!» – скрежещет разбойничья образина и сбрасывает салфетку волосатой рукой. На подносе – восковая фигурка в горностаевой мантии и шутовском колпаке. «Вот Маргарита!» – Бине тычет в нее свой корявый палец, и принц, взглядевшись, узнает в фигурке себя. Он хлещет наотмашь хохочущий рот, но рука тяжелеет и удары не достигают цели; он тычет шпагой бесплотное тело – из ран вместо крови брызжут холодные струйки воды...

– Принц! Вставайте же, принц! – Вывал Книппенбах. Испу-

ганный, видя друга в бреду, он наложил мокрый платок на его лоб и в отчаянии сорвался на крик.

– Ты с ума сошел! Чего ты орешь? – Морщась как от зубной боли, прохрипел со сна Христиан.

– Я ору?! Послушали бы вы минутой раньше свой нечеловеческий вопль, ваше высочество!

Принц помотал головою, стряхивая сонный дурман.

– Обыкновенное дело: дурной сон. Приснись тебе такое – душа прямиком отлетела бы в рай. Перестань отбивать зубами испанский танец! Зажги свечу, налей вина.

Книппенбах поспешно исполнил волю августейшего друга. Принц залпом осушил стакан, Книппенбах промедлил и поперхнулся: за окном из ночной мглы раздался чей-то душераздирающий вопль. Прогремел пистолетный выстрел, застучали копыта. Обнажив шпаги, друзья выбежали в коридор. Навстречу с дымящимся пистолетом мчался капитан де Руа.

Христиан успел разглядеть его окровавленный лоб и продырявленный колет. Запалено дыша, он кричал:

– Быстрее за мной, господа! В замок ворвались люди Гиза! Задержим их, спасем королеву!

Христиан, не помня себя, бросился за де Руа. Лицо его горело, глаза блестели лихорадочным блеском: предстоящей опасности он отдался всем своим существом. Сзади, стуча каблуками, бежал шестипудовый Книппенбах.

– Нас предали! – задыхаясь от быстрого бега, хрипел капитан. – Гиз подкупил охрану моста.

Во дворе, освещенном огнем нескольких факелов, метались, сшибаясь, человеческие тени, звенело оружие, слышались ругань и чей-то предсмертный хрип. Де Руа на мгновение замер, вглядываясь в темноту, откуда, зловеще блестя доспехами, приближались враги.

– Мои люди перебиты! Скорее назад! Задержим их в галерее!

В галерее, втроем, они в слепой ярости размахивали бесполезными шпагами, звеня по стали уставленных им в груди протазанов и алебард.

– Де Муи провел королеву через потайную калитку, – крикнул в ухо Христиана де Руа, – теперь уносите ноги вы!

Сорвав с себя берет, он швырнул его в лицо одному из солдат, ударил его в бок, под кирасу. Солдат осел, выронил протазан. Из-за спин алебардчиков вынырнул офицер, выполнил шпагой

обманный полный оборот, сделал выпад. Де Руа упал, зажимая рану рукой.

– Бегите, месье Ла Марш! – это были последние его слова.

Друзья остались вдвоем против четверых противников. Они продолжали отступать, отбиваясь шпагами. Христиан, отводя «дагой» неприятельский протазан, норовил ткнуть солдата шпагою в низ живота, – туда, где кончался полудоспех. Книппенбах ловко орудовал тяжелой рапирой с длинной поперечиной и ажурною гардой. Рубя направо и налево онемевшей рукой, принц думал о комнате королевы, что находилась у них за спиной. Он рассчитывал затвориться в покоях Маргариты в надежде уйти от погони потайным ходом или через окно.

– Держитесь, Артур! Если отступим в покои королевы, мы спасены!

Едва с губ Христиана слетели эти слова, как сзади, давя позвонки и кадык, навалился кто-то горячий, тяжелый. Принц вслепую ударил нападавшего – эфес, звякнув, лишь скользнул по кирасе. Христиан вывалил язык, задыхаясь, и тогда ему в лицо, разъезжая глаза и небо, ударил горький дурман.

7

Книппенбах очнулся в мрачной, с низкими прокопченными сводами комнате, на соломе. Он приподнялся на локте, пытаясь припомнить, что его сюда привело. Вспомнил бой в галерее – застонал, зарылся лицом в солому. Потом вскочил, огляделся: закрепленный на выложенной из неотесанного камня осклизлой стене факел освещал один угол темницы и дверь, обитую железными полосами. Книппенбах подошел к двери, долго шарил, ища скобу. Скобы не было, дверь открывалась наружу. Книппенбах налег плечом – никакого эффекта. Хотел отойти, снова лечь, как вдруг в коридоре послышались приглушенные голоса. Приник к косяку, прислушался. Люди за дверью разговаривали по-французски. Один из голосов был как будто знаком Книппенбаху.

* * *

– Как ваше имя, месье?

– Граф де Ла Марш.

– Сколько вам лет?

– Двадцать два и шесть месяцев.

– Что делали вы с де Сен-Вери в замке Сабле?

Принц застыл перед сидящими за небольшим столом судьями и повытчиком, отвечал на вопросы довольно молодого, с холодным, неподвижно уставленным взглядом председателя суда.

– Итак, что делали вы с вашим другом в замке Сабле?

– Жили, и ничего более, – Христиан пожал плечами.

– В самом деле? – председатель усмехнулся рыбьим ртом. – Жили, готовые в любую минуту вступить в смертельную схватку с теми, кто выполняет волю его величества короля! Кто из врагов его величества, с которыми вы находились в заговоре, также скрывался в замке?

Христиан бросил на судей исполненный насмешливого презрения взгляд, поджал губы упрямо:

– Мы были одни, когда на нас подло напали. Откуда нам знать, кто это был: слуги короля или обыкновенные разбойники, головорезы?

Председатель, распустив складки на лбу, с равнодушием истукана смотрел поверх головы принца. После минутного размышления проскрипел:

– Вы упорствуете, не желая назвать имена сообщников. Мы подвергнем вас пытке.

Принц, вздрогнул, почувствовав, как душу его пронзил ледяными иглами страх. Подняв голову, он с ужасом посмотрел в дальний угол, где чернел оснащенный всем необходимым для пытки станок; там же стоял палач. Это движение не ускользнуло от внимания судей. Председатель перехватил взгляд Христиана, раздвинул в усмешке бескровные губы.

Два алебардщика ввели в зал пыток Книппенбаха. Он держался уверенно, без тени уныния: подбоченясь, нагло щурил красивые глаза, на вопросы отвечал с бесстрашным сарказмом, ободряюще кивал принцу. Так ничего не добившись, председатель смахнул со лба пот и приказал охране:

– Уведите до вынесения приговора.

В камере Христиан метался из угла в угол, проклиная собственную слабость. Потом, подойдя к чадающему факелу, достал медальон Маргариты и поклялся, что даже под пыткой не назовет светлого имени королевы.

– Приговор суда, вынесенный в замке Сабле по делу Буйона Генриха Ла Марш, обвиненного и уличенного в преступлении против его величества, а именно в покушении на престол и жизнь короля и заговоре против государственной безопасности... Суд постановил: означенного Ла Марш обезглавить, имущество его конфисковать... Поскольку весь заговор раскрыт, сообщники пойманы и признались под пыткой в преступных замыслах против его величества короля, означенного Ла Марш чрезвычайной пытке не подвергать, а приговор привести в исполнение 16 сентября сего, 1575 года, на рассвете!

Председатель читал приговор торжественно и громко, выразительно взглядывая в паузах на осужденных. И вновь Книппенбах был спокоен и улыбался, а принц скрипел зубами от ненависти к палачам.

Во внутреннем дворе замка был сооружен эшафот, на эшафоте зловеще чернела колода с воткнутым топором. Четверо алебардчиков выстроились возле ступенек, ведущих на плаху; неподалеку стояли священник, судьи и офицер. Палач опирался волосатой рукою на топорнице, из-под густых бровей разглядывал осужденных. Слепленный дневным светом принц долго щурился и вздрогнул, узнав в палаче мэтра Бине.

Книппенбах, заметивший смертельную бледность принца, шепнул:

– Ваше высочество, я первым взойду на плаху.

– Нет! Я первый. Я... хочу умереть!

Книппенбах вытаращил глаза, беззвучно лоя ртом воздух. Принц бросил на друга исполненный ледяной отрешенности взгляд, и Книппенбах замолчал, прикусив язык.

Христиан стал медленно восходить на эшафот. Голова его была запрокинута, взгляд расширенных глаз сделался как бы стеклянным. Книппенбах подумал, что такой взгляд был, наверное, у принимавших мученический конец гугенотов, которые, защищая религию, не страшились ни смерти, ни мук.

Повытчик сложил бумаги, увидел подле себя осужденного – и вздрогнул, попятился. Палач согнал с лица свою мерзкую ухмылку, шагнул к принцу. Христиан уже стоял на коленях, положив голову на чурбак. Сперва он разглядывал гвозди, которыми был сколочен помост: их аккуратные рифленные шляпки блестели

там и сям из досок. Что-то тревожило принца, не нравилось ему в этих гвоздях, но мысли путались и сознание покидало измученный мозг. В руке Христиана блеснул медальон Маргариты с рубином, похожим на застывшую кровь. Принц вздохнул, бросил прощальный взгляд на подарок любимой. Палач вплотную приблизился к жертве, заслонил свет грязновато-красным пятном. Вот складки его плаща колыхнулись, поползли вверх. Значит, он взмахнул топором...

8

Минуту спустя к месту «казни», побросав алебарды и шпаги, сорвав плащи, парики, сбежались все восемнадцать нанятых Вудом актеров и каскадеров. Послали за врачом, так как принц был без сознания. Врач – пожилой строгий мужчина – хмурился, щупая пульс. Вставая с колен, процедил:

– Сильный обморок... Скорее носилки!

Прилетел вертолет. Книппенбах суетился, распоряжаясь отправкой. Когда растворился в вышине шум винтов, Вуд услышал громкую ругань.

– Вы ответите за это! – Книппенбах ткнул пальцем в небо. – Вы оккультное чучело и шарлатан!

Вуд даже не повел бровью, невозмутимо нюхал табак. Пободав большой головою, чихнул, аккуратно отряхнул кружева.

– Успокойтесь, молодой человек. Возьмите себя в руки. Об эксперименте были извещены при дворе.

– Вот как! Свои шарлатанские выходки вы облекли в научную тогу! – Не унимался Книппенбах.

Вуд взглянул с пытливым прищуром:

– Вы поверили, что очутились в шестнадцатом веке. Какое же здесь шарлатанство?

– Я в это не верил! – выпалил Книппенбах.

– О-ля-ля! И не предупредили принца. Как же так?

– Я догадался в последний момент.

– Нет. Значительно раньше. Поэтому вы вели себя необычайно спокойно при «казни».

– Ну хорошо, – смирился Книппенбах, – это не столь важно. Скажите лучше, как удалось нас задурить.

– Эти актеры, – Вуд обвел рукою толпу во дворе, – мои единомышленники и друзья. Их режиссера, – указал на «пала-

ча», сдиравшего грим, – я знаю уже много лет. Он поставил несколько пьес по мотивам произведений Дюма. Никто, конечно, не знает, что Христиан – принц. Я им сказал, что предстоит потешить одного чудаковатого миллионера.

– Мы все время находились в каком-то сомнамбулическом состоянии. Чем вы его поддерживали? Препараты? Гипноз?

– Вы часто пили вино. В вино подмешивался препарат, основу которого составляет вытяжка из кактуса пейотля. Употребление пейотля повышает внушаемость до степени, сравнимой с гипнотическим состоянием. А чтобы вы не перерезали в галерее наших «солдат», мы применили парализующую аэрозоль. Немало времени пришлось потратить на подготовку и, как видите, не напрасно.

– О, да! – горестно вскричал Книппенбах. – Стоит только взглянуть на почти бездыханного принца.

Вуд щелкнул крышкою табакерки, взглянул на собеседника спокойно и строго:

– А вам не кажется, что он ХОТЕЛ УМЕРЕТЬ?

Книппенбах онемел, изумленный.

Вуд ковырял мшистую стену ограды, глядел в небо из-под припухших век. Ветерок шевелил остатки волос на его блестящем бугристом черепе.

– Когда-то я думал, что всему свое время и сейчас нечего жалеть об отпетых Сервантесом рыцарской верности, мужестве, чистоте. Но вот нашелся человек, преданный до гроба тому, что минуло четыре века назад. Он должен был доказать и он доказал, что достоин этого прекрасного времени, этой бессмертной любви! Вы не могли не видеть, как сияли его глаза, когда он жил опасностями и страстями будто воскресших времен. Да, все это время он – жил! Жил в близкой его сердцу стихии...

– И ради этого вы заставили его сражаться с ветряными мельницами? – Книппенбах покачал головой. – Да он проклянет день и час, когда впервые увидел вас только за свой обморок на эшафоте!

* * *

Случилось то, чего втайне очень боялся Вуд. Последнее потрясение вызвало какие-то сдвиги в психическом состоянии принца, и он не помнил ничего из того, что предшествовало

приключениям в замке. Вуда задержали. Он должен был «расколдовать» Христиана; в противном случае ему грозили крупные неприятности.

Принц безвыездно жил во дворце. Метался по кабинету, звал Маргариту; расспрашивал Книппенбаха, жива ли она. У друга от жалости дрожали губы – растерянный, подавленный, он нес околесицу. Словом, дело было дрянь. Врачи, обследовав Христиана, призывали запастись терпением – ждать, дабы еще больше не навредить. Надежда была лишь на Вуда, и он просто обязан был ее оправдать.

– Нужно повторить процедуру казни! – решительно заявил магнетизер. – Только новое потрясение поможет принцу. Он вспомнит прошедшее, забудет Богом проклятый замок и эту роковую Марго. Иного выхода я не вижу.

Устремленный в сторону взгляд Вуда сделался задумчиво-отрешенным.

– Христиан был уверен, что его казнят, но не предал любимого человека. Это почти подвиг. Я говорю «почти» потому, что все же были наигранные обстоятельства... И, тем не менее, вы бы, к примеру, так не смогли!

Книппенбах смутился. Потом вскинул глаза, заговорил гневно:

– Пусть не смог бы – и ладно! Мне нет дела до капризных амбиций королей, королев. Я живу в сегодняшнем дне и сегодняшним днем. Я счастлив настоящим, осязаемым, если хотите, а не каким-то выдуманным счастьем. Попробуйте сказать, что это убого или дурно – я рассмеюсь вам в лицо!

Вуд поднял глаза. Они смеялись, и вместе с тем в них стояла затаенная грусть.

– Все это так. И все же мне жаль, мне по-человечески жаль вас, Книппенбах. – Достал трубку, набил табаком. – Все дело в том, что принц вовсе не одинок. Как много на свете людей, считающих, что они родились не в свое время! Они неизменны во все века: честь и достоинство для них превыше всего. В своей любви каждый из нас должен быть принцем. И жизнь тогда обретет высший смысл, ей-Богу... Но к делу! У вас есть какие-нибудь соображения?

– Принц должен забыть Маргариту, но знакомство с артисткой, исполнившей роль королевы, думаю, не повредит, – после некоторого раздумья решительно проговорил Книппенбах.

– О, это не просто артистка! – Вуд оживился, ткнул Книппенбаху кулаком в грудь. – Кстати, графы Ла Марш – ее далекие и славные предки. Эта фамилия еще в четырнадцатом веке относилась к числу синьоров Франции...

– Которые презирали комедиантов, а ныне их же трудом зарабатывают себе на хлеб, – со злым смехом перебил Книппенбах.

– В нашем веке аристократы умеют все. Кто сейчас лучше сыграет роль королевы, как не урожденная графиня? Она играла в «Королеве Марго» на сцене Исторического театра.

– Я навсегда запомнил слова принца: «Я скорее продам душу дьяволу, чем полюблю актрису!» После спектакля в замке он вряд ли признает в ней графиню. Впрочем, принца влекут роковые женщины. Мне ж мнится: надо от них держаться подальше...

– Наша задача дать принцу возможность – вспомнить...

Книппенбах нахмурился, сказал со вздохом:

– Вы правы. Но я хотел бы еще раз на нее посмотреть.

– Нет ничего проще. Я сейчас позвоню...

Книппенбах не узнал в этой изящной, но уже без грима и королевского убора женщине ту, что три дня назад была для него Маргаритой. Свободный шелковый костюм не скрадывал стройность фигуры. На артистке не было никаких украшений; большие глаза ее смотрели пристально и горделиво. «Лошадка с норвом», – подумал Книппенбах.

– Присаживайся поближе, Диана, – придвинув кресло к камину, ласково сказал Вуд. – Молодой человек хочет с тобой поговорить. Я вас оставляю на время.

С минуту оба молчали. Книппенбах смотрел на белеющий в полумраке гордый профиль актрисы и с трудом подавлял раздражение. «Гордячка, посмотрим, так ли ты умна, как хочешь казаться», – подумал он и спросил:

– Вы любите принца?

Она оставила на него насмешливый взгляд.

– Примерно с той же степенью страсти, как и он меня.

Книппенбах подкрался к ней поближе, готовя новый вопрос.

– Но он, скорее всего, любит не вас – Маргариту. Что вы на это скажете?

– Я и есть Маргарита, – последовал быстрый ответ.

– Вы – Диана! – возразил Книппенбах, раздражаясь.

– Если принц способен любить, он полюбит Маргариту во мне.

Догорел камин. Вуд проводил Диану; пыхтя трубкой, листал какую-то старинную книгу. Книппенбах, не сводя взгляда с двери, воскликнул:

– Что значит – благородное происхождение! Черт возьми, они подходят друг другу: она такая же сумасшедшая, как и он.

9

На другой день Христиан вновь очутился в освещенном чадающим факелом подземелье. Опять последовали допрос, угрозы и вынесение приговора. Лязгая зубами от холода, – был конец сентября – принц взошел на эшафот, бесстрашно положил голову на влажную от утреннего тумана колоду.

Вуд наблюдал за процедурой из окна угловой башни. Когда Христиан лег под топор палача, Вуд зажмурился, потер лоб:

– И это не помогло...

А принц не отрываясь смотрел на гвоздь, который то и дело накрывал башмак топтавшегося на помосте мэтра Бине. Шляпка гвоздя была новой, блестящей. Принц еще раз скосил глаза на шляпку – и вспомнил... Недавно он вбивал такой гвоздь, чтобы повесить старинную аркебузу.

В своем кабинете Христиан старался все делать сам. И тотчас вспомнил он кабинет во дворце, Книппенбаха и Вуда, вспомнил, что он – принц, уже почти король, – и поднял голову, озираясь недоуменно.

Палач спрятал руки за спину, ободряюще кивал головой, улыбался. Прочие выжидательно уставились на Христиана. Никто не смел шелохнуться.

– Мне нужно в столицу, – бледнея все больше, властно отрезал принц. – Пора кончать эту комедию.

* * *

Вуда не благодарили. Он, по всеобщему мнению, был виновником нервного расстройства наследника короны. Если бы Христиан после второй «казни» так ничего и не вспомнил, магнетизеру не поздоровилось. Впрочем, на радостях, так как «все обошлось», некоторые влиятельные особы благосклонно взглядывали на него. Вуд, как ни странно, не разделял всеобщего ликования, чем-то был озабочен

Теперь из памяти Христиана выпали приключения в «замке Сабле». Временной промежуток между двумя потрясениями он совершенно не помнил. Вуд рассказал королю историю заснувшего пастуха, на примере которого Пюисегюр убедился во вторичном открытии гипнотического сна. Снова собрали медицинский консилиум. Больше всего тревожило то, что принц, забыв замок и Маргариту, опять затосковал по милому его сердцу средневековью. Он часами просиживал у камина, играл на флейте, оттачивал до остроты бритвы клинки коллекционных кинжалов. Вуд крепко задумался. Однажды он сказал Книппенбаху:

– Любовь – это единственное лекарство, которое спасет Христиана.

Книппенбах проговорил с плохо скрытой усмешкой:

– Вы говорите так, будто в силах изготовить его в нужной пропорции.

Вуд уже потирал руки, воодушевляясь все больше.

– Эту пропорцию будет отмеривать его сердце, когда глазам предстанет она.

– Кто же? Опять Маргарита?

– Боже упаси! У него опять будет обморок. – Вуд забавно выпятил губы, постепенно расплываясь в улыбке. Морщины разгладились, глаза молодо заблестели. – Это будет актриса де Ла Марш в облике современной девушки.

– Христиан никогда не полюбит актрису, – не согласился Книппенбах.

Вуд упрямо насупился:

– Ну, это еще поглядим.

* * *

Она лежала прямо на дороге, вытянув руку, лицом вниз. Метрах в пятнадцати горел ее перевернутый «форд». Завидя девушку, принц остановил свой спортивный автомобиль. Подбежал, склонился, заглянул в лицо.

– Быстрее, Книппенбах! Быстрее в машину! Осторожнее, ради Бога!

Вдвоем они уложили девушку на сиденье. Принц, торопясь, рвал пуговицы ее легкой шубки. Бормотал как заклинание:

– Кажется, все цело. Простой обморок. Кажется, все цело...

Машина, взревев мотором, рванула с места. Ее голова упала

на плечо Христиана, и он, потрясенный, вдохнул запах ее волос.

– Есть пульс! – вне себя закричал принц. Потом еле слышно сказал: – Какая красивая!..

Книппенбах поднес к губам Дианы флягу с коньяком. Проворчал:

– Еще немного и вам не на что было бы любоваться: она обогнала нас со скоростью добрых семьдесят миль. Бифштекс на бетоне – зрелище не из приятных. Эти бабы носятся сломя голову. До знаков им дела нет!

– Помолчи!..

Она закашлялась, давась коньяком. Ресницы дрогнули, глаза приоткрылись.

– Где я?

– Вы живы, и это главное, – принц бережно тронул ее маленькую ладонь. – Ваш автомобиль перевернулся на повороте, но вам повезло. Мы едем к врачу. Как ваше имя?

– Диана... де Ла Марш, – негромко проговорила она.

В больнице проинструментированный Вудом врач после беглого осмотра сказал:

– Переломов и серьезных ушибов нет. Ничего страшного, господа.

– Можно мне видеть ее? – нетерпеливо спросил принц.

– Сейчас нет. Не исключено сотрясение мозга. Приезжайте вечером, часов в семь.

... Она сидела в кресле. На ней был шелковый китайский халат. Глаза в упор смотрели на вошедшего в палату принца. Он подошел ближе, и она подала ему руку. Он коснулся ее ладони сухими губами. Она взглянула на него снизу вверх.

– Вы помогли мне. Большое спасибо. Скажите ваше имя.

– Он вновь поймал ее руку, судорожно глотнул воздуха.

– Диана... Я где-то видел вас раньше. Я люблю вас, Диана.

Глаза их встретились. Ресницы ее дрогнули, губы благодарно раскрылись. Припав к ее руке, он встал на колени. За окном завывала вьюга, ветер с силой хлестал по стеклу ледяною крупой. Из мглы маячил раскачиваемый ветром фонарь, и свет его в окружении сонма снежинок казался сияньем алмаза, чей блеск так же холоден, как благороден и строг.

– Не думал я, что все будет так просто! – отойдя на цыпочках от приоткрытой двери, шепнул Вуду разочарованный Книппенбах. – Стоит ли воздвигать грандиозную пирамиду, если она

предназначена не тебе? Принц – рыцарь, это он доказал. Я был уверен, что ему нужна только лишь Маргарита...

Вуд, улыбаясь одними глазами, тихонько прикрыл дверь в палату.

– Рыцари и Маргарита давно уже там, – ткнул пальцем в землю, – а любовь вечно жива, как мир. Есть немало таких, что влюбляются в духов. Но где вы видели, чтобы дух полюбил? – Пригладил остатки волос на крепком блестящем черепе, подмигнул выпуклым глазом: – Лучше жить самим по себе. Им и нам.

Книппенбах молчал, погруженный в раздумье. Вуд тронул его за обшлаг.

– Здешний хирург готовит отличный глинтвейн. Пропустим и мы по стаканчику. Повод есть. Только не упирайтесь. Видит Бог, я от вашего упрямства бесконечно устал!..

1984

УСЛОВНЫЙ БОЙ

Глава I

Будущее управляет настоящим...
А.В.Суворов

1

Сменился в стране президент – и все вновь заговорили о национальной идее.

Президент был немолод, повидал в жизни всякого. В юности он искренне исповедовал комсомольские идеалы, считая советский период отечественной истории самым значительным: Чапаев, Стаханов, подпольщики-молодогвардейцы представлялись ему героями всех времен. Советскую власть он в числе депутатов Верховного Совета России отстаивал до конца.

После известных событий октября 1993-го бывший нардеп

больше года был не у дел; лишь знакомство с редкими изданиями собранной за многие годы личной библиотеки скрадывало вынужденное бездействие. История государства Российского в изложении Карамзина и Ключевского поразила его, заставила кое-что взвесить и сопоставить.

Еще на заре «перестройки» он в свите генсека Горбачева ездил в Англию, и, как и многие, был свидетелем, как Горбачев в присутствии британского премьера Маргарет Тэтчер принялся нахваливать какого-то Пальмерстона – за его мудрость и прозорливость. Кто такой Пальмерстон, начинающий советский политик, к стыду своему, знать не знал. Из энциклопедического словаря явствовало, что виконт Генри Джон Темпл Пальмерстон был лидером вигов, премьер-министром Великобритании и...

одним из организаторов Крымской войны! «Кто ж присоветовал нашему премудрому Мише величать эту вражину Пальмерстона? – мучил отчаянно- недоуменный вопрос. – Неужели всезнайки из международного отдела ЦК?

Сам-то Миша ни в жисть в словарь не полезет... Эх, да что вообще мы из нашей истории знаем?! Каких-то семьдесят годов из тысячи лет...»

С тех пор изучение истории сделалось постоянным занятием государственника. Чего стоили язык и стиль историков досоветских времен! Их труды читались захлеб, как роман.

Особенно дивило описание XVIII столетия – века великой славы России. Не верилось, что в эпоху «потемкинских деревень» и господства екатерининских ловеласов народ русский жил вполне зажиточно, а Россия возвысилась до первой державы Европы. «В Европе без позволения нашего ни одна пушка выпалить не смела!» – эти слова канцлера Безбородко крепко засели в голове. Они не были пустой похвалой. Великой и сильной Россию сделали даровитые правители и твердый в своей вере народ. «А что же мы? – задавался вопросом любознательный читатель анналов, – Только и всего, что именуемся великой державой, а когда надо делом имя великое подкрепить, чужого дозволения ждем». Сердце то жгли обида и гнев, то исцеляла надежда.

Пятнадцать лет прошли в борьбе сперва за кресло губернатора, потом – за пост главы Российского государства. Положения предвыборной программы (из четырех пунктов) обрели и массу сторонников, и немало противников. Но на вопрос о том, как

уберечь российский народ от физического и духовного вымирания, претендент нашел толковый, четкий ответ – и стал президентом. Тогда-то пришла пора задуматься о важнейшем: как исполнить задуманное? на кого опереться?

По примеру Александра Благословенного, имевшего «Негласный комитет», новоиспеченный правитель собрал вокруг себя преданных его делу соратников – «своих», как сам частенько их называл.

Новый глава страны понимал, что по возрасту и здоровью он вряд ли сможет пойти на второй президентский срок. Главной своей задачей он считал создание новой государственной машины – машины оригинальной и эффективной. «Под меня ничего создавать не надо, – «с порога» объявил «своим» президент. – Надо создать такую систему, чтобы народ верил правителю, чтобы пробудить в людях желание трудиться над воссозданием великого Российского государства».

Четыре недели «свои» обмозговывали задачу; наконец, в теплый июньский вечер президент собрал их в своей недавно оборудованной резиденции.

2

Резиденция размещалась в сотне верст от столицы, в бывшем царском путевом дворце.

По замыслу президента обсуждение нового устройства государства Российского необходимо было по-особенному обставить. Вместо электричества зажгли свечи, и глубина огромного зала и аванзал тонули в полумраке. Это будило воображение, придавало мыслям дерзкую остроту. Двусветный зал с лепниной и скульптурами в стиле ампир казался мостом, переброшенным из великого прошлого в прекрасное славное завтра.

Здесь были: Камчилов, пятидесятивосьмилетний боевой генерал; Анисин, сорокадевятилетний ученый-историк; Игнатьев, тридцатитрехлетний военный писатель. Президенту недавно стукнуло шестьдесят пять.

В число «своих» пытались проникнуть и политологи, но их президент не жаловал «за фетишизм и фанфаронство».

Сидели за небольшим изящным столом; пили чай из чашек уральского фарфора. Как только стало темнеть и из раскрытых окон повеяло вечерней прохладой, подали горячий, на меду

сбитень.

Президент говорил негромко, с жесткими нотками в голосе.

– На выборах люди криком кричали: дорогие политики, сколько можно нас реформировать?! Двадцать лет реформируемся – Петру Великому такие реформы не снились. За это время целое поколение народилось! А бюрократии, компрадорам реформы во благо: разжирили зверообразно. Пора о стране нашей подумать: детям, внукам в ней жить... Уже сейчас на политическую арену выходят новые, молодые силы. Они заявляют: поколение пораженцев – в отставку! Россия должна быть великой! Цель понятная. Должно указать пути к ней – сформулировать основополагающую идею. Наша судьба высока. Приступим к делу серьезно.

Заговорил историк Анисин.

– Новое собрание Россией земель для возврата к старым границам есть и наша национальная идея, и концентрированное выражение «русской мечты». Китайцы полтора века бились, но вырвали Гонконг из лап англичан. А мы от Крыма с Севастополем отrekliсь, как Гришка Отрепьев от греческой веры!

Президент откинулся на спинку обитого бархатом кресла, подпер рукою тяжелую голову. Другая его рука медленно вращала вырезанную из кости статуэтку индийского воина на слоне.

Анисин продолжал:

– Для решения этих грандиозных задач требуются нестандартные подходы... Россия должна вернуться к монархической форме правления.

Президент отставил статуэтку, выпрямился в кресле.

– Гм... Интересно!

– Когда у нас будет избранный Собором монарх... – Анисин кашлянул, вытер лоб и губы платком. – Царь, единодержец – как вам угодно, – именно он в глазах народа явится олицетворением высшей нравственной силы – силы, могущей призвать к ответу предателей, мздоимцев, преступников, святотатцев. Такой силы нет в руках президента: он избирается на краткий срок, а страна наша огромна. Государь же должен избираться лучшими людьми Земли Русской пожизненно; он должен иметь в губерниях своих представителей с особыми полномочиями... Только так мы найдем управу на кровопийц-бюрократов!

– Это что же, опричнина? – с усмешкой спросил президент. –

А ну как царевы слуги начнут лихоимствовать?

– Монарх может быть переизбран! Чтобы сохранять с почетом престол, он должен все усилия направлять на укрепление нравственных начал. Любое потворство злу будет пагубно для царя.

– Необходим переход к иному образу нашего государства, – Анисина поддержал густым басом генерал Камчилов. – Россия до сих пор воспринимается как вотчина перекарсившихся партийных и комсомольских функционеров. Возвращение «белого царя» несет в себе огромное объединяющее начало. Для нового собирания земель нужны новые правители и вожди. Для национальных элит на постимперском пространстве царь – носитель священной власти, которой они, элиты, издревле подчинялись. А президента России они признают лишь первым среди равных.

– Кем будут представлены основные ветви государственной власти?

– Президентский пост упраздняется. Во главе правительства – председатель Совета министров. Госдума формируется из определенного числа делегированных в нее депутатов региональных парламентов. Они хорошо знают обстановку в стране и должны работать в постоянных комитетах Госдумы. Сенат упраздняется. Наиболее значимые законопроекты вносятся на Собор, собираемый ежегодно из лучших людей регионов.

– Та-а-к! – президент пристукнул по столешнице ребром ладони. – Все это, как говорят незалежные паны-братья, трэба разжуваты. Ладно, посмотрим... Значит, даешь собирание искомных земель?

– Конечно! – подхватил повеселевший Анисин. – Но процесс этот длительный, займет не один год.

– То-то, – наставительно произнес президент. – А нам надо, чтобы процесс этот сделался необратимым. И потому как хлеб, как воздух сейчас нужны внешнеполитические успехи! Народу обрыдли поражения и нытье.

– На этот счет мы также можем кое-что предложить, – не опуская внимательных темных глаз, сказал военный писатель Игнатъев.

– Что ж, охотно послушаем тебя, Константин, – отозвался президент. А сам подумал: «Ну, сейчас Костя отмочит такое... Еще на выборах стало ясно: он на придумки мастак».

– Не секрет, – заговорил с молодым апломбом Игнатъев, – что элита наша пребывает с ощущением многих комплексов. Один из них кроется в осознании того, что мы не выдержали противостояния с американцами. В Соединенных Штатах каждый год дату развала СССР отмечают как свою великую победу в «холодной войне». Зададимся, однако, вопросом: что есть «холодная война»? Это не есть военное противоборство армий на поле боя, не есть напряжение сил народа в тылу. Понятно, что «холодная война» – это понятие виртуальное, устрашающее воображение лишь возможностью скорого начала смертоубийства. В чем же тогда американцы проявили свое геройство, военную доблесть? Спросите любого русского: боится он крутого, агрессивного американца? Считает американцев победителями в войне с русскими? Или так: воевали мы с ними вообще? Ответ будет коротким – плюнуть и растереть!

Не понимая, к чему клонит писатель, президент вновь взялся за костяную фигурку.

– А коли так, – продолжал Игнатъев, – пришлось так называемым победителям утверждать свою «победу» на киноэкране. Тут уж их киноимперия развернулась во всю свою мощь! Где только голливудские супермены не били нашего брата: и на земле, и на море, и в воздухе.

– А мы? – с широкой улыбкой спросил президент.

– В кино – нет. В небе Кореи, Вьетнама – да! – Голос Игнатъева взволнованно зазвенел. – Истинно великие нации гнушаются приписывать себе несуществующие заслуги. А американцы так рассудили: коль нет побед, их надо придумать.

– Понятно. Они это придумали. А мы что же? – Перебил президент.

– А нам следует сказать так, – еле сдерживая азартный блеск глаз, проговорил Игнатъев, – ну-с, господа воинственные американцы, мы, русские, готовы откликнуться на ваши заветные чаяния. Схлестнемся как в старину – стенка на стенку!

– Как это? – заражаясь азартом собеседника, спросил президент. – Нешто на кулачках с ними биться? Поединщиков выставить?

– Сражаться! – твердо ответил Игнатъев. – Но без пролития крови.

– Военная игра?

– Да, игра. Но не на картах! У нас разработаны правила

условного боя, когда войска противников могут состязаться в обстановке, максимально приближенной к боевой. Победителем становится тот, кто переиграет соперника тактически.

– И только? – президент высоко поднял брови. – А как в такой игре учесть уровень боевого мастерства солдат, офицеров?

– Это будет определяться путем испытаний отдельных подразделений и бойцов по стрельбе, рукопашному бою и так далее. Испытания выборочные, по жребию. По результатам испытаний высчитываются коэффициенты, которые учитываются в дальнейшем ходе игры.

– Где же тут военная доблесть? – пылливо прищурясь, спросил президент. Сам подумал: «Неплохая придумка. Пора чванливым ковбоям всыпать как следует!»

– Значит, победитель будет определяться по баллам? Как в боксе, что ли?

– Главное – тактически переиграть супостатов. Довольно им в кино изображать непобедимых воителей! Поглядим, каковы они в поле. Надо выставить тысячу лучших солдат, с полсотни наиболее грамотных офицеров. Схлестнемся так – полк на полк!

– В одном американском батальоне тысяча человек, – вмешался генерал Камчилов.

– Да, да, – поспешно согласился Игнатьев, – нехай повоюют батальон с батальоном. А как побьем охальников, народ поверит, что мы не ногою сморкаемся.

– Ладно, – пряча улыбку, президент встал, прошелся по залу. – Ваши предложения следует изучить. Относительно монархии мнение большинства граждан вовсе не благостное. Касательно показательного боя с американцами... Вы, генерал, немедленно займитесь детальной проработкой вопроса. Тщательная подготовка – залог успеха! После этого начнем зондировать почву для переговоров с вашингтонской ратью.

3

«Свои» догадывались, что президенту понравились их идеи. Президент любил разумный риск и не упускал случая, когда можно было превзойти, подкузьмить «заокеанского брата».

Две недели спустя генерал Камчилов докладывал президенту о подготовительных мероприятиях.

По документам было отобрано две тысячи лучших солдат,

сержантов, прапорщиков и офицеров Российской армии. После недельных сборов на специальной базе Минобороны отселили восемьсот и для участия в показательном бое утвердили тысячу сто лиц рядового и сержантского состава, сто офицеров – спецназовцев, десантников ВДВ и морских, пограничников, гвардейских артиллеристов, а также казаков из казачьей десантно-штурмовой бригады. Президент ознакомился со списком офицеров, которым надлежало доверить командование батальоном, ротами и батареями; изучил проект соглашения о проведении условного боя и примерные правила его проведения; внес кое-какие поправки – и дал добро на контакты с американцами относительно условий «дуэли».

Генерал Камчилов приступил к делу, воспользовавшись прибитием в Москву американской военной миссии. Главу миссии генерал-лейтенанта Томаса он знал еще со времен югославского кризиса 1999 года.

Томас живо заинтересовался русским проектом и сообщил о нем в Вашингтон. Уже на другой день генерал разговаривал по телефону с президентом Соединенных Штатов. Поначалу тон президента был весьма благожелательным.

– Русские подкинули нам заманчивую идею. Что вы об этом думаете, генерал?

– Идея весьма заманчива, это правда. Но неудача этого дела грозит уничтожить результаты нашей победы в «холодной войне».

– Вы имеете в виду моральный аспект?

– Именно так.

– О какой неудаче вы говорите? Вас вновь обуял страх перед советской военной угрозой? Так знайте: Советского Союза давно уже нет! Не для того наши налогоплательщики содержат лучшую в мире армию, чтобы она в решительный момент спасовала перед сборищем оборванцев. Передо мной данные Оборонного разведывательного управления, совпадающие с оценками ЦРУ. Состояние сухопутных сил русских куда как плачевно! Они давно пожрали остатки ресурсов, унаследованных от советской империи.

– Но в последнее время русские занялись укреплением армии...

– Попытка оживить мертвеца. Их потуги не вызывают ничего, кроме презрения.

Президент, задохнувшись, выдержал паузу, Томас слышал, как он, недовольно сопя, перебирает бумаги.

– Наш отказ от проведения показательного боя может быть расценен как слабость. Ваша задача – договориться о наиболее приемлемых условия состязания. Русские должны горько пожалеть, что сама мысль о ристалище пришла в их неразумные головы. Их мнимая военная доблесть разлетится как мыльный пузырь! Все. Директивы вы скоро получите. И да поможет вам Бог!

4

Российско-американские переговоры проходили без огласки и длились два дня. Томас проявил капризную неуступчивость, Камчилов – железную хватку.

Вначале хитрый афроамериканец заявил, что местом переговоров должен быть Вашингтон. Камчилов возразил: идея проекта принадлежит российской стороне, стало быть, переговоры должно вести в российской столице. После сорокаминутного перерыва американцы объявили о своем «согласии на Москву».

Рассмотрели правила игры без серьезных разногласий, силы и средства сторон. Решено было, что в игре примут участие десантники ВДВ и морские, мотострелки, спецназовцы – все в равном числе; по одной артиллерийской и минометной батареям, по четыре бронетранспортера. Один из американцев в чине полковника авиации нарочито учтиво спросил:

– Русские коллеги не настаивают на привлечении к игре авиации? Мы понимаем: игра будет проходить далеко от ваших границ, а у вас есть проблемы с горючим...

– Мы не будем на этом настаивать, – с расстановкой, позволяющей максимально точно воспроизвести перевод, проговорил генерал Камчилов. – Вам должно быть известно, что за последние пять лет российские и американские летчики встречались в одиннадцати условных воздушных боях. Российские асы со счетом одиннадцать – ноль пока впереди. Итак, в отношении авиации у нас полная ясность!

Американцы взяли новый тайм-аут; за стол переговоров они вернулись без не в меру ретивого полковника. В отсутствие заокеанских коллег русские закурили. Камчилов долго щелкал зажигалкой; сказал раздраженно:

– Ведь направляли в правительство предложение о создании особой компании, которая должна снабжать военную авиацию горючим по его себестоимости! На нефти ж...ой сидим... Так прилипли – без мяса не оторвать! А летать – пожалуйста: на ослиной моче. У, срамота!

Вернувшийся к переговорам Томас без обвиняков заявил, что предлагаемое русской стороной число участвующих в игре офицеров для него неприемлемо.

– Мы предлагаем – восемьдесят. Сколько же вы хотите? – Спросил Камчилов.

– Пятьдесят!

– Чего они так уперлись? – шепотом спросил генерала Игнатьев.

– Им хорошо известны боевые качества наших младших офицеров, – ответил Камчилов. – Боятся – значит, уважают!

После длительных препирательств сошлись на компромиссном числе – шестьдесят пять человек. Томас сказал озабоченным тоном:

– Необходимо также определить количество женщин в общем числе военнослужащих, участвующих в игре.

– Сколько их у вас? – не моргнув глазом, спросил Камчилов.

– Пять.

– Прибавьте этих пятерых к тысяче ваших бойцов.

– Предупреждаю, генерал: они числятся в составе спецназа.

– Пусть хоть в «морских котиках». Мы согласны!

– А на вашей стороне будут женщины, генерал, – с любопытством спросил Томас.

– Одну возьмем, пожалуй.

– Кто же она?

– Лейтенант медицинской службы.

Перешли к обсуждению состава посредников, на которых, в конечном счете, возлагалась роль арбитров игры. Русские предложили привлечь к игре посредников от пяти крупнейших военных держав: Франции, Германии, Великобритании, Индии и Китая. Американцы, ссылаясь на «историческую вину Германии в развязывании двух мировых войн», предложили «заменить Германию на Италию». Переждав всплеск эмоций, Камчилов сказал:

– Италия была главным союзником Германии во второй мировой войне. Не видим логики!

Американцы для порядка еще поломались (кое-кто заикнулся было и о японцах, но вовремя прикусил язык), но, в конце концов, приняли русское предложение о посредниках.

Обсуждая место будущего «ристаллица», договорились, что им должен стать остров в Тихом океане между сороковой и пятидесятой параллелями. Решили в присутствии главных посредников тянуть жребий: чей остров – российский или американский – задействовать для игры. (Впоследствии эта процедура была проведена; случай благоприятствовал американцам.) Условились также о порядке взаимодействия с прессой – дабы результаты показательного боя, как бы он не закончился, не остались «за кадром».

На другой день, после подписания взаимного соглашения, русские дали в честь американцев обед, и два трехзвездных генерала – от рождения смуглый от донского загара и чернокожий – выпили «за содружество».

Глава II

*Безверное войско учить –
что пережженное железо точить.*
А. В. Суворов

*В деле законном есть сила особенная,
непонятная и страшная для беззакония.*
Н.М.Карамзин

1

На подготовку к военному состязанию американцы запросили тридцать пять дней. Готовились основательно, не жалея сил и, главное, средств.

Информация о предстоящей баталии просочилась в американскую прессу. Поднялся превеликий гвалт. Посыпались проклятия «имперским рецидивам Москвы», зазвучали виваты в адрес «бравых американских парней». Телеведущие изощрялись в освещении бесчисленных пороков «нецивилизованных русских». Одна кинозвезда во время очередной фотосессии заявила, что намерена лететь «к неизвестному острову» на спортивном самолете – «бомбить русских варваров» упаковка-

ми с дешевым шампунем. Всемирно известный рок-музыкант сообщил, что намерен подарить американским и русским солдатам «голубое знамя всемирной любви: оно и только оно способно объединить всех и каждого». Журналисты не знали главного – где и когда? Команда генерала Томаса стойко хранила главный секрет.

Русские тоже времени зря не теряли. Провели командно-штабную игру; подразделения «обкатывались» на местности, напоминающей ландшафт американского острова. «Главное – добиться слаженных действий всех и каждого, – не уставал твердить командир батальона полковник Бродников. – Тяжело в учении – легко в бою!»

Бродников имел славное военное прошлое. Во вторую чеченскую кампанию он командовал батальоном, воевал почти без потерь. В тридцать семь лет окончил Академию Генерального штаба. Коренастый, подвижный, Бродников был очень спортивным: «солнышко» на турнике крутил так, что у всех рябило в глазах.

Игнатьев был назначен заместителем комбата по воспитательной работе; общий язык с Бродниковым он нашел быстро.

Как-то за ужином Бродников долго молчал; потом, без вступлений, заговорил о сокровенном.

– Помнишь, Константин Алексеевич, какой славой обладала «несокрушимая и легендарная»? А каким был тогда престиж офицера? Эх, увидеть бы вновь те благословенные времена! Будет на нашей улице праздник, как думаешь, комиссар?

– Думаю, когда-нибудь будет, – густо улыбаясь, ответил Игнатьев. – Ты сам не хуже меня это знаешь.

– Я даже скажу, когда это случится, – проговорил комбат, упирая на слово «когда».

– Интересно!..

– Помнишь наше детство золотое: чем тогда увлекались мы, пацаны?

– Как же! Летом – пляж, футбол. Зимой – хоккеем до изнеможения. Занятия в школе отменяют из-за лютых морозов, а мы во дворе шайбу гоняем – хоть бы хны.

– А еще? – Бродников нетерпеливо тряхнул русой челкой. – В войну мы играли, в войну! Подъезд на подъезд, двор на двор. Тут тебе и «неуловимые», и дружинники Ярославича, и индейцы. То сабли, то луки, то арбалеты, а бывало, и поджиг... «Выходи,

Юрка, во двор: зарубу устроим!» – вот оно, взросление и мужание будущих защитников Родины! А после фильма «Офицеры», на который я ходил раз пятнадцать, будущее мое окончательно определилось.

– Да, дворовые игры в войну нынче редко увидишь... – раздумчиво молвил Игнатъев.

– Вот когда ребята снова будут играть в военные игры, можно будет твердо сказать: стоит Россия!

– Все так, – согласился Игнатъев, – Нужен только пример.

Игнатъев постарался довести до каждого значение предстоящего условного боя. Затем был устроен киносеанс с демонстрацией отрывков из американских боевиков и отечественных документальных фильмов.

Солдаты русские увидели себя в исполнении заокеанских актеров. Полудебилы в измызганной аляповато-опереточной форме бесчинствовали в захваченных американских городах и селениях – подобно азиатской орде убивали, грабили, жгли... Они лишили статую Свободы ее демократических атрибутов, а взамен всучили серп и молот, том чуждой Конституции; на голову натянули буденовку. Затем оккупировали кафе и закусочные, принялись безденежно поглощать виски, пиво и гамбургеры. Сальные руки вытирались о голенища кирзовых сапог и галстуки официантов. На кондиционерах сушили портянки.

Против разнузданных варваров ополчились супермены с торсами Минотавров; беспощадные амазонки, умеющие водить как джип, так и тяжелый бомбардировщик, а также угонять русские танки; сексуально задвинутые эммануэли, которым не хватило униформы, и они сражались в купальных костюмах, в макияже и с нарощенными ногтями. Супермены «мочили» оккупантов из станковых пулеметов, легко удерживая «стволы» наперевес одной рукой; амазонки действовали в воздухе, на воде, под землей, выкашивали целые батальоны; пышногрудые эммануэли валили громил-десантников, пробивая их бычьи лбы острыми шпильками своих роскошных ботфортов. Эпохальная битва с воплощениями зла и порока рождала сонмы героев. Внук бессмертного Рэмбо истреблял скифов в полный рост сразу из двух пулеметов; когда иссякли патроны, молодой мститель не растерялся – схватил индейский лук и тремя стрелами метко поразил три вражеских цели: вертолет, самолет-невидимку и, наконец, подводную лодку... Лишь НАПУ AND оборвал картины возмездия.

А вот и американская киноверсия Сталинграда. Красные комиссары гонят почти безоружные батальоны в атаку, безжалостно пристреливают отстающих бойцов из чудовищно больших пистолетов. В животном страхе перед лютыми политкомиссарами забитое красноармейское быдло бежит навстречу откормленным зубоскалящим фрицам, опрокидывает их и в панике преследует от Волги до самого «логова».

Не так-то было со служивыми цивилизованного сообщества. Не успело англо-американское воинство высадиться на побережье Нормандии, как перед командованием союзных сил встала главная проблема кампании: как уберечь, как спасти бесценную жизнь рядового Райна? Все до одного хорошо понимали: не станет означенного рядового – результаты всей операции пойдут насмарку... Пусть где-нибудь сложит безвестную голову русский, серб, поляк, индус или канадец, – лишь бы рядовой Райн подобру-поздорову убрался за океан! За судьбу рядового болела голова не только у генерала Эйзенхауэра – сам президент Рузвельт отсчитывал сердечные капли, ожидая известий у телефона.

Достославный драп Райна с фронта прикрывала вооруженная до зубов полурота. Надо было остановить немецкий танк, который нахально увязался за Райном, чтобы проводить бесталанного парня к Ла-Маншу. Битый час полурота ратоборствовала супротив стального чудовища и, наконец, с помощью авиации, подбила-таки треклятого монстра.

Память о Райне оказалась воистину неистребимой. Как только в декабре сорок четвертого в Арденнах на позиции «бравых парней» двинулись не один, а поболее немецких танков, всей Первой американской армии вдруг очень захотелось отчалить вслед за счастливчиком Райном. Многие тысячи американцев встали на «тропу Райна», побежали к Ла-Маншу, бросив тяжелую технику и вооружение. Помешал этому Черчилль: его мольба дошла до ушей «нецивилизованных русских», и они, спасая союзников, сокрушили всех бронтозавров с крестами, взяли самое «логово зверя». В благодарность за это Черчилль, а затем Ален Даллес принялись наставлять Райна и других «бравых парней», как надобно действовать, чтобы покончить со строптивой непокорной Россией...

После сеанса была дискуссия. Седой, как лунь, ветеран Сталинграда, багровея, хрипел:

– Ты погляди!.. Покуда кровью мы умывались, они за морями мощну набивали. К нам «студебеккеры» гнали – откупались, значит. А ну как сейчас «студебеккеров» понаделать да им послать: забирайте назад! А нам солдат наших верните, что вместо вас под германские танки легли. Дезертиры! – Утер глаза, вскинул голову – всклокоченный, злой: – Эх, кабы знать наперед, что они за люди, что у них за Америка... Мы бы не встали на Эльбе, нет. В Ла-Манш бы загнали бахвалов– чтоб помнили крепко! Союзнички... Нет, сынки, мы не так воевали! Не из страха перед политруками мы бились с врагом. Это все американские поганцы придумали... Не верьте, сынки!

Зал гудел как борть растревоженных пчел.

– Ишь, каналы, чего про нас наплели!

– Еще потягаемся – кто сколь каши съел.

– Они культурные дюже: кашу не жрут. На гамбургерах разъелись!

– Стало быть, нелюди мы – вроде гобленов или циклопов.

– Так об этом и Гитлер хайлал! Они, дескать, соль земли, мы – навоз.

– Значит, они – «золотой миллиард»? Значит, неймется? Ну-ну. Побачим!

Игнатьев добился главного: подразделения готовились к «баталии» с азартом, самозабвенно. Для «углубления воспитательного процесса» не потребовалось ни пламенных речей, ни душещипательных наставлений.

Возле настенного стенда с портретами воинов-героев сошлись спецназовец Беслан и казачий урядник Данил с казаками своего отделения.

– Глянь, Жора, вот то человечие: восемнадцать штыковых ран получил от французов – и выжил! Наполеон специальным приказом этого гренадера Коренного своему войску поставил в пример...

– Эй, Данил, слушай сюда! Цитирую: «Бронебойщик Федор Старцев двенадцатого января сорок третьего года в бою у города Каменска Ростовской области из противотанкового ружья сжег и подбил одиннадцать немецких танков, а вскоре, в следующем бою – еще четыре». Это как, а?

– А тут, смотрите, братья: «Боец Брянского фронта Василий Пучин за несколько месяцев тысяча девятьсот сорок первого года гранатами и зажигательными бутылками вывел из строя

тридцать семь танков противника. Василий Пучин написал специальную брошюру по боевой подготовке бойцов истребительных подразделений...»

– Знай наших!

– Американцы, как думаешь, сожгли хоть один немецкий танк бутылкой с «коктейлем»? Или, к примеру, гранатой? – Спросил спецназовец Беслан друга Данила.

– Не буду врать, братья! Не слыхал о таком.

– И они не слыхали...

– Погодь малость, скоро услышат!

...Перед отправкой на дело для воинов в храме Христа Спасителя отслужили молебен. Ладанный дым окутывал большие и малые звезды погон, возносился под церковные купола. Мраморные доски на стенах напоминали имена героев, места жарких и славных битв. Подобно могучим пращурам, священники, солдаты и офицеры молились пред святыми иконами о даровании русскому оружию новой победы.

2

К острову Дымный (так в русском переводе звучало название затерянной в Тихом океане полоски земли длиной двенадцать, шириной три-пять километров) войска сторон были стянуты к началу третьей декады августа. Личный состав, вооружение и воинское имущество перебрасывались на больших десантных кораблях; их сопровождали: с российской стороны крейсер с эсминцем, с американской – пять боевых кораблей разных классов. В квадратах, прилегающих к острову, рыскали американское авианосное соединение и отряд китайских ВМС. О присутствии подводных лодок догадаться было нетрудно.

Секунданты сторон – генералы Камчилов и Томас – находились на флагманских кораблях флотских группировок, все посредники и журналисты – на индийском большом противолодочном корабле, бросившем якорь в удобной юго-восточной бухте. Российские корабли группировались у южной, американские – у северной оконечности острова.

Двадцать первого августа происходила выгрузка вооружения и имущества, двадцать второго на остров высадились оба батальона в полных составах. Трехкилометровый фронт протянулся поперек острова от западного побережья до юго-восточ-

ной бухты. Южная (российская) половина составляла в глубину четыре с половиною километра; северная (американская) – больше семи.

Километрах в двух за центром русских позиций громоздилась большая высота; она вполне могла стать ключом обороны. Левый фланг опирался на гряду малых высот. На правом фланге лежала плоская равнина, перерезанная поперек неглубоким оврагом. Большой овраг тянулся перед центром американских позиций. Правый их фланг был отделен от центра небольшою рекой. Перед малыми высотами река делала крутой поворот и впадала в океан на западном побережье. Почти сразу за речной излучиной и большим оврагом начинались лощины и лес, тянувшийся до северной оконечности острова. Лес прекрасно скрывал передвижения американцев на всю глубину их расположения. На русской стороне был небольшой лесок между большой высотой и морем.

На время проведения состязаний солдаты и офицеры противоборствующих батальонов лишались всех видов связи, кроме ограниченного числа военных радиостанций. (Сотовая связь была подавлена путем использования специальных приборов, состоящих на вооружении ракетчиков). Радиостанции были у посредников; у секундантов они могли работать лишь на прием. Плотная облачность не позволяла наблюдать за островом с воздуха и из космоса. Полеты авиации запрещались до дня окончания состязаний (двадцать пятого августа). Исключение делалось для посредников, в распоряжении которых было два вертолета.

Американцы, привыкшие воевать с размахом, вывалили с кораблей столько добра, что его с лихвой хватило бы для обеспечения российской дивизии. Контейнеры с холостыми боеприпасами, запчастями, специальным инструментом, стройматериалами для оборудования оборонительных сооружений, тюки с теплыми вещами, запасной амуницией, коробки с медикаментами, продовольствием, цистерны с водой – все это, как вершину египетской пирамиды, придавил многопудовый груз с гигиеническими прокладками и туалетной бумагой.

После выгрузки «необходимого минимума материальных ресурсов» командование американского батальона предприняло мозговой штурм, решая, как доставить все это к линии фронта? Автотранспорт соглашением о проведении состязаний не предусматривался, и brave парни, костеря генерала Томаса, пово-

локли тяжелое барахло на себе...

Русские справились с выгрузкой вдвое быстрее. «Наш обычай таков: как встал, так готов! – комбат Бродников не уставал повторять афоризмы любимого полководца. – Солдат на войне должен быть освобожден от всех тягот. Его дело – сражаться и побеждать!»

Впрочем, рытье окопов Бродников считал прелюдией всякой баталии. За это дело русские принялись с энергией, достойной времен севастопольской эпопеи. И двадцать второго, и двадцать третьего августа на русских позициях земля бойко летела с лопат. Перед носом американцев обозначились несколько опорных пунктов противника, а то, что сооружалось им на высотах и в глубине обороны, было начисто скрыто от глаз.

И вот нашли для боя остров,
Построили редут, –
перефразируя поручика Лермонтова, напевали десантники.
Острословы-казаки подхватывали задорно:

У наших ушки на макушке:

Где надо дзот, где надо – пушки;

Они не подведут!

Попрут шварцнеггеры-братушки,

На нас наставив финтифлюшки, –

Каюк им будет тут!

Двадцать третьего августа по вводным проводились артиллерийские стрельбы, оценивалась выучка экипажей БТР, боевая подготовка небольших подразделений и отдельных бойцов. Российские артиллеристы и минометчики получили высшие баллы; легендарный «калаш» в умелых руках десантников и казаков не подвел никого. Чуть хуже сработали пулеметчики: английский посредник при одинаковых результатах отдал «пальму первенства» американцам.

Российский бронетранспортер доставил к месту ристалища полевую кухню; свободные от состязаний бойцы принялись за обед. Американцы, пробавлявшиеся безвкусными рационами, принюхивались к аппетитному запаху каши, то и дело сглатывали слюну. Герой иракской кампании полковник Миллер в преддверии решающей схватки с русскими постарался предусмотреть все, только забыл как следует накормить...

Американцы с любопытством глазели на вооружение и экипировку русских парней.

– Смотри, Хью, эти ребята неплохо владеют рулем. Бронетранспортер под ними бегаёт, как мустанг.

– Не только бегаёт, но и прыгает и ещё виляет, как уж! – откликнулся на слова рядового Билла морской пехотинец Хью. Он закончил ковырянье в зубах; отбросив зубочистку, добавил негромко: – Униформа у них – блеск. Профессионалу не стыдно такую надеть!

– Что-то не очень они похожи на тех ублюдков, которых я видел в боевиках, – проворчал Билл. – Что ты об этом думаешь, Хью?

– Ловить рыбу в аквариуме слишком просто, – философски заметил морской пехотинец, – вот нас и послали подергать акулу за жабры.

– Хотел бы я знать, сколько этим русским платят за службу... – задумчиво проговорил рассудительный Билл.

Разговор их сам собою угас. Солдаты разглядывали в бинокли русский бивак и голого по пояс десантника, который как ни в чем ни бывало «крестился» двухпудовою гирей.

3

Чем ближе подходил срок начала военной игры, тем беспокойнее билось сердце генерала Томаса. Предстоящая баталия уже казалась ему авантюрой, которой во что бы то ни стало следовало избежать. То, что русские основательно подготовились к состязаниям, было еще половиной беды. Главная опасность, по мнению генерала, крылась в порочных взглядах командования американского сводного батальона.

Командир батальона полковник Миллер отличился во время второй иракской войны. Батальон Миллера двигался в авангарде наступающей американской дивизии. Боевой дозор заметил в стороне от дороги несколько брошенных иракских танков. (Скорее всего, экипажи оставили их из-за поломок.) Миллер приказал своему лучшему танковому взводу «расстрелять и поджечь» эти танки противника, что и было исполнено. (Впоследствии Миллер объяснял, что это потребовалось «для профилактики»: за брошенной иракской бронетехникой могли-де маскироваться вражеские истребители танков.) Завидев столбы дыма над горящими танками, Миллер горделиво доложил командованию, что на марше был атакован иракскими танками силами до бата-

льона; во время короткого боя уничтожил десяток танков противника; американцы потерь не имели и стремительно преследуют отступающих в панике азиатов.

В других сражениях с врагами Америки Миллеру участвовать не пришлось, но за поверхность над «иракским танковым батальоном» он был удостоен высокой награды. Все было бы ничего, но новоиспеченного кавалера разоблачил перед начальством один из его подчиненных, которого по какой-то причине обошли с награждением.

Скандала не вышло, дело быстро замяли: у Миллера была «лапа» в «верхах». Однако перспектива производства в бригадные генералы отодвинулась в туманное завтра, и это угнетало амбициозного офицера. По-ковбойски самоуверенный и заносчивый, Миллер полагал, что он достоин не одной, а как минимум четырех генеральских звезд! Недаром кумиром Миллера стал генерал Джордж Смит Паттон – бессмертный герой, которому в Америке подражали с самого детства. Подобно Паттону, Миллер не снимал с головы тяжелую каску и всем своим видом демонстрировал презрение к любому противнику.

За мужественную задиристость Миллеру благоволили другие «ковбои» из высших военных кругов. «Знаешь, Джо, в чем ты несправедлив к этому парню? – завел как-то с Томасом разговор о Миллере министр обороны, – Ты никак не можешь простить ему тот смешной случай в Ираке, не так ли? А он, этот полковник, просто грезит войной! Он рвется в бой: бой, беспощадный и восхитительный, заполонил его воинственную фантазию. Миллер еще себя покажет!.. Скажи, Джо, что в этом плохого?»

Томас не считал нужным спорить с шефом из-за какого-то Миллера. В душе он был тверд в своем мнении: ему, как профессионалу, претило, когда офицер приписывал себе несуществующие боевые заслуги. Понятно, назначение Миллера командиром сводного батальона в предстоящей военной игре неприятно удивило опытного генерала. А вскоре недоумевать пришлось куда больше.

Томас полагал, что для достижения победы в военной игре достаточно добиться частного тактического успеха – отсечь слишком удаленный левый фланг русских в районе малых высот, а основные их силы прижать к большой высоте. В случае превентивного наступления неприятеля можно было успешно обороняться, прикрывшись рекой и оврагом. Игру планировали закон-

чить двадцать пятого августа, и даже небольшой тактический перевес, достигнутый до этого срока, гарантировал победный вердикт арбитров.

Несостоявшийся бригадный генерал Миллер имел дерзость не согласиться с доводами генерал-лейтенанта Томаса. «Мы будем наступать двумя ударными группами против выступающего в нашу сторону центра русских, – заявил «ковбой» утром двадцать второго. – Мы окружим часть сил противника в центре и на плечах отступающих ворвемся на главную высоту – Малахов курган, как они его именуют. После этого фланговым подразделениям русских не останется другого выбора, как также капитулировать!»

Напрасно Томас убеждал Миллера в невыполнимости столь амбициозной задачи в условиях равенства сил, – кандидат в бригадные генералы алкал лавров за «русские Канны». Хуже всего было то, что командир сводного батальона имел неотъемлемое право на принятие окончательного решения. Двадцать третьего встревоженный Томас позвонил президенту. Выслушав генерала, президент не на шутку взъерился.

– Я не забыл, как вы настаивали на том, чтобы не использовать в игре новейшую военную технику – из опасения перед русскими вертолетами, так называемыми «акулами», танками Т-90, боевыми машинами пехоты третьего поколения. Помните, Томас? Мы тогда согласились с вашими доводами, а ведь они не беспорны! Мы могли переиграть русских технически, а это прямо ведет к тактической победе в условиях современной войны. Вы, Томас, настояли обеспечить батальон техникой и вооружением начала девяностых годов – все ради «уравнивания шансов» и обеспечения, таким образом, тактической победы в игре. Так добейтесь ее, Томас! Устройте хорошую трепку этим троглодитам, этим последышам «холодной войны»! Поставьте их на место – этого ждет от вас весь цивилизованный мир. Я верю в наших парней! А до ваших разногласий с Миллером мне нет никакого дела...

Разговор прервался, но Томасу все было ясно. В отличие от российского президента, который успехом в игре хотел положить «прекрасное начало» правления и задуманного переустройства страны, главе Соединенных Штатов хотелось, чтобы в конце анналов о его президентстве было начертано не безликое многоточие, а красовался бы жирный восклицательный знак.

Томас срочно связался с министром обороны и попросил заменить его, как секунданта в игре, другим генералом. Министр с готовностью согласился. Вместо Томаса назначили генерал-майора Хока, но тот не смог прибыть к острову с Аляски из-за нелетной погоды. Томасу предстояло нести свой крест до конца.

4

Посредники взяли за правило собираться по вечерам в просторной кают-компании индийского военного корабля. Отдавая дань напиткам, сигарам, вели неторопливые разговоры о предстоящем противоборстве американцев и русских.

Самым общительным был французский полковник Демишель: он то и дело втягивал в дискуссии индийского и китайского полковников; немецкий генерал-майор Клиндер, игравший роль старшины в вопросах сохранения правил дипломатического этикета, и британский бригадный генерал Вильсон нечасто удостаивали младших по званию и возрасту коллег участием в их вольных беседах.

Двадцать третьего августа за ужином полковник Демишель, вздыхая, сказал:

– Подумать только! Еще недавно мы всерьез полагали, что русская армия, как организованная сила, более не существует. Что же мы видим сейчас? Их военная машина, будто воспрянув из пепла, бросает вызов сильнейшей армии мира. Что вы об этом думаете, господа?

– Полагаю, этот их вызов – шаг весьма опрометчивый, – желчно проговорил генерал Вильсон.

Индус и китаец как по команде подняли головы. Они не ожидали от доселе невозмутимого англичанина такого активного вклинивания в разговор.

Вильсон не любил американцев. Но еще больше ненавидел он русских, считая их существами низшего порядка, агрессивными варварами. Но эти воззрения Вильсона были мало кому известны.

Круглолицый румяный Демишель радостно потер руки, спросил вкрадчиво:

– Вы хотите сказать, генерал, что в предстоящей игре русским уготовано поражение? Мне казалось, они исполнены желания побороться...

– Русским не приходилось встречаться с американцами на полях битв. Они думают, что этот противник много слабее духом. Русские ошибаются! У американцев огромная воля к победе – железная спортивная воля. К тому же, что особенно важно, они куда расчетливее, организованнее русских. Не надо забывать, что это – игра.

– Но, возможно, непролитие крови в прошлом – благо не только для американцев, но и для русских? – спросил индус.

– Это не совсем так, – вмешался китайский полковник, – Во время войны в Корее против американцев действовал советский авиационный корпус. Тогда в воздушных боях американцы потеряли самолетов втрое больше, чем русские.

Вильсон оттолкнул недопитый чай, уставился на китайца выкаченными как у скворца желтоватым глазом. Сказал хрипло:

– Ваши данные не бесспорны! Я, господа, готов утверждать, что у русских победы случаются лишь тогда, когда они действуют вопреки здравой логике или используют непреодолимые силы природы. Пример тому – полный разгром Великой армии Наполеона в Русской кампании тысяча восемьсот двенадцатого года. Но здесь, на острове, действуют иные факторы. Американцы должны доказать свою лучшую выучку и превосходство тактического мышления, как это приличествует армии цивилизованного государства!

Тирада Вильсона уязвила чувства не только француза, но и китайца с индусом. Англичанин держался так, будто за ним была могущественная, неумолимо-циничная Британская империя. Казалось, он заблудился во времени – «ошибся» в календаре как минимум на полвека. Затянувшееся неловкое молчание нарушил немецкий генерал Клингер.

– К чему этот спор, господа? Завтрашний условный бой все решит. А свое умение предвидеть мы можем выказать иным способом. Заключим пари. Ставлю два против одного, что в предстоящем бою верх будет за русскими!

Никто из офицеров не ожидал ничего подобного от сдержанно-молчаливого немца. Однако после спора с британцем спортивный азарт охватил всех. Подумав, француз и индус высказались в том же духе, что и Клингер; китаец по понятным причинам участия в пари не принял, но вслух выразил уверенность в успехе русского батальона; Вильсон громко объявил, что принимает пари с верой в безоговорочную победу американцев.

Вноль часов двадцать четвертого августа сторонам было объявлено о начале полномасштабной военной игры. Помощники посредников в числе двадцати человек заняли свои места по обе стороны фронта. Пятеро главных арбитров намеревались обозреть ход «баталии» с рассветом на вертолете. В их распоряжении на случай непредвиденных обстоятельств находились четыре взвода индийских морских пехотинцев.

Ночь прошла как будто спокойно. Перед рассветом три американские роты начали выдвижение на рубеж атаки – большой овраг. Четвертая рота (без одного взвода) должна была действовать на правом фланге против русских, закрепившихся на малых высотах. Во второй линии у полковника Миллера было три взвода. Позиции орудий и минометов в глубине обороны прикрывало одно отделение. Таким образом, для удара по центру русского фронта американцы собрали восемьсот человек, сгруппированных в два «кулака»: Миллер был исполнен надежды отрезать и окружить русские подразделения на выдвинутых вперед позициях возле большого оврага.

На рубеж атаки американцы шли тихо, с соблюдением маскировки. В ротах царил спортивный настрой, над головами витал дух бескомпромиссной борьбы.

– Что, Билл, надерем задницы этим русским выскочкам? – уstraиваясь на дне оврага, спросил громким шепотом приятеля морской пехотинец Хью. – Чтоб больше не смели гавкать на славную американскую армию!

Билл не ответил. Его била какая-то непонятная дрожь. Он не был голоден, не замерз, – а дрожь не отпускала, как только начал спускаться в чертов овраг. «Наверное, это нервное», – лязгая зубами, подумал Билл.

Тем временем полковник Миллер до зубовного скрежета сжимал свои тяжелые челюсти от пренеприятнейшего известия. Американское боевое охранение, выдвинутое к оврагу ночью, к утру не досчиталось лейтенанта и рядового. Стало ясно, что русские, получив «языков», знают о планах командования американского батальона, и посредники уже вбросили в их «копилку» «фишки» большого достоинства.

Белый от гнева, Миллер бросился к лесу. На опушке стояли три бронетранспортера. Построив командиров машин, полковник

рыкнул:

– Пулеметы зарядить боевыми!

Все экипажи машин состояли из вояк, побывавших с Миллером в иракской кампании. Сержантам загодя было известно, что полковник тайно провез на остров комплект боевых патронов ко всем пулеметам четырех своих БТР, и если он приказывает зарядить, то, значит, так надо.

Миллер подбежал к головной машине, и тут кто-то ухватил его за рукав. Миллер оглянулся. Начальник штаба батальона подполковник Уик, дергая руку шефа, спросил:

– Что ты задумал, Айк?!

Миллер выдернул руку, ощерился зло:

– Я приказал зарядить пулеметы.

– Это безумие, Айк! – голос подполковника задрожал. – Использовать боевые заряды нельзя. У нас с русскими соглашение!..

Миллер оттолкнул начальника штаба, полез на броню БТР.

– Какое соглашение, Джим? Здесь война! – Посмотрел сверху вниз на растерянного офицера, ткнул пальцем в туман: – Сразу видно, что ты, дружище, не хоккейный болельщик. А я хоккей люблю с детства. Мы сыграем на приверженности русских соблюдать всякие соглашения, правила! Они в этом вопросе чересчур щепетильны. А мы без затей примем ломать их кости, и они дрогнут!.. Вперед! Разбираться потом никто не будет, даже ООН. Хороший индеец – мертвый индеец!

Через десять минут на равнину, еще не совсем очистившуюся от тумана, выкатились американские бронетранспортеры; строя из пулеметов, они двинулись к русским окопам.

Из оврага поднялись пехотные цепи – постреливая, пошли вслед за «броней». Пулеметы непрерывно долбили по брустверам русских траншей. Когда миновали передовые узлы обороны, бронетранспортеры остановились: обескураженная пехота отстала.

Окопы были пусты. Молчал эфир. Русских не было видно. На огонь противника они не отвечали.

Глава III

*Дело мастера боится.
Русская пословица*

*Переход от оборонительного положения
в наступательное – одно из самых
затруднительных действий на войне.
Наполеон Бонапарт*

1

Седьмая казачья рота (четыре взвода общим числом сто двадцать пять человек) обороняла левый фланг батальона. За двое суток казаки отрыли траншеи на северных скатах малых высот, оборудовали пулеметные гнезда. Немецкие посредники на «гут» оценили фортификационную работенку и распределение секторов обстрела.

Ночевали в две смены: одна половина роты бодрствовала, другая почивала «на локотке». Пластуны ходили в разведку – «прощупывали басурманов» на побережье. На КНП роты с группой спецназовцев прибыл замкомбата Игнатьев. В ожидании начала дела офицеры проговорили почти до утра.

– Мы тут, господин подполковник, диспут затеяли, – пояснил Игнатьеву комроты Матвей Зарубин, – за что в мире американцев не любят? Куда ни глянь – на чем свет костерят, флаги полосатые жгут. А мы-то сколько лет на американские коврижки облизывались! В крови у нас, что ли, – обезьянничать, подражать? То французам, то немцам; теперь вот этим Рэмбо и Рокки...

Игнатьев охотно поддержал разговор: тема «диспута» вдохновляла.

– Не любят их? Они сами в том виноваты! Что, при Советах средь нас кто-нибудь американцев ругал? Не-ет, братья, такое было немислимо! Наперебой восхищались: ах, «Бони-М», ах, Мадонна! Себя ругали – за отсталость, за косность, за «железный занавес», будь он неладен... На фильмы ихние, как на священнодействие, шли. Ну, вот, приспело времечко, загасили Советы, прорубили к сэмам «окно». И что увидели? Всех они презирают, но от каждого хотят что-нибудь да иметь. Новые римляне, мать их!.. Только римляне собственным мечом величия

добивались, а эти все засчет чужих мечей и мозгов нороят. В чем их пример? Ни дружить, ни любить, ни гулять! Вот поглядим еще – умеют ли воевать...

– Как же мы обмишурились? – огорченно спросил Данил, богатырского сложения старший урядник. – Такую державу сгубили ни за понюх табаку! Союз ведь был могучим, как дуб.

– На дубе том черви да аспиды корни и ствол источили. Правители наши вдали: «за бугром», дескать, погано, а сами потомство туда возили – восхищаться, внимать. Вспомнить совестно – так задурили народ...

– Вот народ веру и потерял, – подхватил ротный Зарубин. – Рыба-то с головы гниет.

– Нешто кисло нам без чужого ума? – перебил Данил взволнованным басом. – В богатейшей стране живем!

... На КНП прибежали два спецназовца с запиской от начальника штаба батальона Сухих. Ссылаясь на распоряжение комбата, Сухих давал добро есаулу Зарубину «действовать немедленно по основному варианту». Спецназовцы доложили: американцы атакуют центр русских силами до шести рот при поддержке трех БТР; бронемшины ведут интенсивный пулеметный огонь боевыми; комбат Бродников отводит передовые подразделения к ключевой высоте.

– Что ж, есаул, принимай решение! – ободряюще-твердо сказал Игнатъев.- Время не ждет.

Курчавый смуглый Зарубин будто всю жизнь ждал этой минуты: приказания отдавал быстро и четко, глаза горели. Выходя с КНП, сказал зло:

– Значит, их бэтэры боевыми шмаляют? Добро! Еще поглядим, кто кого.

«Основной вариант», наряду с другими сценариями, был проработан штабом заблаговременно, и Зарубин хорошо представлял действия своей роты в условном бою. Годился он и для настоящего боя, который, похоже, завязали нахрапистые «ковбои».

Рота скрытно отошла за гребни высот; затем по пересохшему руслу ручья выдвинулась к излучине речки. Река текла в глубоком, не очень крутом овраге, поросшем мелким кустарником. В авангарде – по руслу и берегам – шел взвод кубанских пластунов и спецназовцы; в центре крепко сбитые, готовые идти напролом донцы; арьергард составлял неполный взвод оренбуржцев.

В колонне шел и германский посредник. Два спецназовца и пять казаков были направлены обратно к Сухих; одно отделение осталось в окопах – имитировать присутствие на малых высотах значительных русских сил.

Над рекою навис непроглядный туман. Шли по руслу, преодолевая течение, местами по горло в воде. Пройдя метров пятьсот, колонна остановилась. Зарубину доложили: «сняты» американские аванпосты, захвачены сержант и трое морских пехотинцев. Краткий допрос ни к чему не привел: выполняя установку командования, пленные как воды в рот набрали. Всех четверых крепко, по-казацки, связали, залепили рты скотчем и поставили в середину колонны. Дальше пошли быстрее. Река мелела, петляла уже среди леса, и Зарубин то и дело останавливался, прислушивался к легкому шуму деревьев, – прикидывал направление движения, высчитывал расстояние.

Далеко за спиной осталась ружейно-пулеметная трескотня. Взводы снова остановились; затем, по команде, все вышли на левый берег реки. Лесною тропой в том же порядке двинулись на восток. Прошли с километр, когда авангард обнаружил дорогу. С двух сторон шумел лес. Зарубин усилил боевые дозоры на флангах, приказал взводным преодолеть открытое пространство быстрым броском.

Продвинулись лесом вдоль дороги, завернувшей на северо-восток. Командующий авангардом хорунжий прислал связного. Тот доложил:

– Господин есаул, вышли к опушке. Впереди поляна, за ней высота. На высоте американцы. Похоже, НП и артбатарей.

Зарубин приказал роте залечь, а сам с Игнатьевым отправился на рекогносцировку. С моря подул свежий ветер, под взмахами которого туман поредел. Зарубин с опушки смотрел в бинокль. Поляна и высота были как на ладони.

– Так я и думал, – весело осклабясь, есаул повернулся к Игнатьеву, – супермены нас здесь не ждут. Возле орудий – пять-шесть человек. Остальные на горушке, пузо чешут.

– Не было бы засады... – Игнатьев с сомнением покачал головой. Тряхнув головой, ударил кулаком по земле: – А все-таки надо брать!

– Надо! – движением руки Зарубин подозвал командиров взводов.

Офицеры неслышно, согнувшись, подошли к есаулу, распо-

ложились в метре от его ног.

– Наш комбат полковник Бродников сумел разгадать замысел супостатов. Азарт их погубит! Увлечлись огульным наступлением, а стык между ротами не прикрыли. Они думали, русский как суслик зароется в землю и будет ждать мордатого дядю в железной каске. На-кось, выкуси! Вот мы – вот они. Пустим им дым из ушей! Дышите глубже, последыши Даллеса!

2

Зарубин прикрыл тыл двумя отделениями и атаковал высоту наличными силами с трех сторон. От леса до подошвы высоты было не более семидесяти метров. Взводы преодолели их одним свирепым броском.

Действительно, здесь американцы русских не ждали. Их артиллерийская и минометная батареи охранялись отделением армейских рейнджеров. Это-то отделение и попыталось сопротивляться – батарейная прислуга попросту разбежалась.

Заокеанские «ниндзя» продержались минуты три; особенно прытких глушили пудовыми казачьими кулаками. Пленных в числе двадцати человек согнали в два щитовых домика, предназначенных для подразделений управления огнем батарей. Среди плененных оказались офицеры, сержанты и четыре женщины.

Женщины были причислены к спецназу, и неожиданное молниеносное пленение повергло их в шок: ошалев, они лягались, царапались, жутко ругались. Особенно бесновалась одна – невысокая, рыжая, конопатая – по-видимому, старшая группы. Она кричала, брызжа слюной:

– Русские ублюдки! Уберите свои грязные лапы! Хотите знать наши военные секреты? Как бы не так! Лучше поцелуйте меня в задницу!

Дюжий спецназовец сноровисто привязал разбушевавшихся амазонок к трубе, служившей вешалкой для карт, схем и одежды. Запястья пленниц скрутили веревкой – они стояли, как бы обнимая трубу, в затылок друг другу. Спецназовец действовал невозмутимо, без слов. Услыхав ругань рыжеволосой, он твердыми, как железо, пальцами вцепился ей в штанину, рванул – обнажилась тощая ягодица. С каменным лицом неумолимый мститель снял поясной ремень, трижды с оттяжкой «приголубил» вихляющий приседающий зад.

– Это наш русский поцелуй, мэм! – пояснил он по-английски.
– Как раз в то место, куда вы просили!

Американки как по команде перестали вопить, с ужасом уставились на ввалившихся в домик суровых усатых донцов. Следом за казаками вошел Игнатъев, спросил:

– Что происходит?

– Провожу воспитательную работу, – спецназовец без суеты застегнул ремень, ухмыльнулся, – внедряю культуру чрез задние ворота. Чтобы свои неумные выражения оставили для паскудных голливудских боевиков!

– Немедленно прекратить! – Игнатъев нахмурился, глядя на пленных. – Никакого рукоприкладства!

– Казаки с женщинами не воюют, – недовольно буркнул Данил. Его внимание привлекла статная темнокожая американка. Она стояла под трубой позади всех соратниц и смотрела на Данила в упор: – во взгляде больших темных глаз читались страх и жгучее любопытство. Могучий рост, мужественный вид казака явно ее поразили. Данилу девушка приглянулась. Он попросил:

– Господин подполковник, разрешите эту смугленькую развязать? Она не взбрыкивала, не ругалась, как эти...

– Как ваше имя? – по-английски спросил американку Игнатъев.

– Джейн, – бесшабашно потряхнув кудряшками, ответила девушка.

– Дайте слово, что будете вести себя тихо, и мы вас развяжем.

– О'кей. А остальные? – Джейн глазами указала на спутниц.

– Их тоже развяжем. Чуть позже.

Через минуту Джейн сидела на ящике в углу, пила воду из фляжки и допытывалась у Игнатъева о Даниле.

– Этот здоровяк, рядом с вами, как его имя?

– Данил. Он в чине сержанта.

– Что он вам сказал про меня?

– Он попросил развязать вас.

– На нем необычная шапка!

– Он казак. Папаха на его голове – элемент униформы казачьих войск.

– Что есть казак?

– Казаки – это такой народ, который живет по своим старинным обычаям. Долг казаков – служить в армии, защищать границы нашей страны.

– Он темнокожий, этот Данил. Он женат?

– Нет, Данил не женат. Он живет на Кубани, недалеко от теплого моря... Еще казаки любят лошадей; они прекрасные наездники.

– Как наши ковбои?

– Пожалуй. Но ковбои живут порознь, а казаки своими общинами.

– Почему бы казакам и ковбоям не устроить конное состязание? – без стеснения разглядывая Данила, спросила Джейн. – Это произвело бы фурор!

Не унимая веселого блеска глаз, Игнатьев передал Данилу содержание диалога. Данил повеселел, тихонько дотронулся до плеча Джейн.

– Господин подполковник, скажите, что я приглашаю ее на мою родину, на Кубань. Своими глазами увидит, как мы живем – ей-Богу, здорово будет!

Разговор прервали слова команды. Зарубин нацеливал подразделения на выполнение главной задачи.

Прислуга американских батарей бежала к побережью и в дебри. Это вполне устраивало Зарубина. С трех захваченных орудий были сняты замки и прицелы; оптики лишили и минометы. Четвертое орудие в исправном состоянии прицепили к трофейному БТР, который стоял в расположении батарей «под парами». В бронетранспортере нашли комплект боевых пулеметных патронов. Туда же сложили два ящика холостых орудийных снарядов, трофейные винтовки, радиостанции и документы. Внутри «коробки» и на броне поместились двенадцать казаков и спецназовцев; остальные девяносто человек спешно двинулись следом. Для охраны пленных оставили одно отделение.

За действиями русских внимательно наблюдал индийский посредник. После совещания с немецким коллегой он объявил, что выводит из боя обе американские батареи. Потери казаков при захвате батарей и НП оценивались тремя ранеными.

Стояло теплое летнее утро. Ласковый морской ветерок разогнал над сушей туман. Хвойный лес, сопки и прибрежные скалы предстали перед глазами в своем первозданном величии.

Зарубин вел роту на юг – туда, где раздавался шум боя. К пулемету трофейной бронемашины подали боевые патроны; в десантном отделении два спецназовца и Данил колдовали над неким «сюрпризом Вячеслава Михайловича», переговарива-

лись возбужденными голосами.

– ...У американца высоты брать – плевое дело, – посмеиваясь в усы, изрек спецназовец Беслан. – Тем более, по части штурма высот казаки – спецы ого-го!

– Это как? – заинтересовался Данил.

– В абхазскую войну случай был, – Беслан прищурился, вспоминая. – Брали наши тогда ключевую высотку. Недели две бились – хоть тресни, не могут взять! Атаковали высоту стрех сторон, потому что с четвертой – обрыв. Нелегкое дело! Стали уж думать, как иным способом объект захватить, как вдруг – трах-бах! – пришла подмога откуда не ждали. Что вы думаете? Три пьяных казака влезли на высоту с четвертой, неприступной ее стороны. Как прошли, так никто и не понял. Противника увидали – ну палить, галдеть! У страха глаза велики. Грузины подумали, им в тыл зашла целая рота. Напугались, конечно, и дали деру.

Данил залиvisto засмеялся. Беслан хлопнул его по колену:

– Да ты не смейся – гордись! Из этих троих двое были из вашей станицы. Вот те и ха-ха. Отсюда вывод: американам наших высот ни в жисть не взять – казаков у них нет!

3

В свое время американцы познали, как обретається военная доблесть.

Не так давно, в XVIII веке, обитатели английских колоний в Северной Америке взбунтовались. Король послал на смутьянов войска – началась война англичан с англичанами.

Толстосум-южанин Джордж Вашингтон возглавил вооруженную борьбу колонистов. Столкнувшись с регулярной английской армией, воины Вашингтона то и дело бросались искать места укромные, дикие – подальше от страшного грохота английских пушек и ружей. Король Георг III грозился перевешать зачинщиков бунта, и Вашингтон, этот удачливый плантатор, но всеми разбитый полководец, после многочисленных трепок уповал лишь на чудо. Чудесным явлением для Вашингтона стало вмешательство французов, испанцев и русских. Русская императрица объявила о «вооруженном нейтралитете» российских торговых трасс, испанцы слали колонистам оружие, а Франция отправила в Северную Америку целую армию под командованием графа де Рошамбо и маркиза де Лафайета.

Британия имела хороших солдат и бездарных, а то и просто неподготовленных к войне офицеров. Потомки бежавших из Англии жуликов, бродяг и бандитов приноровились расстреливать «тонкие красные линии» британской пехоты из засад и укрытий; французский флот прорвал английскую морскую блокаду, и граф де Рошамбо вкупе с воспрянувшим Вашингтоном осадили войска лорда Корнуоллиса в Иорктауне. Французская эскадра доставила осаждавшим мощную артиллерию и накрепко блокировала британцев с моря. Лорд Корнуоллис не хотел сдаваться висельникам, этим охамевшим фермерам и плантаторам, но капитулировать перед французскими маркизом и графом не считалось позором. Англичане сдали Иорктаун. Счастливые американцы немедленно возвеличили Вашингтона; о вкладе союзников тут же забыли. В столице свободных Штатов изваяли памятник, с постамента которого воитель-плантатор указывает своим доблестным воинам, куда надо тикать, если что.

Пример великого Вашингтона вдохновил тысячи честолюбцев. Соединенные Штаты не дали миру выдающихся полководцев, зато появились многие, считавшие себя таковыми.

Полковник Миллер был наслышан о коварном хитроумии русских. Его дед в свое время построил под собственным домом бункер с запасами продовольствия и воды: он всерьез полагал, что ядерный удар Советов по свободной Америке неизбежен. В детстве маленький Айк был зачарован военной мощью России и, подобно Паттону, обещавшему отбросить войска Жукова от Берлина к Волге, мечтал помериться с русскими силой. С развалом Советского Союза настало время упоения собственной военной мощью – этой доброй дубиной для ненавидящих свободу и демократию нехороших парней. Пресса не уставала твердить, что российская армия – бледная тень советской: солдаты голодны и раздеты, вооружение давно устарело, во главе войск поставлены коррумпированные, косные генералы. Предложение русских о проведении военной игры встретило пренебрежительную усмешку офицерства «лучшей армии мира». Русских следовало нещадным образом «отучить от советской имперской отрыжки» – такую задачу поставили перед Миллером министр обороны и сам верховный главнокомандующий, желавший слышать победные звуки фанфар в конце президентского срока.

Миллер взялся за дело с недюжинной энергией, с нахрапистостью бессмертного Паттона. «С русскими иначе нельзя, –

вещал он своим офицерам. – В борьбе с ними главное – решительно обрушиться, ошеломить. Темп и слаженность! Никакой передышки! Помните Рональда Рейгана. Он показал великолепный пример, как следует бороться с легионами «империи зла»!

Миллер предпринял все, чтобы потрясти, ошеломить русских – и уже в начале боя сам был ошеломлен. Сосредоточенные в мощный кулак элитные роты американцев дружно ударили по центру русских позиций, – позиции были пусты, лишь над брустверами окопов, подобно привидениям, парили клочья утреннего тумана.

Удар 4/5 наличных сил Миллера пришелся в пустоту...

Уж не сон ли все это?

Миллер до боли кусал губы и пальцы. Земляные укрепления «русских узлов обороны» представляли несколько извилистых окопчиков для стрельбы с колена; лишь тянувшийся к малому оврагу ход сообщения имел достаточную глубину. Этим путем передовые подразделения русских и отошли к большой высоте, именуемой посредниками Малаховым курганом. У подошвы высоты была замечена линия траншей полного профиля – похоже, русские рыли ее по ночам. Стало ясно, что «передовые узлы обороны» возводились лишь для отвода глаз.

Вскоре после начала дела Миллеру доложили, что в полосе наступления третьей роты десант БТР настиг и захватил троих русских. «Счет три – два в нашу пользу – очень неплохо!» – радостно буркнул Миллер, имея ввиду ночной захват русскими двух «языков».

Однако через двадцать минут поступило новое донесение: русский спецназ неожиданным нападением отбил пленных: отходя, русские увели с собой американского сержанта-десантника.

Услышав это, Миллер рассвирепел. Его БТР дал полный газ, рванулся к занятой русскими высоте. «Посмотрим, что скажут посредники, когда мы ворвемся на вершину русской твердыни!» – мысль эта сверлила возбужденный мозг Миллера, в мгновения боевого азарта он был готов на все.

Подняв тучи пыли и расшвыривая камни, бронетранспортер вылетел на дорогу, которая, подобно серпантину, опоясывала чресла большой высоты. Перед первым крутым поворотом водитель в страхе выкрикнул «нет!», резко дернул руль влево. Тут же последовал сильный удар в правый борт – оглушенный Миллер

кое-как выбрался из заглохшей машины, на ватных ногах побежал назад по дороге – к своим... Его подобрал второй БТР. Оказалось, русский бронетранспортер выскочил из-за высоты, таранил машину Миллера: – ее экипаж русские захватили. Другие два американских бронетранспортера попятились, скрылись в малом овраге. Полувзвод американских морских пехотинцев десантировался с брони, попытался овладеть участком русской траншеи. После короткой рукопашной схватки с русскими десантниками американцы отступили к оврагу, оставив в руках противника пятерых пленных. Наступавшие дотоле американские роты залегли в сотне метров от русских траншей – боевые порядки американцев охватывали русскую высоту полукольцом.

Американцы замялись. Их спортивный азарт быстро угас. Лежать в чистом поле на виду у русских было очень уж неудобно. Хотелось в привычные комфортные условия, когда враг далеко и о противоборстве с ним думает авиация. Хуже неизвестности давило бездействие. Солдаты роптали.

– Похоже, вот-вот запахнет жареным, – угрюмо констатировал рядовой Билл. – Эти парни на высоте не настроены с нами шутить.

– Наше командование сваяло большого дурака, – поддержал приятеля Хью. – Теперь непонятно, воюем мы или играем в войну?

В залегшей американской цепи кто-то пустил жуткий слух:

– Русские отыграются на нас за то, что полковник Миллер устроил стрельбу. Они тоже припасли боевые патроны!

Противник на высоте был невидим, неуязвим и оттого еще более страшен.

Миллер, наконец, решил воспользоваться радиостанцией. Соединившись с командиром четвертой (правофланговой) роты, он разразился неистовой бранью.

– Майор, какого дьявола вы торчите перед русскими высотами как индейский божок?! Неужели не ясно, что и вам пора сдвинуть задницу, когда весь батальон наступает?! Да, я взял для общего резерва ваш первый взвод... Заберите его обратно! Пусть он наступает на северо-запад, в обход малых высот. Двумя взводами атакуйте вдоль побережья, тогда вы окружите русских... Что?! Со своих высот они ни за что не отступят! Для русских любая кочка в прифронтовой полосе – что для японцев

гора Фудзияма. Всю мировую войну они только и делали, что защищали и брали высоты... Запомните это, майор!

Выволочку получил также командир третьей роты – за медленное продвижение с запада к большой высоте.

– Если мы отрежем на малых высотах часть русских сил, мнение посредников перевесит, – пояснил Миллер своему начальнику штаба. – Получается так: мы захватили пространство, отбросили русских к морю.

– А как будет воспринята наша стрельба боевыми патронами? – долговязый Уик не прятал скептической усмешки: понимал, что отчаявшемуся Миллеру ничего не осталось, как реанимировать ранее отвергнутую тактическую идею генерала Томаса.

– Мы скажем, что один или два экипажа, не разобравшись в темноте и тумане, открыли огонь не теми боеприпасами. Досадное недоразумение! Любому профессионалу известно: на учениях нередко бывают огрехи.

Миллер наружно бодрился, а сам со все нарастающей тревогой размышлял о посредниках. Отчего они до сих пор не вмешались? И, главное, почему к ним не обращаются русские – не жалуются на нарушение правил, не протестуют?

В конце концов, Миллер и Уик решили до завершения операции в районе малых высот ничего больше не предпринимать; ожидать появления главных посредников в расчете на их благоприятный вердикт.

4

Иоганн Клиндер родился и рос в послевоенной Германии. Его детская память сохранила чувства страха и приниженности немцев в условиях оккупации. Глумливо-презрительное отношение американцев к побежденным засело в сердце подобно занозе. Отец Иоганна вернулся с фронта израненным, все его родные погибли во время уничтожения Гамбурга союзнической авиацией. Как-то раз он сказал: «Во время войны сущим адом для нас представлялся Восточный фронт. Россия отражала наши удары по пояс в крови. Все мы тогда полагали, что месть русских будет ужасной. Но из оккупантов самыми беспощадными и циничными оказались американцы, хотя война стоила им немного крови и слез...»

Клинггер первым узнал о начале дела на острове и фортеле, что выкинул Миллер. Что-то удерживало Клинггера от немедленного вмешательства в ход боя, грозившего превратиться из условного в настоящий...

Генерал вернулся в кают-компанию, невозмутимо закончил завтрак в обществе других главных посредников. Затем не спеша все пошли к вертолету. Вылет изрядно задержался из-за тумана. Лишь на борту «вертушки» Клинггер поведал коллегам последние «новости с фронта».

Несусветная выходка Миллера даже для видавших виды военных была делом неслыханным. Индус и китаец с трудом скрывали нетерпеливое любопытство, поглядывали в иллюминатор. Американцы зашли слишком далеко, и исход игры сулил всякие неожиданности. «Похоже, бокс вот-вот перейдет в поножовщину», – пробормотал китайский полковник. Впечатлительный француз замкнулся, притих: перспектива эпохального кровопролития его явно пугала. Лишь англичанин бодро вертел головой, ожидая реакции коллег на столь необычную новость.

– Итак, господа, случилось то, чего мало кто ожидал, – заговорил Вильсон. – Как-то теперь у главных персонажей турнира получится разойтись подобру-поздорову? Ведь играть и отыгрываться – весьма разные вещи.

– Мы здесь не сторонние наблюдатели! – раздраженно проговорил Демишель. – Мало того, что все это весьма дурно пахнет, – такая переделка может весьма плохо кончиться!

Повисло молчание. Вертолет кружил над островом, постепенно снижаясь. Офицеры в бинокли разглядывали линию фронта – оценивали тактическое положение обеих сторон. Увидели передвижение рот на равнине, бронетранспортеры – подбитые и ползущие по дну оврага. Индус радостно щелкнул пальцами: заметил наступающие вдоль западного побережья американские взводы.

– Как же наше пари, господа? – спросил ржавым голосом Вильсон. – Быть может, в ком-либо поколебалась уверенность в успешном окончании спора?

– Напротив, генерал, – спокойно парировал Клинггер, – я уверен в успехе русских. Считаю также, что последними своими действиями американцы свели свои шансы к нулю...

На пути от вертолетной площадки к ожидавшим посредников джипам Клинггер негромко сказал Демишелю:

– Пришло хорошее известие. Победил ваш любимый футбольный клуб. Как заядлый болельщик, я вас от души поздравляю, коллега!

Демисель рассыпался в благодарностях. Затем, понизив голос, спросил:

– Отчего вы, генерал, так уверены в неуспехе американцев?

Клинггер повернулся всем телом к французу; заложив руки за спину, отчеканил:

– Мой пращур служил в России под началом принца Вюртембергского. Мои прадед и дед сражались в обеих мировых войнах на восточных фронтах. Мы, Клингеры, знаем о русской армии не понаслышке. – Молодо блестя глазами, покачал головой. – Если бы здесь, на острове, проводилась обычная военная игра, я бы еще подумал. Но вы видите, как все повернулось! Поверьте, русские, оказавшись в трудном положении, проявляют недюжинную изобретательность. Близкая опасность пробуждает в них боевой кураж. Мы, европейцы, испытываем на войне мучения и тревоги – русские воюют шутя! Американцы заварили ужасную кашу... С их наивностью может соперничать лишь их эгоизм. Давно известно: русский солдат храбр, необычайно неприхотлив, а в обороне просто неодолим. Сейчас русские в обороне, и это диктует все!

5

Комбат Бродников догадывался о замыслах американского командования задолго до боя. Американцы не рылись в земле, укрепляя позиции, – стало быть, готовились наступать. «Полез было медведь ко пчелам... – размышлял вслух издававший виды полковник. – Будем заманивать супостата!»

По замыслу Бродникова, противника следовало измотать и обескровить на подступах к большой высоте, а затем нанести контрудар «всею фурией». Основные силы русских – пять рот и вся артиллерия – располагались на северных скатах большой высоты и за ее гребнем; в узлах первой линии обороны окопались четыре взвода десантников. Днем на передовых позициях русских кипела работа: Бродников старался создать впечатление, что намерен принять удар именно здесь. На деле в «передовых узлах обороны» постарались лишь над насыпкою брустверов – главные работы велись в районе большой высоты. «Только бы он

вышел из лесу, – рассуждал Бродников с глазу на глаз с начальником штаба Сухих, – нехай прет на нас по голому полю! Представляешь, какие будут потери? Главное, наши передовые взводы вовремя вывести из-под удара...»

В ночь перед схваткой разведка российского батальона была двух «языков». Один из них, лейтенант, освобожденный от кляпа в штабном блиндаже, разбушевался: его при захвате не очень-то нежно помяли. Лейтенант в гневе брякнул: «Еще посмотрим, сколько ваших попадет в плен уже этим утром!» Бродников тут же отдал приказ передовым подразделениям отойти к малому оврагу и большой высоте. И вовремя: американская атака началась через сорок минут.

Стрельба боевыми зарядами не обескуражила Бродникова: он держался как ни в чем ни бывало, будто ничего иного от противника и не ждал.

Комбат и его офицеры были наслышаны о присущей американцам осторожной медлительности в наступлении. Их цепи продвигались вперед ни шатко ни валко, боевым напором здесь и не пахло. Завидев бруствер, окоп, где мог затаиться противник, солдаты сбивались в кучки – так им казалось надежнее. Со стороны это напоминало не атаку, а прочесывание и зачистку до того разбитых авиацией и артиллерией позиций врага. «Так и есть, – глядя в бинокль, процедил Бродников, – без своей коронной авиационной поддержки эти супермены – ничто. Скучно воюют. Похоронная команда, а не пехота!»

Забравшись в траншеи, угомонились посредники: о бесчинстве Миллера «наверх» сообщили; не лезть же, в самом деле, самим под американские пули!

Бродников все чаще поглядывал на часы: с начала наступления американцев минуло почти полтора часа. Основные их силы замаялись перед большой высотой, а две роты совершали манипуляции в районе малых высот в стремлении отсечь левый фланг российского батальона. Комбат знал, что казачья рота с высот ушла, а оставленное для прикрытия отделение вовремя выскользнуло из «клещей».

На КНП появился начштаба батальона подполковник Сухих. Он рассказал, как более двадцати минут пробыл в американском плену. В начале боя на подполковника и двух сопровождавших его спецназовцев наскочил американский БТР – на русских навалилось больше десятка морских пехотинцев. Выручили «бра-

тя славяне», возвращавшиеся из расположения казачьей роты.

– Ну, начштаба, – комбат хлопнул Сухих по плечу, – теперь на орлов степных вся надежда! На веселое дело пошли казачки... Ежели интуиция меня не подводит, на северной стороне бухты вся артиллерия супостата. Захватит Зарубин орудия – и в условном бою победа за нами! А захотят супермены настоящего боя – есть у нас надежное средство. Оно, брат, самое русское, оно не подводит! Так что, господа субъекты, пожалуйте бриться!

В русских траншеях прозвучали стальные слова команды: «Первой и второй ротам – примкнуть штыки!» От этих слов взыграли сердца, заблестели глаза: будто былинная сила вселилась в воинов русских – железными сделались жилы и мышцы, ясно и твердо окидывал ратное поле зоркий солдатский взгляд...

6

Появление в американском тылу бронетранспортера с орудием на прицепе не насторожило полковника Миллера: он подумал, что это – его последний резерв, последняя гиря, брошенная на «весы победы».

– Смотрите, это Джеб со своими рейнджерами идет к нам на помощь! – воскликнул повеселевший Миллер. – Клянусь потрохами Саддама, эти парни здесь очень ко времени!

Когда из-за большого оврага выдвинулась вся казачья рота, штаб Миллера пришел в смятение. Среди залегших в поле цепей пробежало волнение – озираясь, многие поднимались в полный рост, разглядывали неведомого неприятеля. «Это же новое Ватерлоо... – упавшим голосом простонал подполковник Уик. – Проклятье! Они нас сделали!»

Миллер в сердцах швырнул бинокль на камни. Потеря всей артиллерии, скулодробительный удар в тыл – это была катастрофа. Пережить такое было выше сил! В бешенстве, с налитыми кровью глазами полковник бросился к бронетранспортеру...

Он гнал машину наперерез русским, решив с разгону таранить. Русские как будто этого ждали: отцепили пушку, развернули трофейный БТР носом к противнику. Двигаясь по краю оврага, Миллер открыл пулеметный огонь. Русские довернули руль влево, чтобы встретить американцев лоб в лоб. На огонь они не отвечали.

За дуэлью бронемашин наблюдали с тревогой с американс-

ких и русских позиций. Со стороны юго-восточной бухты выкатились джипы с пятью главными посредниками – их появления будто никто не заметил.

Бронетранспортер Миллера сделал странный финт: вильнул, остановился, снова рванул вперед – и вдруг вспыхнул и загорелся. Все видели: из оврага выбежали казаки; они сбивали с ног выскакивавших из горящей машины американцев, волокли их в овраг... Рванул боезапас.

Оказалось, Данил с двумя товарищами подобрался к американскому стальному «зверю» оврагом. Уняли строчившее из пулемета чудовище бутылками с «коктейлем Молотова», приготовленным в расположении американских артиллеристов. Бронетранспортер загорелся, когда Данил удачно метнул вторую бутылку. Казаки пленили полковника, сержанта и рядового; казак Георгий успел выудить из нутра горящей машины портфель с документами и знамя американского батальона.

Взводы Зарубина, не теряя времени, стремительно рванулись вперед. Подполковник Уик метался перед малым оврагом – лихорадочно пытался развернуть лицом в тыл два взвода десантников... И тут из траншей перед большой высотой поднялись густые цепи русской пехоты, а из-за высоты показались три российских бронетранспортера – подняв тучи пыли, двинулись навстречу американцам.

Эта атака была неожиданной, как гроза. Воины надвигались плотной грозной стеной, и стройное движение это несло в себе могучую силу: многие очевидцы признавались потом, будто ощущали дрожанье земли под неотвратимо-тяжелым шагом русской пехоты.

Узкий, как жало стилета, луч солнца пронзил серую вату облаков, осветил поле боя. Зловеще блеснули штык-ножи, примкнутые к стволам автоматов. Грянуло дружное «ура!» – и русские роты понеслись неудержимой лавиной. Будто ожила седая доблесть суворовских и жуковских чудо-богатырей, и оттого боевой натиск потомков славных бойцов получил утроенную энергию сокрушения.

Энергия русской грозы как сухие листья разметала ряды басурманов. Воины не увидели лица неприятеля. Колыхание спин и голов, топот сотен убегающих ног – только это предстало глазам. Встречные удары подразделений Бродникова и Зарубина рассклели боевые порядки американцев: три их роты бежали

к юго-восточной бухте, одна отступила на западное побережье. Загремели залпы русских орудий. Хотя стрельба велась холостыми зарядами, она увеличила смятение отступавших: им казалось, что противник в ответ на проделки их вертопраха-комбата открыл огонь на поражение...

На крутом берегу юго-западной бухты сбились в кучу сотни американских солдат. Кулаками, локтями они прокладывали путь к спускавшейся к морю узкой дороге; кое-кто не выдерживал давки, бросался с обрыва. Некоторые из офицеров, сержантов, отчаявшись остановить бегущие подразделения, сошлись с русскими врукопашную – и пополнили собой число пленных. Один из взводов был зажат с двух сторон русскими бронемашинами и положил оружие во главе с командиром. Последний исправный американский бронетранспортер был брошен экипажем в овраге.

С обрывистого берега бухты русские молча наблюдали за панической свалкой. Они не сожгли ни одного боевого патрона, их штык-ножи празднично покоились в ножнах, – а дело свое сделали хорошо.

В бухте с лодок и катеров высадились четыре взвода индийских морских пехотинцев. В задачу индусов входило разъединение противоборствующих батальонов, и они, встав заслонами на бывшей «линии фронта», спешно продвинулись до западного побережья.

Русские возвращались к подошве большой высоты. Солдаты роптали.

– Готовились, готовились, думали – схлестнемся как следует, а они, идола...

– На пятки намазали смазки и драпают до Аляски!

– Сила солому ломит!

– Да, братья-славяне, американец не воевать – стращать лишь умеет.

– Где ихние Рокки и Рэмбо?

– Там же, где все их герои – в кине!

7

Итоги дела на острове Дымный оказались для американцев катастрофическими.

Посредники вывели условные потери сторон. У американцев

они составили семьсот тридцать восемь человек убитыми и ранеными, семьдесят семь пленными. В число пленных попали командир батальона полковник Миллер, майор и семь младших офицеров. Русскими были захвачены: вся бронетехника и артиллерия, большая часть легкого вооружения, разные запасы (включая тук с гигиеническими пакетами), штабные документы и знамя американского батальона. С поля боя удалось уйти части правогофланговой четвертой роты, а также многим артиллеристам общим числом сто девяносто бойцов.

Были и другие потери, известные многим. Один русский десантник получил легкое пулевое ранение в руку, еще двоих покарябало камнями, прилетевшими рикошетом от пулеметных очередей. Среди американцев от панической давки на берегу и рукопашной борьбы более двух дюжин получили серьезные ушибы, вывихи, переломы. Последняя, пятая американская валькирия во время общего бегства к морю сверзилась с прибрежного обрыва, сломала палец.

При определении русских потерь в стане главных посредников не обошлось без дебатов. Генерал Вильсон насчитал двадцать убитых и сорок раненых: ведь последнюю атаку русских от большой высоты американцы «должны были встретить шквальным огнем». Остальные арбитры полагали, что к моменту решающей русской атаки американский батальон был деморализован из-за удара в тыл и вывели иные цифры потерь – четыре убитых, двенадцать раненых. Вильсон объявил, что остается при своем особом мнении, не потрудившись, впрочем, его более убедительно обосновать.

Напоследок генерал Клингер поинтересовался: зачем русские примкнули штыки? Бродников пояснил: штык-ножи примкнули две роты морских пехотинцев; им было приказано действовать, как в суворовских «сквозных атаках» – при сближении с неприятелем штыки вскидывались подвысь, а передние ряды останавливались, пропуская вторую линию, которая в атаку шла без штыков. Применять же штыки следовало в том случае, если бы американцы открыли огонь на поражение.

После разъединения батальонов русским пришлось собирать брошенное американское вооружение, которое передавалось индусам – те охраняли его на специальных площадках. Американцы пересчитывали и везли к побережью свое добро.

Была в американском стане забота и поважнее – поскорее

забрать из русских лап своих пленных. За Миллером пришли два неразговорчивых хмурых спецназовца. Миллер – ободранный, злой – напоследок выругался в адрес «русских ублюдков» и с новыми провожатыми бодро спустился в овраг. Из оврага полковника выволокли под руки: расслабленный, он не двигал ногами, бессильно мотал головой.

За «последним броском» Миллера наблюдали русские офицеры. Подполковник Сухих сказал с веселой усмешкой:

– Видать, свои ему накидали. Ох, сильно ж он им подгадил! Отвоевался, болезный...

День на острове разгулялся на славу. Ласково грело солнце, с моря дул легкий ветер. В русском стане начались сборы в обратный путь. Звучали песни и смех.

Группа казаков и десантников фотографировалась на фоне сожженного американского бронетранспортера. Снимались в разных позах и ракурсах – подле машины и на броне, с оружием и без оружия. Молодой подвижный как ртуть хорунжий шутил:

– Тебе, Данило, непременно памятник на родине соорудят. Вот помяни мое слово! Будешь ты в бронзе, как Платов: ногой бронзовой попираешь бэтэр подбитый, а в руке сжимать оружие истребителя – бутылку с «коктейлем».

Данил сопел, но помалкивал, – хорунжий не унимался.

– Помнишь, Данило, спросили тебя: а подбили американцы гранатой или бутылкой с горючим хоть один гитлеровский танк или, скажем, бронемашину? Но и мы, русские, в полевом бою тоже покуда их бронемшины не жгли! Выходит, ты – первый.

– Вот тебе и остров Дымный! – весело гаркнул оренбургский казак Жора. – Вложили плейбоям без дыму и пыли!

Подкатил изрядно помятый американский бронетранспортер. Угрюмые парни принялись за осмотр своей сожженной бронемшины. Хорунжий подошел к американцам, по-английски сказал, улыбаясь:

– Привет, ребята! Я Михаил, эти парни – Георгий, Тимофей и Данил. Как вас зовут?

– Он – Билл, я – Хью, – нехотя ответил чернокожий морской пехотинец.

– Предлагаем сфотографироваться с нами на память.

Американцы начали совещаться. Казаки, как обычно, были нетерпеливы.

– Чего шугаетесь, парни? – крикнул здоровяк Жора. – Не

бойсь, не обидим. Иди сюда, Хрю!

И «Хрю» с дежурной улыбкой встал под объектив.

Он был исполнен тяжких раздумий. Его друг, рядовой Билл, после «бега к морю» сказал по секрету, что в такой армии служить более не намерен. Хью пытался ободрить его, но вскоре заметил, что Билл в своих разочарованиях вовсе не одинок. Одни, приунывшие духом, бросив все, уходили на берег, другие, любопытные, околачивались вблизи русского стана. Там и тут солдаты двух армий сбивались в группы, обменивались сувенирами, а кое-кто – адресами. Из мощных динамиков, установленных на большой высоте, лилась музыка песен и маршей. Американцы угощали новых знакомых кока-колой, русские – квасом. Командование российского батальона не препятствовало «братанию», американские же офицеры опасались своих донельзя обозленных неудачей солдат и также не вмешивались.

На другой день войска грузились на корабли. По окончании благодарственного молебна в ротных колоннах русские продефилировали мимо большой высоты. Всполошив стаи диких птиц, над островом грянула старая славная песня:

Как ныне собирается вещей Олег

Отмстить неразумным хазарам...

Шелестя на ветру, развевалось боевое знамя. От твердого шага русской пехоты содрогалась чужая земля – и мнилось: долетает гулким эхом с востока могучая поступь дедов и прадедов – победителей непобедимых, покорителей многих держав и столиц.

Почили князья, пролетели века,

Но доблесть жива и поныне.

Пусть крепче оружие сжимает рука,

Нам память о предках – святыня! –

Воинам сразу стал близок этот новый, недавно сочиненный Игнатьевым куплет.

Проницательный Игнатьев успел сделать еще кое-что. На знаменитой большой высоте установили трехгранный пятиметровой высоты шпиль. По форме памятник напоминал русский штык и хорошо виден был с моря. В основании шпиля положили гранитную плиту с надписью:

В память дела
между российскими и американскими войсками,
имевшего быть здесь 23-24 августа 20... года.
Остров Дымный.

Тут же был выбит российский двуглавый орел.
Шпиль и плита приплыли на остров в трюме российского
военного корабля. Право установить памятник оговаривалось
заключенным в Москве соглашением, и русские, как победители,
не преминули воспользоваться своим правом.

Эпилог

*Русский солдат храбр, стоек и
терпелив. Потому непобедим!
Александр III.*

*Умей повелевать счастьем.
А. В. Суворов.*

1

Известие об американской конфузии в поединке с «публикой, ряженой в обноски советских преторианцев» (так окрестила российских воинов ура-патриотическая американская пресса), вызвало в Штатах шок, у противников «демократствующих каннибалов» – бурную радость, в странах «свободного Запада» – саркастический смех. Молва о разгроме наотмашь ударила по престижу «любителей играть военными мускулами».

В оценке событий на острове Дымный журналисты упражнялись по-разному. Такие заголовки, как «Плохие парни походя обидели очень хороших», «И ржавый меч грозен в умелых руках» мало кто посчитал слишком язвительными, потому как пресса мусульманских государств поизгалялась над «крестоносцами» без сантиментов. Авторы стран нейтральных тоже не пощадили «беззубого тираннозавра». Военный обозреватель одной из балканских стран в распространенной через Интернет статье «Миф разлетелся, как дым» писал:

«Войны выигрывают люди. Это лишний раз доказал условный (и едва не перешедший в настоящий) бой на острове Дымный,

где от русских бежали природные американцы, а не наемная шваль, широко используемая ныне в локальных конфликтах...

Военная история США – это череда битв со слабыми числом и вооружением противниками, битв, сценарии которых были известны заранее, еще до того, как раздавались первые залпы. Излюбленный прием американцев – навалиться на противника во главе (или же в составе) могучей военной коалиции, а затем за здорово живешь пожать наиболее спелые лавры общей победы. По этой причине американским солдатам и не представилось возможности проявить массовый героизм: они всегда действовали из-за спин более искусных и храбрых союзников либо просто добивали уже поверженного неприятеля.

Лишь только дважды история дала американцам возможность оказаться в по-настоящему нелегких боевых ситуациях и на деле выказать свою доблесть: в декабре 1944-го, когда вермахт, собрав силы, нанес в Арденнах последний удар, и в ноябредектябре 1950-го, когда китайцы пришли на помощь почти разгромленной Северной Корее. Этих испытаний американцы не выдержали. Они постыдно бежали, предпочтя не сражаться, а апеллировать то к русским союзникам, то к ООН.

Американские военные могут сколько угодно дурачить собственный народ, но миру давно известно: без увесистой авиационной «дубины» хваленая мощь армии США подобна огромному, но вялому и дряблему кулаку. Сухопутные силы Соединенных Штатов годны не для вооруженной борьбы с сильным противником, а к выполнению оккупационных функций на территориях, до того разрушенных авиацией и ракетами.

Лишь под влиянием обманчивых представлений и бездарных оценок американцы решились принять вызов на военное состязание – и от кого? От нации, армия которой способна одерживать блестящие победы в самых безнадежных и драматических ситуациях. Вероятные действия русского солдата предвидеть и просчитать невозможно: он, подобно отважному и невероятно живучему зверю, превосходно умеет действовать по обстановке. Что может русскому противопоставить американец – дитя государства, на существование которого изначально наложен гигантский шаблон?

Американской армии повезло, что она в свое время не столкнулась с армией Советской империи: об исходе такого столкновения не питали иллюзий здравомыслящие военные специалис-

ты. Недаром, Штаты так и не решились напасть на СССР в период монопольного обладания ядерной бомбой...

«На миру и смерть красна», – говорят русские. Что могут этому противопоставить тщеславные американцы? Их кредо – победа любой ценой – подразумевает живого героя. Русские недаром не стали отвечать на американский пулеметный огонь: если бы потребовалось, они голыми руками разорвали бы своих мужеподобных соперников.

Один немецкий князь, желая участвовать в Тридцатилетней войне, спешно набрал войско. Особой заботой князя было одеть своих солдат в самую красивую форму, что и было сделано. Снаружи армия выглядела изумительно. Но в первом же бою (для сбережения формы?) «красавцы» ударились в повальное бегство.

Так и американцы: внешняя их воинственность никак не соответствует внутреннему содержанию. И сколько б они ни вооружались, к настоящей войне вряд ли когда-либо будут готовы...»

После подобной критики сердца уязвленных американцев налились праведным гневом. Как всегда, капризное упрямство взяло верх над чувством чести и долга. Условия Московского соглашения немедленно были нарушены. Издание в США книг и брошюр о российской армии и ходе дела на острове Дымный, пресс-конференции с участием военных дипломатов России, обмен делегациями слушателей военных академий обеих стран – на все наложил табу американский конгресс. Особенное возмущение конгрессменов вызвало то, что бесцеремонные русские увезли с острова Дымный трофеи: автоматическую винтовку, прицелы от орудия и миномета, затвор пулемета, прибор наблюдения с БТР, бронезилет, зеленый берет, а также знамя, штабные документы и каску с головы полковника Миллера. Впрочем, все это оговаривалось соглашением, и американское командование, обескураженное печальным исходом боя, не имело воли противодействовать русским, в недобрый час потребовавшим свое.

Наказали виновников неудачи Миллера и Уика. Их увольнение из армии получило большую огласку. Генерала Томаса понизили в должности; он понял, что его военная карьера клонится к закату. В течение недолгого времени еще более семисот человек из состава бывшего сводного батальона расстались с «лучшей армией мира»: «участвовал в деле на острове Дымный» –

это было как несмываемое клеймо. Впрочем, кое-кто в администрации скоро опомнился: одними репрессиями престиж армию не укрепишь. Сто тридцать участников дела из состава четвертой роты, отступившей к западному побережью острова, получили памятные медали. Вскоре после награждения с десятков этих медалей нашли брошенными у подножия Капитолия.

Униженный Миллер был этому рад. К тому же он все-таки прославился, правда, с неожиданной для себя стороны. Эксцентричная английская группа выпустила альбом с рок-оперой «Все вместе» – о дружественном общении завоевателей и покорителей всех времен в царстве теней. Прямодушный, претерпевший за чужие ошибки полковник Мильдер попадает во мрак Аида и ищет там встречи со своими кумирами Паттоном и Макартуром. Но вместо них Мильдера встречает погубленный индейцами сиу генерал Кастер. Он растолковывает незадачливому военачальнику основной постулат прижизненного успеха классического героя Америки:

Не тот герой, кому лишь драка
Любезна – зубы вышибать.
В фаворе тот, кто как собака
Клыки умеет ощерять
Издалека – и ждать до срока...
Таким дано взлететь высоко –
Чтоб миром целым управлять!

Альбом имел шумный успех, особенно среди антиглобалистов. «Соединенные Штаты дошли до того, – заявил в левой прессе один из непримиримых противников глобального гегемонизма, – что при всех своих неуклюжих попытках выглядеть светочем демократии они превращаются в банальную, пошлую империю, где всем заправляют циничные политики и медноголовая военщина. Особенно нелепо выглядят американские военно-морские группировки, изгадившие все океаны. Против кого они направлены? Где достойный по мощи противник? Неужели для борьбы с террористами, технический интеллект которых не способен освоить ничего сложнее миномета, нужны многочисленные авианосцы, начиненные тысячами самолетов, ракет?.. Памятник последнему демократу (по духу, а не по партийной принадлежности) следовало воздвигнуть в Нью-Йорке еще в день окончания «холодной войны»!»

Неистребимое умение американцев извлекать интерес из

всего проявилось и в дни их позора. «Ястребы» потребовали новых ассигнований на укрепление сухопутных сил, «голуби», несмотря на иную риторику, по сути, сделали то же самое. Клич «русские идут!» раздался вновь на Капитолийском холме, и как встарь «хозяева жизни» принялись ковать железо, пока горячо.

В Москве открылась музейная экспозиция, посвященная делу 23-24 августа. Там, помимо прочего, были выставлены боевые патроны из захваченного американского БТР. Глядя на них, все убеждались, что дело на острове было нешуточным, и амбициозные американцы ради достижения успеха готовы на все.

Вскоре после баталии с русскими американские военные получили вызовы на условные бои от Сербии и Ирана, Пакистан захотел посостязаться военным умением с Индией, Северная Корея – с Японией. Однако на этих турнирах никто не захотел играть роль посредников. В российское министерство обороны был направлен вызов от польских военных – в их среде созрело желание поквитаться за обиду заокеанских друзей. Поляки предложили русским условный бой силами до бригады. Генерал Камчилов в телеинтервью по этому поводу сказал так: «Многие помнят, как польские воины храбро бились за свободу под Хотинном и в союзе с русскими и литовцами под Грюнвальдом. Но мы трижды с боем брали Варшаву, трижды – Берлин и, кроме того, еще двадцать пять столиц – от Парижа и до Пекина. Неужели успех в условном бою с польской бригадой хоть как-то прибавит нам славы?.. Не надо забывать, что поляки были нашими союзниками во времена «холодной войны». Наша победа на острове Дымный доказывает, что «холодная война» была противоборством прежде всего политическим. Советская и российская армии никаких баталий американцам не проигрывали, да и не могли проиграть. Мы, русские, как всегда готовы дать сокрушительный отпор любому агрессору. Поэтому, я повторяю, победа на острове Дымный – наш общий с поляками успех. Ведь Войско Польское еще так недавно являлось частью Варшавского Договора!»

В отличие от американцев, российское военно-политическое руководство не поскупилось на щедрое награждение участников славного дела. В президентском указе отмечалось, что солдаты и офицеры российского сводного батальона выказали незаурядное воинское умение, блестяще импровизировали в ходе боя, а также проявили мужество и героизм, поскольку бой пере-

стал быть условным уже в самом начале.

Бродников получил знатную награду – орден Святого Георгия Победоносца третьей степени, или Георгия на шею; семь офицеров, в том числе Сухих, Игнатьев и Зарубин стали кавалерами Георгия четвертой степени; двадцать семь человек были награждены знаками солдатского Георгия. Многие получили Георгиевские медали и все без исключения участники боя – медаль «В память дела на о. Дымный. 23-24 августа 20... года.» Многие были повышены в звании. «Организатор и координатор» славной виктории Дмитрий Михайлович Камчилов стал генералом армии и кавалером ордена Андрея Первозванного. «Оказывается, вот так, без пролития крови, можно сделаться выдающимся полководцем», – пошутил удачливый генерал.

На одной из пресс-конференций журналисты спросили: не предложить ли единоплеменникам Рэмбо новый, большой поединок – скажем, дивизия на дивизию? С Камчилова тут же слетела веселость, голос зазвучал жестко: «Российскую военную историю пока делают младшие офицеры, а также майоры и подполковники. Их мужество и самоотверженность не раз покрывали в боях наши, генеральские, ошибки и недочеты. А после ратных подвигов многим из них не дают ходу, всячески затирают. Такие, как Бродников, Сухих, Зарубин достойны стать русскими генералами, и они ими будут! Вот тогда и сразимся дивизия на дивизию. А сейчас для этого некоторые наши генералы, прямо скажем, еще не созрели».

Популярность героев Дымного превзошла популярность кинозвезд, звезд эстрады. Престиж армии поднялся на необычайную высоту. Тысячи призывников добровольно отказались от льгот и отсрочек. Осенний призыв проходил в условиях осады военкоматов патриотически настроенной молодежью. Туземцы юга России наперебой заявляли, что сочтут за честь служить в обновленной российской армии, племенные вожди – о том, что готовы с радостью и гордостью подчиниться державной власти «нового белого царя». Словом, русский военный успех способствовал сплочению нации, оживил надежды на небывалые перспективы. «Теперь мы поднимем Россию с колен! – потирая руки, повторял российский президент. – Пришло, наконец, оно, наше времечко».

Данил, только что произведенный в хорунжие, получил письмо из американского штата Миссури. Казаку писала темнокожая Джейн:

«...Во время нашей памятной встречи на острове нам не удалось толком поговорить. Как Вы смотрите на то, чтобы приехать в Соединенные Штаты – продолжить наше знакомство?»

Обрадованный Данил схватился за словари и учебник: Джейн ему очень понравилась, и он решил непременно заучить несколько фраз по-английски. Над ответным письмом корпели многие станичные грамотеи. Оно получилось таким:

«... Вы, Джейн, живо интересовались жизнью казаков, и я очень хочу, чтобы наш народ и наш щедрый край Вы увидели своими глазами. Еще раз приглашаю Вас посетить Россию...»

И Джейн вскоре приехала на Кубань!

На радость станичников и родни Данила она оказалась разумной, отзывчивой девушкой. Ей понравились сады и виноградники, леса и горы Кубани, пляжи Черного моря; казачьи военные упражнения, скачки, песни и пляски; солнце юга России напоминало ей солнце далекой родины. Казачий уклад жизни также Джейн импонировал... А вскоре станица стала называть американку по-русски – Женей.

Через три месяца Данил и Джейн сыграли свадьбу. Не только станица – весь казачий отдел во всю гуляли три дня. Немало было съедено поросят, индеек, больших осетров; уток и кур никто не считал. Молодые получили подарки: от губернатора края – автомобиль, от войскового атамана – караоке-центр, от станичников – породистого жеребенка. Вскоре после свадьбы Джейн призналась Данилу, что ожидает ребенка. Дивились, гадали: кто родится – девочка, мальчик? Каким он будет – просто смуглым или чернокожим, подобно арапу? Одно было ясно: дитя родится в православной семье, потому что Джейн незадолго до свадьбы крестилась в православную веру.

Вспоминали, как за свадебным столом войскового атамана в приветственном слове сказал:

– Эх, братья-казаки, сколь кровей в нас намешано! Вот у Данила прабабка была турчанкой. А теперь от молодых, дай Бог им здоровья, будем ждать прибавления. А как иначе? Кровь, братья, великое дело. А если в кровь с молоком матери вливается

любовь к отчизне и вере нашей, вырастет добрый казак. Казацкому роду нет переводу!

Как-то Джейн сказала Данилу:

– Знаешь, раньше я слышала, что в России белые и цветные живут в мире. Да, это правда! Тут американцам у русских есть чему поучиться.

Данил и Джейн, их друзья и соратники частенько вспоминали далекий тихоокеанский остров и свои приключения там. Как-то раз молодую пару навестил Игнатъев. Военный писатель отведать индейки, искусно приготовленной Джейн, и подарил свою новую книгу – она посвящалась событиям 23-24 августа.

Листая книгу, Данил озабоченно проговорил:

– Памятник на большой высоте мы поставили неплохой, да только нету на нем назидательной надписи – потомству в пример.

– Отчего же? – возразил Игнатъев. – Вот, взгляни-ка сюда!

Игнатъев раскрыл блок иллюстраций, указал на большую фотографию известного памятника. На фото Данил узнал все – блестящий на солнце трехгранный шпиль и гранитную плиту подле него... Снимок был выполнен сбоку, и на торце плиты ясно читалась надпись, взятая со старой русской военной медали:

**С НАМИ БОГ!
РАЗУМЕЙТЕ, ЯЗЫЦЫ, ПОКОРЯЙТЕСЬ, ЯКО С НАМИ БОГ.**

2005 – 2006

САПОГИ, РЕМЕНЬ, БРИТВА

– Ну ты даешь, дед.
– Что?
– Ну как? Все удивляются: тебе – под восемьдесят, а операцию перенес – хоть бы хны. Вот что значит – жилистый, сухощавый... С войны закалка!

Дед молчит. Он не больно-то восприимчив к лести. А похвалиться, между прочим, мог бы. Много лет мучился язвой, сох, глотал порошки. Наконец, решился, лег на операцию, потерял полжелудка... И вот – ожил, посвежел. Это в семьдесят семь-то лет!

Живет дед со средней дочерью и внучкой в панельной пятиэтажке, из дому выходит нечасто. Летом посиживает на скамеечке у подъезда. С соседями разговаривает мало, больше слушает. Лишь изредка вобьет в диалог замечание.

Такой вот молчун.

Поломал дед две войны – финскую и Отечественную – и едва не попал на третью, японскую. Отечественная для деда началась с госпиталя: эшелон сибиряков, шедший от Москвы к фронту, в декабре сорок первого попал под бомбежку. Весной сорок второго дед был уже на Волховском фронте, воюя в составе того же полка. «Сперва сильно тяжело было в них стрелять, – признавался старый солдат, – ведь люди там, живые. Потом, как отбили у НЕГО села, деревни, поглядели на все такое – не жалко стало. Бывало, пленных до штаба не доводили. «Ты что, боец, пленного застрелил? Под трибунал тебя!» – «Он, товарищ командир, побегал...»

Мне нужно было деда «разговорить»: ведь скоро юбилей Победы. А к юбилею готовилось и казачье общество, где я атаман. Спрашиваю:

– Ты Звездочку еще не потерял? А?.. Ну, орден.
– Нет. Лежит вон в шкафу.
– Тебе когда дали ее?
– В сорок четвертом, в Латвии. Помню, построили нас, стали приказ зачитывать. Тут ОН налетел, давай бомбы бросать. Лежали как кроты – носом в землю.
– А за что дали?
– Подняли ночью – и к реке. Немец мост разбомбил. Начали его чинить, да рядом еще другой строить. Лодок нагнали, га лодки

прогоны, еще сверху- настил. Домишки на берегу разбираем... А ОН бомбит, мины бросает. Много погубло.

Дед, кряхтя. потянулся за чайником, подлил себе чайку. Отвернулся к окну; молчал, шевеля седыми бровями.

– А ранило тебя где?

– Под Лычковой. на Волховском. Там много наших побили. А больше всех – узбеков. Они ведь как? Ранят кого из них – толпой сбегутся, встанут в кружок и свое: «а-ра-ра!» Немец туда – мину. Отделение все сбегается: «а-ра-ра!» Немец опять – мину...

– Это там тебя в голову ранило?

– Там, под Лычковой.

– А чем ранило? Что на тебе было?

– В шапке я был: осень, холодно. Мина-то сзади лопнула, он голову и стеснул. А другой – в руку, повыше локтя. Шапка в крови, рукав в крови. Сижу, голову трогаю. Не пойму, что со мной. Как очухался, второму номеру кричу: «Бери мой «максим», а я отвоевался!» И – до медпункта.

– Сам, что ли, добрался?

– Прямо за нами ржаное поле было, неубранное. Я по тропинке пополз. Ползу, кровь с лица утираю – ан глядь почти на то же место вернулся. Командир какой-то навстречу идет, кричит: «Ты куда, сержант, в бога мать, ползешь?! К немцам ползешь! По той тропинке надо». Ну, пополз по другой, добрался до медпункта. Перевязывать некому: в наступление шли на Лычкову, раненых ... Эх, тьма тьмуцая! Потом приходит еще командир, говорит: «У нас одна телега. Туда положим тяжелораненых. Кто может – идите пешком в Максатиху». А в Максатихе – медсанбат!

Вот я в телегу вцепился, добрал до Максатихи, четыре версты. Там перевязали, подкормили, на телеги – и в госпиталь. Ночевали на станции Кресты, в каменных сараях. А ночью ОН налетел, давай долбать! Орут, стонут, «добейте!» – кричат. Вот те и Кресты!.. Кто уцелел, тех – в госпиталь.

– Сколько ты там провалялся?

– Четыре с половиной месяца. Сперва на голове рана гноилась. Потом на пояснице чирьи пошли. Если б не бабка одна, кисло б мне было. Помню, на солнышке мы грелись. А она говорит: «Не горюй, сынок, завтра подорожнику принесу». Точно: на другой день приходит. «Мыло-то есть у вас?» – «Есть». «Мылом намыль и прикладывай». Я так и сделал. Три дня проходил, начало уж подсыхать. Тут – беда: взяли на перевязку. Докторша шею

мылит: кто разрешил? И опять за свое: йодом велит прижигать. Ну, да уж я знал, как лечиться. Помогло бабушкино лекарство!

Дед опять замолчал. Я нетерпеливо поглядывал на часы, мял папаху.

— Когда из госпиталя выписывался, пошел на склад — свое имущество получать. Сапоги у меня были хорошие, новые, ремень кожаный, трофейная бритва. В день выписки выдают: сапоги с разодранным голенищем, старый ремень, бритву поломанную. Я к каптенармусу: так, мол, и так, не мое это все. А он ехидно почмокал, говорит: «Как не твое?». Список достал, пальцем тычет: «Что сдал? Сапоги, ремень, бритва. Что получил? Сапоги, ремень, бритву. Что в списке указано, то у тебя на руках». Что тут делать? Пошел к докторше, а у той разговор короткий: по списку получай и уматывай.

В прихожей — звонок, шум, смех. Ввалился Сашка — подхорунжий Александр Саблин: щеки розовые с мороза, камуфляжная куртка — нараспашку.

— Засиделся, а, господин атаман? Поехали, опоздаем! — И, обращаясь к деду: — Корнил Петрович, а мой прадед тоже на Волховском повоевал... Так он рассказывал, будто в начале войны ни ложек, ни кружек у солдатиков не было. И котелков не хватало!

Деду нравится веселая Сашкина рожа. Сашке двадцать два года, он — водитель микроавтобуса. Казачью форму не снимает с тех пор, как побывал в бою в Приднестровье.

— Правда, — дед улыбнулся. — Я тоже: в котелок, бывало, супу налью, отделение построю. Вызываю по одному: на, друг солдат, пей. Трудно было. У немца убитого выпотрошишь ранец — чего только нет. Шоколад, галеты. Коробочка специальная. Откроешь ее: кисточка для бритья, бритва, мыльце, ванночка. А мы-то мылом хозяйственным рыло намылим, скоблим штыком. — Встал с дивана, склонив голову, по-доброму смотрел на Сашку серыми выцветшими глазами. — С сорок третьего повалило к нам все американское, английское: колбаса, концентрат. Яичный порошок. Мы тогда хохотали: говорили — из черепах... Мясные консервы в банках. У банки ключик сбоку. Крутишь его — крышка отходит. Ботинки английские: снесу им не было. В них и летом хорошо, и зимой. Зимой в валенках — смерть. Ползешь на брюхе, голенища полнехоньки снега. Если оттепель — тоже каюк. Ботинки, обмотки — милое дело! ОН нам тогда хорошо помог... —

Перегнувшись через стол, подал Сашке чашку чаю. – Что говорить! Ложек-то не было, котелков не было, а – победили...

– Ага, – Сашка заторопился. – Ну, спаси вас Господи! На девятое мая ждите в гости... Погнали, господин атаман?

В машине Сашка сказал:

– Да, большую Гитлер промашку сделал: с железными мужиками связался! Я рассмеялся.

– Да уж, сантиментами наших дедов не проймешь. У них просто: вот мы – вот они, наше дело – правое!

Вновь мы увиделись с дедом нескоро.

Побывал дед на городском собрании ветеранов. Вернулся оттуда – туча тучей.

– Что тебе, – пытаю его, – не по вкусу пришлось? Знаешь, как грандиозно будут чувствовать вас?

Молчит старик. Уставился в телевизор. Я, томясь, побряхтел для приличия и – поднялся.

– Видал?... – хрипло, с дрожью в голосе, спросил дед.

– Чего?

– А вон! – ткнул корявым пальцем в экран.

С экрана некто мордатый, жестикулируя на американский манер, сыпал нахальной скороговоркой: «До перестройки мы жили в фашистской стране! Мы все должны покаяться...»

– Ты что, впервые слышишь? – я покосился на деда. – Не знаешь, кто это?

– Знаю! – дед зло зыркнул поверх очков. – Знаю. «Сапоги, ремень, бритва!» Каптенармус, как две капли воды... Вылитый он!

В изумлении разглядывал я мордатого.

– Ну чего уставился? – дед сердито смахнул с глаз очки. – Говорю – как две капли воды...

– Может, сын, внук?

– А хоть бы и сын. Яблоко от яблони...

– Это точно.

– Чего – «точно»? Вы-то как такое терпите? Еще форму надели...

Дед подбежал к телевизору, защелкал переключателем. Мексиканские вздохи, французская веселость, американский мордобой...

– Вот, гляди... Вроде как не в России. В оккупации!

... Сашкин звонок в дверь спас меня: отставив недопитую

чашу позора, выскочил в коридор.

Облвоенкомат, куда направились мы с Сашкой, — как раз против рынка. Киоски, лотки... Темнокожие торговцы, гадалки; нищие; разбитные ребятишки, желающие делать свой бизнес...

У одного из них Сашка купил зажигалку, другому, кривляке, дал подзатыльник.

— Эй, казаки! — в окошко киоска просунулась лысоватая голова, заулыбалась фиксатым ртом: — Эй, казаки! Купите казачкам «хершес». Лучший шоколад Америки!

— С какой помойки? — поправив за голенищем нагайку, жестко спросил Сашка.

— Как?.. — голова юркнула внутрь ларька. Я разглядел только грязные пальцы торговца, унизанные золотыми перстнями.

— А так! Пусть его жрут «лучшие американцы».

Валил хлопьями мартовский снег, громоздясь на крышах киосков наподобие тубетеек и шутовских колпаков. Под ногами хлюпала грязь. Хлюпали носами продрогшие рябятишки, цыгане. Настороженно косились на нас торговцы. Все так же бойко подкатывали к стоянке иномарки, выходили оттуда вразвалку дюжие молодцы в кожанках и спортивных штанах с лампасами.

— Сапоги, ремень, бритва... — озирая суetyащихся на заплыванном, замусоренном «пяточке» человечков, заворуженно повторил я.

— Что? — недоумевающий Сашка топтался рядом.

Я промолчал. Сашке не обязательно объяснять.

Он сам все скоро поймет.

1995

АЛИНА

Случилось это, заметьте, за два года до первой чеченской кампании.

Возвращались мы с водителем Сашкой из Миасса, где только что отшумел в гневных спорах войсковой Совет атаманов. Сашка, молодой чернявый казак, всю дорогу расспрашивал о казачьем укладе, о «больших атаманах» — все это ему было в диковинку. Только въехали в нашу область — на КПП останавливает гаишник.

Щуплый, чем-то озабоченный сержант подошел торопливо к машине, отдал честь. Завидев мои подьесаульские погоны на летней офицерской рубашке, вытянулся, сказал просяще:

– Товарищ капитан, помощь требуется. Вы до Кургана?

– Да, а в чем дело?

– Девчонку одну подбросьте, беда у нее.

Какая-нибудь дорожно-полевая подруга ГАИ, с легким раздражением подумал я. Небось, погуляла всласть, а теперь и опохмелиться нечем. Нарочито растягивая неловкую паузу, я хмуро посмотрел на сержанта. Тот мялся, взглядывал исподлобья: «Подвезите...»

Этот не отстанет, понял я. Отмахиваясь как о назойливой мухи, процедил:

– Ладно, ведите вашу бедняжку.

Сержант метнулся к своей ярко раскрашенной будке. Вернулся почти бегом, подталкивая статную белокурую девицу. Усадил ее на заднее сидение, вздохнул облегченно:

– Счастливого пути!

Заждавшийся Сашка пустился «с места в карьер». Машина неслась посередине прямого, как стрела, шоссе. В этот вечерний час встречных машин было мало. Закатное солнце своими лучами ласково золотило августовскую листву березовых рощ, южный ветерок волновал желтоватые озера хлебов. Малочисленные стада лениво покидали луга. Что ж! Каждый край хорош по-своему и даже после небольшой отлучки приятно вот так – неторопливо, вприщур созерцать родные пенаты... А что же попутчица?

Я не без труда оторвал взгляд от окрестностей, повернулся. На меня пристально смотрели большие голубые глаза. Толстая до пояса коса, белое, чуть скуластое лицо, плотно сжатые губы были прелестны.

– Как тебя зовут?

– Алина.

Редкое имя. Одежда мятая, поношенная.

– Откуда путь держишь?

– Из Ставрополя.

– От поезда отстала?

– Нет, автостопом.

Круто! Аж две с половиной тысячи верст. Как же она...

Девчонка явно не расположена к разговору. Ладно, у нас

заговоришь. Подмигнул Сашке (тот кивнул, усмехаясь в усы), отвалился в угол, будто подавляя зевоту:

– Молодцом едешь, жми на всю железку!

Спустия пару минут Сашка протянул девчонке термос с горячим чаем. Сказал твердо, наперед не приемля отказа:

– На, держи!

– Спасибо.

– И это!

Краем глаза я углядел, как Сашка передал через плечо сверток с бутербродами и маленькую шоколадку. Девчонка молча принялась за еду. Выждав еще минут пять, он спросил с грубоватым участием:

– Курить хочешь?

Пауза. Спутница делает какие-то знаки.

– Атаман спит. Не бойся, мы не обидим, – Сашка выговаривал неторопливо, солидным юношеским баском.

– А вы что – казаки?

– Ага. А ты пэтэушница?

– Нет, студентка техникума.

Сашка достал сигареты и спички.

– Вообще-то я не курю. Так, иногда, если с ментолом. А у тебя что?.. Ладно, давай!

Моя тактика дарила плоды. Девчонка, хотя неохотно, повела разговор – со сверстниками делиться секретами проще.

– Каким ветром тебя в Ставрополь занесло?

Легкое покашливание. Наверное, чересчур глубоко затянулась.

– Каким, каким, – поддразнила она с досадой, – влюбилась!

– Ну, это клево! – весело подыграл Сашка.

– Ага, клево. Только не для меня.

– Почему? Любовь – это хорошо!

– Хорошо, когда человек хороший.

– Ну, а тут?

– А тут – чечен.

Сашка от неожиданности резко дернул руль. «Шестерка» резко вильнула. «Все испортил, чертов детина, – с досадой подумал я, – теперь, в самом деле, лучше заснуть».

Но пауза длилась недолго.

– Конечно, я дура, – голос ее дрогнул, – да, дура, да разве одна я такая?

- Это как?
- А так! Думаешь, в здешней жизни эти черные от вас чем-нибудь отличаются?
- Эх, сравнила!..
- Вот и сравниваем! Познакомишься с таким, как этот Руслан – он тебя и в бар, и в ночной клуб... Подарки, цветы... «Ничего дэлать нэ будэшь, любимой женой будэшь. Там у мэна дом, машина – все ест! Такую красивую все любить будут – братья, друзья...»
- Видишь, и про друзей правду сказал.
- Правду. Я-то замуж за него собралась. Сам знаешь, замуж – дело серьезное.
- Ну, конечно. Вам, бабам, только скажи про фату – родину готовы продать.
- Поедем, говорит, к моим, – перебивая Сашку, продолжала Алина, – мама, папа обрадуются, благословят. Твой папа узнает такое – тоже на брак согласится. Поехали к нам!..
- А сколько Руслану лет?
- Тридцать восемь.
- Ого! А тебе?
- Семнадцать будет через неделю.
- Вот это любовь, – Сашка помотал головой.
- Поехали мы с ним на КамАЗе, – говорила вполголоса Алина, до Ставрополя добрались за три дня. Там у Руслана живет младший брат. У него семья: жена, трое детей. Живем там день, другой. Они между собой говорят по-чеченски. Все шепчутся, поглядывают как-то странно. Руслан засуетился: «Поеду в Чечню, насчет тебя с родней говорить. Через три дня вернусь». Уехал. Я хватилась: ни паспорта, ни одежды моей – все куда-то пропало. Тут уж мне стало не по себе.
- Что, и паспорт забрали?
- Да, но я об этом молчу, не спрашиваю, дурочкой прикинулась. По хозяйству взялась помогать, с ребятишками водиться. А они на меня глядят, как волчата.
- Просекла, значит, что дело нечисто? Седьмой женой могла стать.
- Догадалась! Как-то вечером, когда все взрослые в гости ушли, я ноги в руки – и на трассу. Будто мне кто-то свыше скомандовал: встань и беги! А когда до Волгограда доехала, тогда только в себя пришла.

– Как же ты добиралась?
– А я к молодым водителям не садилась. Только к пожилым и русским, на грузовые.
– Рассказывала им, как влипла?
– Приходилось.
– Ну, а они?
– Материли, плевались, все ж везли куда надо. Вот и еду почти две недели...

Помолчали.

– А теперь – как? – с ноткой нетерпения спросил Сашка, – нет желания в «чехов» влюбиться?

– Да какая разница! Лишь бы человек был хороший.

– Вот эти «хорошие» вас и дурят! Эх, вы!

Сашка зло засопел, опять повел машину рывками, будто во всем были виноваты колеса и руль. Спустя некоторое время он тронул меня за плечо:

– Смотрите, господин атаман, – уснула.

Я обернулся. Алина спала, забившись в угол. Красивая голова ее покоилась на кулачке, длинные темные ресницы изредка вздрагивали. Ноги она зябко поджала, одна штанина слегка задралась, обнажив точеную щиколотку.

Я разглядывал эту девчонку и не находил в ней признаков скрытой порочности, циничной распущенности. А между тем, ей пришлось пробираться из чужих краев через пол-России без документов, почти без одежды, без копейки в кармане. Она, поди, и с родителями не путешествовала так далеко. А тут жуткая бесконечность дорог, незнакомые хмурые лица и тревога, страх, страх... Жила, как все: училась, дружила. Вдруг сорвало и понесло, будто птицу в грозу – и куда? За мечтой...

– Господин атаман, скажите, – в голосе Сашки звучали горечь и обида, – что, им своих парней мало? Ну что наши девки находят в этом зверье? Она вот красивая, молодая, а кинулась на кого? На старую, облезлую обезьяну.

– А сам как думаешь?

Он помолчал, размышляя.

– Тут, думаю, все из-за денег. Наш, русский, за стаканом да в поле с винтовкой. А бабай в это время из-за прилавка рыбачит. Начальство наше ими давно куплено, а теперь и баб покупают! Глядишь на все это, и плевать охота. Стремно!

– Не плюй в колодец, – безапелляционный тон Сашки мне не

понравился, – в одних царствах женщин берут за калым, на Западе обе стороны действуют по расчету.

– А наши ни рыба, ни мясо.

– А наши не умом – сердцем живут. Они этим шамилям, русланам как нам с тобой доверяют. Потому и ждут от них чувств, на какие сами способны.

– Эти черти имидж себе слепили; они и друзья до гроба, и гостеприимцы, и рыцари гор... Ну, на такое наши глупые девки «кклюют»! Кажется им, что у черных все прочно, красиво: страсть вечная, слово крепкое, кинжал верный, а жизнь счастливая.

– Да, азиаты велеречивы. Клясться, как они, нам и в голову не придет.

– Как же, русского обмануть для них – доблесть. Ведь Руслан этот, скотина, зачем девчонку увез? Богатому бабаю в рабство продаты! Вождю – живой товарец, холопу – ионеты.

Алина вдруг завозилась. Всхлипнула, очнувшись от тревожного сна.

– Куда мы едем? Ребята, это что, Урал?

Успокоилась, припомнив свои предыдущие приключения. Мы с Сашкой молчали, вглядываясь в пронзаемую светом фар придорожную тьму.

– Ай-яй! Смотрите, – радостно закричала Алина – огоньки! Неужели доехали, а? Уф, повезло! Кого благодарить, не знаю.

– В Бога веруешь? – спросил Сашка.

– Крещеная.

– Крестик надень, иди в храм. Батюшке все без утайки поведай. Благодарю за все Господа Бога, – помолчал, вырвав на дорожном кольце, и вдруг спохватился, – платок надень, не забудь. Без платка в церковь нельзя!

Алина, блестя глазами, жадно рассматривала освещенные улицы города: сколько киосков понастроили...

Приблизились к центру города. Алина притихла. Повозилась, вздыхая; сказала с тревогой:

– Как родителям показаться, не знаю. Прибьют!

Сашка покосился на Алину, пощипал ус.

– Ничего. Поймут, примут! Бог милостив...

2000

«АХ, АМЕРИКА!»

Сияли звезды в высоком июльском небе, за темным частоколом далекого леса багровела полоска заката. Над гладью речной заводи то и дело взлетали утки, хищно бросались наперехват роящейся мошкаре вертолеты-стрекозы. На воде расходились многочисленные круги – играла рыба.

На берегу у костра сидели четверо: трое мужчин и женщина. Крепкоскулый бывалый Михалыч, старший по возрасту, варил уху в ведерке – душистый пар вовсю валил из-под крышки; тридцатилетняя крашенная под шатенку Жанна курила, щурясь от дыма; литератор Алексей Юрьевич и молодой столичный предприниматель Сергей разговаривали возбужденными голосами.

– Нет, – хмурясь, сказал Алексей Юрьевич, – в Штаты меня калачом не заманишь. На что там смотреть? Египет, Италия, Греция – вот страны, где не зазорно побывать русскому человеку.

Жанна неприязненно покосилась на Алексея Юрьевича; от-вернувшись, подняла лисью мордочку к звездам. С издевкой проговорила:

– О-ля-ля! Да вам никто в Америку ехать не предлагает. Было б предложено – побежите, как миленький.

– Ну! – не моргнув глазом, пробурчал Алексей Юрьевич. – Чем, интересно, привлекает американская жизнь?

Жанна оживилась.

– В русском языке слов не хватит – вам объяснять. Вы хотя бы видели настоящий американский супермаркет? Вечерний Бродвей? А Голливуд!.. – Смахнула с глаз очки, голос восторженно зазвенел. – Мы дикари, отсталые дикари... Ах, Америка! Молодежь душой и телом стремится туда.

Алексей Юрьевич и Сергей рассмеялись.

– Телом? Хорошо сказано. А вот душа может быть живой только здесь. – Алексей Юрьевич обвел рукой окрестности.

Как натура нервная, экзальтированная, Жанна впала в амбицию: оппонентом было задето заветное.

– Вы, Алексей Юрьевич, всю жизнь прожили в нашем «колхозе». Ничего другого видеть не хотите, потому что привыкли. А современные, свободные люди используют любую возможность уехать из этой страны туда, где есть будущее. Вот, например, Сергей.

– Нет уж, бесценная, – Сергей подкинул ветку в костер, поднял на Жанну раскрасневшееся, смеющееся лицо, – меня в граждане мира не зачисляй! Здесь мне куда лучше, чем там. – Посмотрел на спутников, разливавших уху по тарелкам, поднял крепко сжатый кулак: – Здесь – свои...

– Ты это говоришь из мужской солидарности! – не сдавалась Жанна.

– Э, брось! Я в Штаты теперь ни ногой, хоть и прожил там три года. Сам не хочу и другим не советую! И тебе там нечего делать.

– Почему это?

– Пропадешь, потому как большие чувства в тебе кипят. А настоящие американцы, знаешь, какие? Им не до сантиментов! Каждый весом шесть-семь пудов, голова костяная, а внутри вместо мозга – орешек.

Голубоватые близорукие глаза Жанны расширились удивленно, потом налились слезами. В голосе зазвучала обида:

– Издеваетесь...

Михалыч, хорошо знавший характер подруги, тут же поднес ей стакан коньку.

– Выпей-ка, слезки утри.

– Не буду! – закапризничала Жанна.

– Пей!.. – взгляд Михалыча сделался тяжелым, свинцовым.

Жанна, давась, вытянула полстакана. Всклипнув, поднялась, пошла было к реке. Михалыч догнал ее, сгреб в охапку. Косолапо ступая, унес подмышкой в палатку. Две-три минуты оттуда слышалось пьяное лепетание, всхлипы; затем раздался некий страстный стон и ласковое ворчанье Михалыча.

– Пошло-о дело, – Сергей весело подмигнул Алексею Юрьевичу. – Пора и нам, безлошадным, принять по чарке... Ну, за наши возможности!

Они выпили водки и принялись за уху. Ели долго, утирая лбы и кряхтя – варево из ерша, окуня и налима было приготовлено превосходно. Затем, постелив кошмы, легли у костра, закурили. Из палатки продолжали доноситься возбужденные вздохи.

– Чем вне палатки занимается Жанна? – лениво спросил Алексей Юрьевич.

– Журналистка! – Сергей дернул ртом, выпустил дым из ноздрей.

– Поня-атно, – протянул Алексей Юрьевич. – Значит, из числа благодетелей наших. Свою страну почти угробили, теперь за

«бугор» захотели – буржуинов обслуживать. Только кому там журналоги нужны? Физики, математики наши – за милую душу. А эти...

– В том-то и фокус! Таких Жанн в Штатах – как грязи.

Помолчали, глядяваясь в сумрак сказочной ночи. Слушали шелест листвы, шорохи, всплески и голоса невидимых человеческому глазу существ. В черном безлунном небе зажигались вечные звезды. В такую ночь не казалась пугающе-далекой межпланетная бездна.

– В Америке и небо другое, – улегшись на спину, заговорил Сергей. – Я ведь туда случайно попал... А что? Молодой был, фартовый – хоть в Америку, хоть в Австралию, хоть в Баден-Баден. (Алексей Юрьевич перевалился с боку на бок, сел у костра – приготовился слушать.) После института хлебнул чуток соцпроизводства, потом – кооператив, торгово-закупочная контора... Погнали цветнину через Псков в Прибалтику, наработали оборотный капитал. Вы ж помните: тогда, в начале девяностых, все было можно. Съездил в Европу, огляделся, пощупал. Понравилось. Английский язык знаю, ну, а в делах им, хваленым, легко фору дам!

Алексей Юрьевич за свою бурную жизнь повидал и наслушался всякого. Неожиданные признания Сергея не могли его удивить. Спросил сквозь зевоту:

– Стало быть, начал с того, что цветной металл воровал?

– Каюсь! Чертыка попутал, он же потом меня и подвел... Однако, Юрьич, сам понимаешь: не я, так другой кто-нибудь. Металла на заводах лежало – на целую пятилетку... Время лихое было! Короче, к девяносто третьему году сколотил капиталец – восемьсот пятьдесят тысяч баксов. А тут Борис Николаевич Хасбулатову войну объявил, все ждали: вот-вот схлестнутся. Вот и решил я в Штаты рвануть! В общем, уехал в Нью-Йорк. А там – ни родни, ни друзей. Один, как перст. С нуля стартовал! Сперва трудновато было, но нашему брату в чужом краю море по колено, ежели ты с головой и не пьешь. Через пять месяцев взяла меня на работу американо-российская фирма, а еще через год сделался я в этой конторе четвертым лицом. Не буду вас загружать – расписывать, что да как. Вкалывал как проклятый, изо дня в день: переговоры, проекты и – компьютер. Ни Америки, ни Нью-Йорка не видел, хоть мы и сидели в здании Всемирного торгового центра. Как только вознесли, отличили меня в нашей конторе,

решил на новом месте корни пустить – жениться, и непременно на коренной американке. Облюбовал одну, подъехал. Показал широту натуры: пикники, рестораны... Гляжу, она вроде не против. Тяп-ляп, быстренько поженились. Дом я купил – чтоб гнездо, значит, свить. Живем с ней месяц, другой. Тут начал я понимать, что такое коренная американка и какие зубильники у нее.

Алексей Юрьевич оторвался от большой кружки чаем, в глазах зажглось любопытство. Его собеседник, разбередивший душу воспоминаниями, принялся ходить возле костра. Говорил негромко, вполголоса, будто беседуя сам с собой.

– Знаете, какие они, американские бабы? С голливудскими звездулками у них мало общего. Неразвитые, упертые, толстые – жлобы в юбках! Но самомнение непомерное, это уж точно. Для них все и вся – как букашки. В нашей фирме не только американки – русские девчонки работали, две итальянки, испанка. Симпатичные, грамотные девахи. Скромные, исполнительные. И что ты думаешь? Лахудры американские на них как на пустое место смотрели. Налицо, как говорится, завышенная самооценка... Что ж тогда говорить о моей женошке, если она была краше их всех? Ух, и капризная... Как-то пристала ко мне: почему, милый, ты до сих пор не вице-президент фирмы? Пора, дескать, к цели двигать – по головам. Объясняю культурно: мое место в сравнении с вице-президентским не менее хлебное. Зачем нам интриги, война? Ведь на пути к вице-президентству двоих «зубров» надо спихнуть! Она – в амбицию: хочу быть вице-президентшей, и баста! Словом, попала вожжа под хвост. Кобылка с норовом, как и все они там... Но и меня не переупрямишь. Схлестнулись! Сделался я для нее из мужей лютым врагом. Вот это по-американски! Тут ихние фильмы не врут.

Алексей Юрьевич, слушая со вниманием, подлил собеседнику «старки». Сергей осушил стакан в два глотка.

– Что поделаешь? Лучше в петлю, чем жить с такой стервой. И детей ей не надо, и родителей моих знать не желает. В общем, решил я отчалить, развестись с моей ненаглядной. Нанял дельного адвоката – чтоб разрулил. Но супруга и тут на коне: все предвидела, все предусмотрела. Короче, на разводе большую часть имущества я потерял. Хлебнул сладкой жизни! Ну, думаю, теперь я до гроба американками сыт. Жил неженатиком больше полгода, а потом встретил Надежду мою.

Познакомился с ней в кафе: она там работала официанткой.

В Штаты приехала на полгода – людей посмотреть, себя показать. Расторопная, приветливая. По-английски шпарила как по-русски: оказалось, иняз закончила в Петербурге. В ее закуской столовались менеджеры средней руки, вроде меня. Бывал там некий Гарри – ковбойского вида мужчина. Привередливый, щепетильный. Был у него прикол: увидит гамбургер чуть помятый или пирожное с повреждением – тотчас в урну! У них там за некачественные продукты клиент не рассчитывается... Короче, повадился этот пижон Гарри добро переводить на г... Как-то раз видит: Надежда берет дефектные гамбургеры, кладет их в пакет. Гарри спрашивает: «Why, Nadiya?» А потому, она отвечает, что могу брать их бесплатно! Гарри оторопел, домой ушел – думать. Сутки думал. На другой день говорит: « Это хорошая мысль, Надя! Я понял: эти дефектные гамбургеры можно бесплатно есть...» Так-то, Юрьич! Сколько там жил, сравнивал, убеждался: русский человек – сообразительный, находчивый необычайно. Ну, а таких Гарри в Америке – половина.

Воспоминания преобразили Сергея. Весело насвистывая, он разделся, зашагал к реке – потянуло купаться. Алексей Юрьевич, отбиваясь от мошкары, пошел следом.

– Вот так мы с Надеждой сошлись, – пробуя ногой воду, проговорил громко Сергей. – Вот так познакомились... А потом подумали и решили: к чертям ее, эту Америку! В Москву вернулись, живем – не тужим.

– Выходит, вы оба в Штаты поехали, чтобы там встретить любимого человека? – весело спросил Алексей Юрьевич.

– А чего еще мы там не видали? Небоскребов долбанных? Себя обмануть можно, а судьбу не обманешь! Жить здесь, в России – вот наша судьба. Это у ненаших, может, она другая...

Утром все четверо шли на катере вниз по реке. Михалыч (он управлял судном) вырулил на стремнину, затянул басистым голосом любимый куплет:

Издалеку долго
Течет река Волга!..

Все были в веселом приподнятом настроении. Жанна отбросила недокуренную сигарету, стала хлопать в ладоши. Алексей Юрьевич и Сергей пытались подпевать «капитану».

Оставляя за кормой серебряный пенный след, катер мчался навстречу восходящему солнцу. Зеленели новой листвою прибрежные рощи, над водой кое-где поднимался туман.

Щеки Михалыча покраснелись, кудри на висках развева-лись. Большие волосатые руки играючи вращали штурвал. Он и впрямь смахивал на пиратского капитана – недоставало лишь повязки на глазу иль трубки в зубах. Радуюсь солнцу, воде, чудному летнему утру, воскликнул:

– Вот она, сторонка родимая, вот она! Жить хорошо, помирать неохота! Это тебе, Серж, не Америка, растудить ее, безбожную дуру, мать!

2001

ДРУЖИЛИ КОШКА С СОБАКОЙ...

Они

На городском рынке их приобрели в один день – щенка «немца» Сэма и полусиамскую кошку Линду. Щенку был месяц отроду, но уши уже стояли торчком – верный признак породы. Трехнедельная кошечка удивляла своей безукоризненной чернотой и непомерно большими когтями, которые то и дело выпускала, выказывая характер.

На новом месте они быстро освоились, но вели себя по-разному. Сэм привязался к хозяйке и слонялся за нею по комнатам, то и дело поскуливая; Линда тщательно обнюхивала окружающие предметы и голоса не подавала. Днем кошка не просилась на руки, и не терлась у ног. Она быстро научилась открывать двери комнат одной, а когда было нужно – и двумя лапами. Еще она любила лазать по коврам, взбираться на вешалки, антресоли. Ночью «крестники» – так стали называть малышей – помещались возле дивана хозяйки: кошка в ногах, собака у изголовья. Со временем кошка стала укладываться на спину или грудь спящей хозяйки – «снимать отрицательную энергию», как говорили зна-токи звериных повадок.

Обнюхав на кухне углы и столы, Линда занялась делом насущным. По квартире третьи сутки бегали мыши, «переехав-шие», как полагал хозяин, из подвала через дырку возле трубы отопления. Одна каким-то образом пробралась в холодильник и

там окочурилась. Для поимки второй хозяйева принесли от соседней старую сибирскую кошку. Кошка словила было маленького грызуна и принялась с ним играть, но ловкач-мышонок удрал. Кошку вернули соседям, а на другой день за два рубля купили Линду – «в довесок» к Сэму (обзавестись собакой давно решили на семейном совете). Вскоре мышонок оказался в зубах у Линды и от него не осталось ничего, даже хвоста.

Линда отличалась большой чистоплотностью. Короткая черная шерстка ее радовала глаз своим видом. Прыгучесть кошки была феноменальной. Со спинки кресла она могла легко заскочить на антресоли книжного шкафа: это было ее любимое место.

Заведя кошку, профессорша сразу решила, что Линде не след якшаться с котами, рожать ненужное людям потомство. Раз в год она возила Линду в ветлечебницу – ставить стерилизующий укол. После очередного укола Линда выглядела оглушенной, подавленной.

В первые дни щенок, играя, неловко наскокивал на котенка. Линда не проявляла желание ввязываться в «кучу мала», но и не пятилась. Когда Сэм ей надоедал, она била его лапой по морде. Поскуливая, Сэм отступал. Вскоре он вообще перестал докучать черношерстной знакомой, и если хотел пообщаться, располагался насупротив нее, на расстоянии метра. Так они могли просиживать часами, как бы ведя неслышный ушам людей диалог: кошка, подобно сфинксу, загадочно и неподвижно глядела перед собой большими янтарными глазами; щенок изредка шевелил ушами, клал на лапы черную морду, умиротворенно вздыхал. Наверное, в эти минуты, они хорошо понимали друг друга.

Мы

Владелицей Сэма и Линды – их «мамой» – стала Галина Михайловна, сорокалетняя профессорша. Купить щенка просил ее старший сын Александр, а кошку приобрели ради дочери Александры – девочки тринадцати лет. Александр вскоре к щенку охладел и передал Сэма на попечение сестренке.

Их отец, Юрий Георгиевич Кошкин, заведовал кафедрой отечественной истории в местном пединституте; Галина Михайловна работала там же в ранге старшего преподавателя.

Жили Кошкины на первом этаже кирпичной девятиэтажки. В другом подъезде, за стенкой, в такой же трехкомнатной кварти-

ре проживали Деевы.

Кошкин и Деев были старыми знакомцами – с тех пор как, в юности посещали баскетбольную секцию. В дальнейшем Деев пошел по спортивной линии, стал тренером. Жена Деева, Алла Борисовна, была торговым работником, сын Николай учился в одном классе с Александром Кошкиным.

Из-за капризного упрямства Николая и из-за мягкости характера профессорши Галины Михайловны четырехмесячный Сэм перешел в руки Деевых.

Николай был единственным сыном в семье. Мать его баловала и лелеяла, отец-тренер до тринадцати лет за непослушание драл ремнем. Такое воспитание сделало Николая упрямым и скрытным. К четырнадцати годам он быстро стал догонять отца в росте, крепости мышц. Это не могло не радовать мать. Алла Борисовна все чаще задумывалась о тех временах, когда сын будет «ловить удачу», не пасуя, непременно добиваться своего. В Николае она души не чаяла. Подарки, поблажки Деев младший полюбил весьма рано, но всерьез и надолго.

Сэма Николай выпрашивал у Галины Михайловны больше недели – действовал навязчиво и напористо. В конце концов сговорились на том, что овчарка «поживет у Коли, пока не вернется Александра» (июль месяц девочка проводила в летнем лагере). Когда Александра вернулась, Николай заявил, что Сэм-де «к нему дюже привык». Галина Михайловна, совестливая и добрая по натуре, уговорила дочь «оставить пока все как есть». Известно, что нет ничего постояннее временного. Сэм остался жить у Деевых.

С этим не смирилась лишь Линда. Навещая черноголового друга, кошка через отверстие в перегородке общей лоджии пробиралась к соседям. Сэм и Линда усаживались в метре друг от друга на линолеуме прихожей и молча общались – час, другой... Чтобы понять свое, им не требовалось человеческих эмоций и слов.

Подвиг

Папашка Сэма был весьма знаменит.

Рассказывали, будто бы огромный черный кобель, повинувшись какому-то таинственному влечению, перешел государственную границу – из Западной Германии в Восточную и вскоре обрел

нового хозяина в лице русского офицера из Группы Советских войск. По возвращении в Россию офицер подыскал героическому кобелю подругу – чистых кровей овчарку. Сэм оказался достойным потомком своих великолепных родителей. Его природные задатки удивляли даже бывалых собачников. К примеру, зимой он охотно впрягался в санки, поочередно катал Николая и Александра. Заносы, сугробы, метели-все было ему нипочем: разбрасывал снег могучей грудью, пер не удержимо, как танк. Когда друзья, «играли в преступников» – облачившись в телогрейки, убегали от пса, Сэм догонял и валил мальчишек не так, как другие собаки. Он не бросался на спину, а, догнав, падал на брюхо, проезжал по инерции за преследуемым и подсекал передними лапами за лодыжки. Достоинства овчарки не раз обсуждали профессор и Деев-старший «за рюмочкой чая». Деев хвалил Сэма за силу и природную сметку. Он не раз говорил профессору:

– Семен – псина что надо. Он и на рыбалке пригожается, и на улице с ним ночью не страшно. За квартиру я теперь абсолютно спокоен. – Тут обычно делалась пауза, потом Деев радостно хмылялся и заключал, торжествуя:

– Короче, уважил ты нас, Георгиевич. Эта собака дорогого стоит! Уж ты поверь...

Александр слушать эти слова было нестерпимо. Она удалялась к себе и молча глотала слезы, жалея собаку.

Сэм не раз доказывал, что достоин благодарных похвал.

Время настало такое: кто вчера неизбежно грустил – повеселел, кто смеялся – от жалости к себе впал в отчаяние. Нежданная смена общественного строя ввергла профессора Кошкина в депрессию. Он запил, и эта борьба со «змием» растянулась больше чем на год. Зато либеральные реформы благотворно сказались на жизни соседей. Начало рыночной эры стало для Деевых временем сладостных ощущений, перспектив заманчивых, непомерных.

Супруги Деевы проявили недюжинную предприимчивость, смогли неплохо «вписаться» в «рынок». После полутора лет челночно-рыночных приключений у них был уже собственный магазин в центре города. Алла Борисовна, торговый работник со стажем, вела дела умело и жестко. Появилась возможность покупки престижной машины, приобретения новой квартиры – в том же доме, этажом выше. «Розовая мечта» Аллы Борисовны –

создать двухуровневые апартаменты – осуществилась. Статус Деевых вырос как на дрожжах. Куда до них было Кошкиным с их «деревянной» преподавательской зарплатой! На коротких толстых пальцах Аллы Борисовны красовались с полдюжины золотых колец и массивных перстней; правое ухо огрузили три драгоценных серьги... Зависть соседей и родственников к скоробогателям выростала из безрадостного настоящего и простиралась в туманное завтра...

Сэму жилось недурственно – сытно и безмятежно. Одно было плохо: Николай с ним редко гулял, и тогда его нередко подменяла Александра. Девушка подолгу возилась с овчаркой: водила Сэма по соседним дворам, переулкам; иногда приводила к себе – проведать Линду. Бывало Сэма оставляли одного на несколько дней сторожить квартиру. Тогда Сэм часами слонялся по комнатам, терпеливо поджидая Александру. Та приходила вечером (ключи от входной двери у нее были). Кормила, поила, выгуливала одинокого пса.

Однажды ранним летним утром Сэм услышал с улицы подозрительный шорох. Пес насторожился.

Под окном мужские голоса переговаривались вполголоса, хрипавато. Кто-то, матерясь, ломал оконную форточку. Она с треском оторвалась. Неизвестный, кряхтя, полез в ее зев. Навострив уши, пес затаился в прихожей.

Два злоумышленника проникли в комнату, принялись отворять дверцы, дергать ящики шкафов.

– А, е...мать! Не поддается!

– А ты ее гвоздодером. Витька, подай инструмент!

В окно с улицы влетел гвоздодер, с грохотом упал на паркет.

– Ну, е...мать! Щас мы тут все причешем! «Бабки», цацки ищи.

На этой кобыле Алке цацек сколько, видал?

Заслышав эти звуки, Сэм ощутил прилив неистовой злобы. Уши его встали торчком, мышцы напряглись, сделались твердыми, как железо. Унаследованная от беспощадных могучих предков кровь яростно закипела: на мгновенье в темных глубинах сознания пса мелькнули кровавые, будто из прошлой жизни картины... Жутко ощерясь, Сэм молча вымахнул в комнату, кинулся на ближнего к нему мужика.

Вид свирепого черного зверя поверг воров в ужас, оцепенение. Сэм без лая, без церемоний, принялся рвать все, что бегало, двигалось и кружило в поле зрения его налитых кровью глаз.

Мужик завопил, как грешник, очутившийся в лапах нечистого. Другой, что помоложе, прикрылся подельником, как щитом; высадил гвоздодером стекла в окне, «живчиком» выскочил на улицу из квартиры. Сэм, совершив могучий прыжок через окно, бросился вдогонку за ним.

Покусанный тоже выскочил через окно, но побежал в противоположную сторону. Третий вор, что ошивался на стреме, в это время бал уже далеко. Сэм гнал неприятеля метров двести и повернул назад, когда очутился в сырых незнакомых дворах. На тротуаре тут и там остались следы погони – окровавленные ошметки штанин, пиджака. Под разбитым окном квартиры, Сэм в нерешительности побегал туда-сюда по газону; закидывая морду, то и дело поглядывал вверх. Семидесятикилограммовому гиганту-трехлетке невозможно было прыжком с земли достичь подоконника.

Поняв это, пес быстро обогнул дом, забежал в подъезд и улегся на коврик у входа в квартиру.

Спустя час в подъезде пришел в движение народ: кое-кому пришлось время идти на работу. Вскоре на площадке между первым и вторым этажами скопилась толпа: пройти в каком-нибудь метре от громадной овчарки желающих не нашлось. Явились два малорослых молоденьких милиционера. Один достал газовый баллончик, попрыскал метров с двух в сторону Сэма. Пес заворчал, ударил хвостом, но «вырубаться» не подумал – хоть бы хны. Блюститель порядка полез в кобуру...

– Погодите, ребята! – всполошилась на верхней площадке старуха. – Надо сюда Сашу из двадцать четвертой квартиры позвать. Она загонит собаку!

Позвали Александру – и инцидент был исчерпан.

Деевы были в восторге. Деев-старший шумно восхищался подвигом Сэма; Алла Борисовна радовалась, что благодаря собаке все ее вещи и ценности уцелели.

– Таких кобелей, как наш Сэм, в целом мире раз-два – и обчелся, – авторитетно вещала она. – Такие собаки тысячи баксов стоят. А нам он бесплатно достался!

С неделю Сэма кормили исключительно колбасой. В конце концов пес стал отказываться от угощения – отворачивался и уходил, мечтая о простой говяжьей кости или дешевой котлете.

Александра

Николай Деев был на год старше Александры Кошкиной.

Их детство протекало в одном дворе, в одной школе, и это постоянно влияло на их отношения. Долгая, с первого класса дружба Александра Кошкина и Николая позволяла последнему частенько бывать в профессорской квартире. Приятели с увлечением предавались общему хобби – доставанию и прослушиванию записей незабвенного Цоя, – а к «маленькой Саше» относились пренебрежительно, свысока: «Крошка, закрой дверь с той стороны» – неизменно слышала Александра из уст приятелей-снобов. – Иди, учи уроки!»

Александрэ это надолго врезалось в память. Николая она воспринимала как второго брата, точнее, как зеркальное отражение Александра.

Все изменилось в год окончания школы, и виновницей этому стала сама Александра. Девушка необыкновенно похорошела: вытянулась, обрела стать и осанку. Ее ничуть не портили даже очки. Мать находила, что она очень похожа на Анастасию Вертинскую, сыгравшую роль Ассоль в фильме «Алые паруса».

Николай дивился: как он мог доселе равнодушно взирать на прелести профессорской дочки? Он начал оказывать ей знаки внимания – Александра этого не замечала, вернее, не хотела ничего замечать.

Николай по натуре был груб. В своих ухаживаниях он был столь же прямолинейным, как в прежние годы. Быстрое обогащение родителей сделало сына цинично-насмешливым, наглым. Деньги «родаков» пригодились при поступлении в ВУЗ на факультет правоведения. Упиваясь нежданной удачей, Николай полагал, что теперь он неотразим. Розовощекий, плечистый, беспечно-веселый, этакий современный Еруслан Лазаревич, он излучал молодой задор и нахрапистую энергию.

Бесцеремонность Николая вызывала в Александрэ стойкую неприязнь. К тому же ее обижало отношение к ней матери Николая – Аллы Борисовны. Резкий взлет из «грязи в князи» изрядно вскружил ей голову. После стремительного обогащения она считала, что ее обожаемый отрок стопроцентно способен осчастливить Александрэ предложением руки и сердца. «Чего дуру гнать? – горделиво изрекала Алла Борисовна. – Теперь мы с профессорским выводком – ровня». Профессоршу Алла Борисовна высме-

ивала за ее религиозность: «При совдепии разве черта она поминала, а на пятом десятке, вишь, о Боге вспомнила. Завтра власть переменится, станет президентом у нас кришнаит – тогда Михайловна «харе рама» будет орать!» Отказ Александры «близко дружить» с Николаем вызвал в Алле Борисовне приступ спонтанной агрессии.

Нельзя сказать, что Александра, не пытаясь по-доброму понять Николая, действовала по велению девичьего эгоизма – Николай со своей страстью к дешевым эффектам и внушенным матерью «все теперь можно» сам безнадежно испортил их отношения. Как-то вечером он провожал девушку с дискотеки и в полутемном подъезде полез с непрошенными ласками. По действиям хлебнувшего джин-тоника ухажера можно было понять, что ему было недостаточно невинного поцелуя. Александра вывернулась из потных объятий, захлопнула дверь перед носом несостоявшегося «близкого друга». Месть отвергнутого простерлась на всю темную майскую ночь. Николай вызвал по телефону известную всей школе «давалку» (он ей давно импонировал), накачал ее «северным сиянием» (коньяк и шампанское в квартире Деевых не переводились со времен достопамятной победы ельциноидов над нардепами), а затем заставил веселую девицу, изображая бурную африканскую страсть, громко стонать и вскрикивать – «ради прикола». Естественно, через стенку «глас любви» слышала гордячка Александра. Дабы усилить эффект, Николай еще распахнул дверь на лоджию – благо родителей дома не было и «чистоте эксперимента» никто не мешал.

Обида

С того дня жизнь Сэма сделалась много хуже.

За полгода до этого пса перестали регулярно выводить на прогулки: всем, кроме Деева-старшего, «было некогда». К тому же появление овчарки у Деевых всегда связывалось с именем Александры. Пес служил Алле Борисовне и Николаю живым напоминанием «прокола со сватаньем Сашки», и это раздражало их донельзя уязвленное самолюбие.

Как же: какая-то «четырёхглазая, тощенькая» (слова Аллы Борисовны) пигалица, пусть даже, дочь профессора, не увлеклась безмерно обожаемым мамой здоровяком-красавцем. Тем более, Николай – сын ну очень небедных родителей. А тут еще

Галине Михайловне Кошкиной удалось, как говаривали соседки, отмолить мужа: Юрий Георгиевич совладал с депрессией, совершенно бросил пить и вскоре был избран ректором университета. Тогда депрессия случилась с Аллой Борисовной. В ее причесанной а la примадонна голове надолго засел обидный вопрос: какое она, эта Сашка, имела право рушить фундамент столь перспективного брака?! Даже университетские торжества (именины сотрудников, банкеты по поводу защит диссертаций), на которые по приглашению Кошкина раньше Деевы ходили охотно, Аллу Борисовну уже раздражали.

– Больно умные все. Да только сколько языком ни чеши, на хлеб с маслом не заработаешь. Александр Георгиевич хоть и ректор, а машина его хламье – «волгарь» ржавый-прержавый. Наш Коля первый курс кончит, – я ему «джип» куплю, честное слово!

За упрямство и несговорчивость Александры в первую голову поплатился Сэм. Ни Алла Борисовна, ни Николай не считали нужным вовремя кормить пса. Только Деев-старший, по-прежнему благодарный собаке за честную службу, не скупился на гостинцы. Иногда, пьяненький, шел в угол прихожей, где квартировал пес; трепал собачий загривок, спрашивал умильно, со спазмой: «Что, Семен, никому мы с тобой не нужны? То-то. Всем подавай мани, бабосы... Одно у людей на уме». Но псу от этого было не легче.

...Через день после размолвки с Николаем Александра имела крупный разговор с его «крутой» мамой.

– Алла Борисовна, здравствуйте! Верните Сэма, мы с мамой соскучились...

Лицо Аллы Борисовны покрылось красными пятнами. Перегнувшись через перила (стояла на лоджии, а Александра с одноклассницей внизу, возле подъезда), она закричала так громко, чтобы слышал весь двор:

– Парни от тебя, Сашка, нос воротят, так что? На кобелей тебя потянуло?

Вопреки ожиданиям вздорной бабищи, Александра ничуть не смутилась. Поставила ногу на ступеньку крыльца (из-под юбки показалось худое колено), подбоченилась:

– Это какие же парни, Алла Борисовна? Уж не ваш Колян?

– А хоть бы и он!

Блестя очками, Александра запрокинула голову, задорно

наморщила нос:

– Уж лучше дружить с кобельком, чем с вашим пошлым Кольком!

Алла Борисовна захлебнулась желчью. В своем «прикиде» – спортивной майке и черных колготках, плотно обтянувших отвисший живот, она выглядела весьма комично. Отповедь Александры слышал весь двор. Вечером о разговоре узнал Николай. Известие явно его не обрадовало – ходил туча тучей. Вскоре он нашел, на ком сорвать зло.

... Придя домой, Николай увидел знакомую картину: Сэм и Линда сидели друг против друга в прихожей – как обычно молча общались. Только пес чуть-чуть водил большими ушами, а кошка слегка играла хвостом. Любимица Александры пробудила в Николае жуткую злобу. Он схватил Линду в охапку, потащил на лоджию – туда, откуда пришла. От боли Линда громко мяукнула – это случалось с ней крайне редко. Уже в дверях Николай услышал грозное рычание пса за спиной. Обернулся – Сэм мчался прямо на него, отталкиваясь сильными лапами от паркета. С разбегу грудью пес толкнул Николая в живот. Николай отлетел к перилам, завизжал от боли: падая с балкона, кошка выпустила острые, как жало стилета, когти.

Пес не рычал, не лаял, – вилял хвостом, взглядывал кротко и виновато. Со страхом косясь на собаку, Николай просочился в подъезд. Дождавшись мамыши, он с дрожью в голосе поведал ей все.

Линда

Живу тихо, за людьми наблюдаю. Ничему не удивляюсь: я ведь не Сэм. Этот ими восхищается, зело им верит. Мясом его не корми – дай с ними поиграть, дай наглядеться. А они от него нос воротят. Ур-р-р!.. Что за жизнь устроили люди, если собаки сдыхают с тоски?

В далекие добрые времена люди боготворили нас, кошек. Взять, к примеру, Египет. На стенах дворцов и храмов облик наш высекали, так-то вот. Сфинксов видели? Стало быть, заслужили... А теперь что?

Морят голодом, бьют, из дому выгоняют. Меж двор шляемся, неприкайные. Зачем люди берут кошек, если кормить не желают? Неумные существа, знаете ли. Злоба, гонор в них непомер-

ные.

Пришла в гости к Сэму, сидим, никому не мешаем. Вдруг прискакал лютый Коля: за шкирку схватил меня, поволок. Да с высоты как швырнет на землю! Вот тварь! Летела вверх тормашками – душа ушла в хвост... Но приземлилась надежно: всеми четырьмя на газон. Слава Создателю, жива осталась. Но лапки сильно отбила – долго лежала потом на спине, перемогалась.

Все ж мы с Сэмом не остались в накладе: он лютого в брюхо боднул, а я когтями с лапищи его шкуру спустила... Мр-р-р!

Что теперь с Сэмом будет? Надо как-то бедного псенка проведать...

Ликвидация

«Что делать с этой противной собакой?» – вопрос мучил Аллу Борисовну, гвоздем засел в мозг, заставляя забыть о самом насущном – сделках, покупках...

Алла Борисовна искоса поглядывала на огромные клыки Сэма, его мощные лапы. Мнилось: вот-вот злоющий кобель набросится на нее, на сына. Кровь, боль...(Перед внутренним взором предстало изуродованное лицо Николая.) Ужас! Того и гляди вцепится в глотку. Один раз уже кинулся, волчара клыкастый, из-за какой-то паршивой кошки.

– Что делать-то будем?

Этот вопрос Алла Борисовна задавала только себе. Наперед решила: ни с кем не советоваться, решить проблему единолично.

Думала двое суток – и, наконец, решилась. Пошла к соседке, спросила:

– Лида, ты чем в апреле мышей травила?

Крысиный яд был пересыпан в небольшой пузырек и надежно припрятан до случая.

Случай представился через день: семья готовилась к поездке на дачу. Предполагалось уехать вечером в пятницу, вернуться утром в воскресенье. Сэму была оставлена «суточная пайка»: несколько сырых говяжьих костей; Деев-старший принес большой батон полукопченой колбасы. (Днем они с Сэмом долго гуляли; благодарный пес вилял хвостом, поскуливал дружелюбно). Отец с сыном уже спускались к машине, когда Алла Борисовна, аккуратно надрезав батон, всыпала в него большую щепоть порошка.

Забубнил за окном автомобильный мотор: Деевы, торопясь, двинулись «на фазенду».

Сэм не спеша погулял по обширной квартире; долго стоял на лоджии, жмурился от яркого июньского солнышка, нюхая наполненный ароматом молодой свежей листвы летний воздух. Наконец, вернулся на свое место – к припасам. Сэм понимал: следующая его прогулка состоится нескоро. Поэтому он закусил сперва колбасой, оставив «на потом» тяжелые, с махрами мяса кости.

Спустя полчаса в желудке пса зажгло, заурчало. Озадаченный таким своим состоянием, он беспокожно принялся ходить по прихожей – стук тяжелых лап овчарки слышался даже в подъезде.

Сэм

Рр-р-р... Что за лихоманка со мной приключилась? О-ох, как нутро жжет! Будто углей наглотался. Нет, водой не залить...

Что со мной сделали? Кабы знать... Разве поймешь их, людей? Бывает так: рычишь на них – кормят, играешь с ними – ругают.

Доля наша – собачья, долюшка несусветная. Знаю одно: какова доля, такие и мы. Кто с людьми живет, хозяина любит. А кого выбросили за ворота, в стаи сбиваются, становятся зверями лютыми – хуже волков. Загрызут любую зверушку – такая в них лютость. Да, стая волков ли, собак ли страшна, а человек все ж страшнее – что рыбак, что охотник... Сколько раз представлялось мне, ну вроде как снилось: и во мне волк сидит. А что? Этак вот поглядишь на людей – чем они занимаются – остается зажмуриться и завывать. У-у-у-у!

Открыл глаза; вижу: Линда уж здесь! Вот и ладно. Когда мы вместе, все как-то легче.

Вернулись с дачи, Деев-старший увидел полуживого Сэма: пес тяжело вздыхал, изо рта шла кровавая пена. Деев испуганно заметался, притащил воды, молока. Сэм нехотя полакал, посмотрел на хозяина снизу вверх (Дееву мнилось: в глазах собаки были боль и укор), уронил на лапы тяжелую голову – затих.

Деев побежал к Кошкиным – за советом. Поздно вечером они с Александрой привезли на квартиру ветеринара. Врач осмотрел Сэма, сказал со вздохом:

– Отравление, очень тяжелое. Похоже, крысид. Жалко собаку: великолепный экземпляр! К утру умрет... Что ж вы раньше-то

не побеспокоились? Вчера его можно было спасти.

Александра заплакала, ушла домой. Деевы ночевали на втором этаже своей великолепной двухуровневой квартиры. Сэм внизу провел свою последнюю ночь.

Наутро Деев-старший обнаружил в прихожей бездыханное тело овчарки. Металлическая миска с водой была опрокинута, а на линолеуме и паркете виднелись влажные собачьи следы. Судя по ним, умирающий Сэм сходил на лоджию, где лежали рыболовные снасти хозяина, где было отверстие в перегородке, в которое во время своих визитов к нему лазала Линда, – прощался.

Умер Сэм, по-видимому, утром, потому что был еще теплым. Мама и сын поспешно ушли из дому – нашлось множество важных дел, срочных визитов и встреч. Алла Борисовна в дверях крикнула мужу, чтобы поскорее «убрал эту падаль». Хмурый Деев занялся похоронами собаки.

Он завернул труп Сэма в мешковину (пришлось распороть два мешка). Сосед по площадке помог спустить почти пятипудовое тело во двор, к машине. Вместо носилок использовали старую доску кульмана. За город поехали втроем: Деев-старший с соседом и Александрой.

Могилу для Сэма Деев вырыл в углу сада, под старой раскидистой яблоней. Александра бросила горсть земли на прах несчастного пса. Потом втроем пили чай на веранде. Деев с соседом откупорили две бутылки вина – помянуть.

– Эх, Семен, Семен! – Деев сокрушенно мотал головой, тряс седеющим чубом. – Королевских кровей был кобель. Душа-пес, умница. Знаете, братцы, о чем я порой думаю? – Навалился грудью на стол, взглянул исподлобья: – У меня кроме Семена никаких друзей в последнее время не было. Кто спился, кто камень за пазухой держит – завидует. А Семен... Помогал, защищал, слушал меня! Друг такой – о четырех ногах. Такой не продаст, не подставит. Пес надежнее человека, ей – Богу.

Он говорил это вполголоса, будто поверяя спутникам великую тайну.

Дома Александра сказала матери:

– Знаю, кто Сэма загубил. Это я виновата, что он оказался у этих... Злодеевых. Мама, я кое-что поняла! С такими, как Деевы, нельзя проявлять никакой слабости. Надо было забрать у них Сэма, чего бы это ни стоило. Он вместо меня оказался под ударами зла.

– Бог, Сашенька, все видит, – обняв дочь за плечи, с печалью сказала Галина Михайловна. – Господь и накажет за зло.

Мать ушла. Александра села за книгу, но чтение не шло на ум. В открытое окно вливались запахи буйно растущей травы и листвы, громкое щебетание птиц. Во дворе возле песочницы играли детишки. Александра с болью подумала: там, во дворе, гулял Сэм, который лежит, зарытый в саду, и никогда не увидит ни двора, ни неба, ни солнца. Достала альбом фотографий. С одной глядел на нее черными круглыми глазами веселый востроухий щенок – первая в жизни Александры утрата.

Линда

Не за что нам, кошкам, любить собак. Кто больше собак перед людьми раболепствует? Да и что есть собака? Фу!.. Больше других не люблю водолазов – за суету и слюнявость. Но Сэм не такой: не путается в ногах у людей.

Ито: чего за ними ходить, за людьми? Человек – зверь с темной душой. Сейчас ласков – тотчас сердит. Смешно и глупо. Если зверь сытый, он не может быть злым. А у людей так: чем больше жратвы и разного барахла, тем они злее, жаднее. Эх, люди, люди.

Вчера прибежала я к Сэму, а он кончается. Кровью блюет, еле дышит. Меня увидел – обрадовался. Посидела подле него недолго, последний раз посмотрела в собачьи глаза. Душой приняла его смертную муку. Ушла тем же путем, что пришла: нам, кошкам, не положено быть при самой кончине – собак ли, людей. И сами мы отходим в свой час без свидетелей.

Что ж! Теперь одна буду жить-поживать, без друзей. Молча жить, потому как разговаривать больше не с кем. Неспроста так устроено, что кошкам среди людей положено вечно молчать. Люди чаще всего поминают имя Божие, но если судить по делам их, то Бога мало кто в самом деле боится.

* * *

В тот год лето было роскошным: стояли солнечные теплые дни; дожди шли короткие, проливные.

Александра окончила школу, готовилась к поступлению в университет. По этому случаю у Кошкиных собрались одно-

классницы Александры; звучали музыка, веселый девичий смех. Подруги – как на подбор красивые, нарядные – переговаривались возбужденными голосами, без стеснения налегали на шампанское и вино. Визит на квартиру ректора пробудил жгучий интерес, рождал мечты и надежды... О парнях говорили с иронией. Перспектива выйти замуж за сверстника никого не прельщала.

Преобразилась Галина Михайловна. Радостно лучились глаза, всех ей хотелось ласково расспросить, поддержать. Этот день она так долго ждала. Любимая младшая дочь входила в неведомый взрослый мир.

– Счастья, всякого добра тебе, Сашенька! Любви – настоящей, большой!

Расчувствовался профессор Кошкин – достал свой любимый баян, запел низким голосом:

Когда б имел золотые горы
И реки, полные вина,
Все б отдал бы за ласки-взоры,
Чтоб ты владела мной одна!

Общего радостного возбуждения не разделяла лишь своенравная кошка Линда. При появлении гостей она переместилась с нагретого солнцем подоконника, где обычно «загорала» среди цветочных горшков, и по ковру в два прыжка вознеслась на антресоли огромного шифоньера. С двухметровой высоты, не мигая, она наблюдала за общим весельем. Среди радостного возбуждения никто не обращал на кошку внимания. Она, казалось, мало интересовалась тем, что творилось внизу: взгляд больших немигающих глаз был загадочен и неподвижен.

Громко играла музыка, девчонки приглашали друг друга на танец, кое-кто затягивал песню, – а кошка все так же холодно и презрительно глядела на людей, застыв над их суетой напоподобие сфинкса.

2003-2005

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

ПОВЕСТИ

Ожидание Маргариты 4

Условный бой 41

 Глава первая. Замысел 41

 Глава вторая. Подготовка 51

 Глава третья. Дело 66

 Эпилог 86

РАССКАЗЫ

Сапоги, ремень, бритва 94

Алина 98

«Ах, Америка!» 104

Дружили кошка с собакой... 109